CORGI

CORGI
SF COLLECTOR'S
LIBRARY

The Dreaming Jewels

THEODORE STURGEON

PRIZEWINNING AUTHOR OF THE INTERNATIONAL
FANTASY AND SCIENCE FICTION AWARD

Синтетический человек (The Synthetic Man / The Dreaming Jewels)

Теодор Старджон

Аннотация

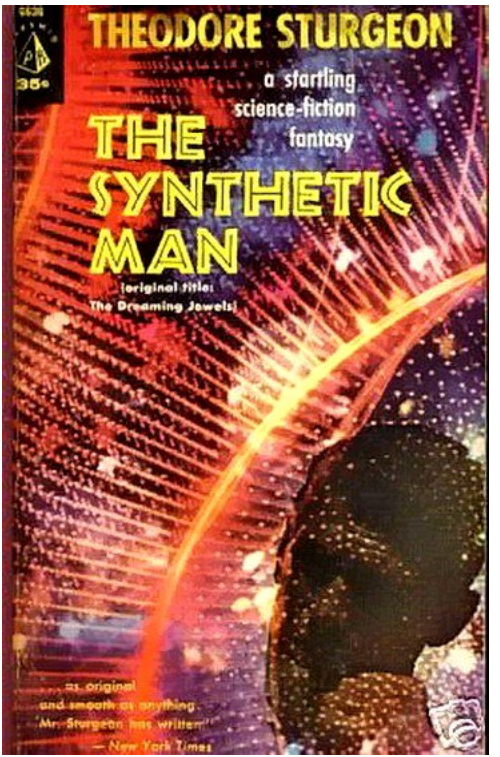
Теодор Старджон. СИНТЕТИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК. The Synthetic Man / The Dreaming Jewels

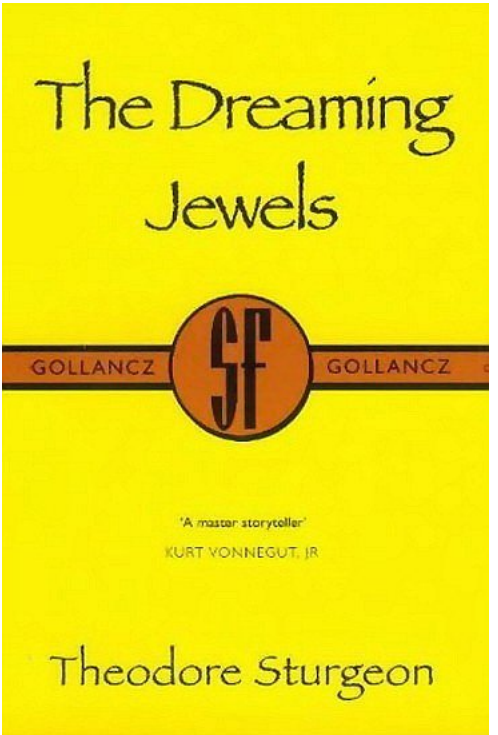
Аннотация

Роман Старджона «Синтетический человек» — **The Synthetic Man** (Другое название — «Сны самоцветов» — **The Dreaming Jewels**) 1950 г., совмещает «твердую» (естественнонаучную) НФ с «романом ужасов»: сновидения инопланетных кристаллов материализуются в гуманоидов — уродцев, которых подбирает замышляющий недоброе владелец бродячего цирка; однако один из уродцев с помощью любимой девушки убивает злодея (и приходит к пониманию, что человечность в меньшей степени определяется биологией, а в большей — общением с людьми, жизнью в человеческом сообществе).

Теодор Старджон
СИНТЕТИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК

The Synthetic Man / The Dreaming Jewels





Они поймали мальчишку, когда он делал нечто отвратительное там под трибунами на школьном стадионе и отправили его домой из находившейся через дорогу средней школы. Ему было тогда

восемь лет. Он занимался этим годами.

В какой-то степени его было жаль. Он был славным ребенком, и внешне симпатичным ребенком, хотя и ничем особо не выделявшийся. Были другие дети и учителя, которым он немного нравился, и некоторые, которым он немного не нравился, но все набросились на него, когда об этом стало известно. Его звали Горти — то есть Гортон — Блуэтт. Естественно ему досталось, когда он пришел домой.

Он открыл дверь так тихо, как только мог, но они услышали это и вытащили его в самую середину гостиной, где он и стоял краснея и опустив голову, с одним носком спустившимся на щиколотку. В руках у него были книги и бейсбольная перчатка. Он хорошо брал подачу, для восьмилетнего мальчика. Он сказал:

— Я…

— Мы знаем, — сказал Арманд Блуэтт. Арманд был костлявым индивидуум с маленькими усами и холодными влажными глазами. Он ударил себя ладонями по лбу, а затем воздал их вверх. — О Боже, мальчик, что во имя Всевышнего заставило тебя делать такую мерзкую вещь?

Арманд Блуэтт не был религиозным человеком, но он всегда разговаривал подобным образом,

когда хлопал себя ладонями по лбу, что он делал достаточно часто.

Горти не ответил. Миссис Блуэтт, которую звали Тонта, вздохнула и попросила виски с содовой. Она не курила и ей нужна была замена задумчивой паузе, в течении которой курильщик зажигает спичку, когда у нее не хватало слов. Ей так редко не хватало слов, что бутылки виски хватало на шесть недель. Она и Арманд не были родителями Гортона. Родители Гортона были наверху, но Блуэтты не знали об этом. Гортону было позволено называть Арманда и Тонту по имени.

— Могу я спросить, — сказал Арманд ледяным тоном, — как давно у тебя эта тошнотворная привычка? Или это был эксперимент?

Горти знал, что они не будут стараться облегчить ему жизнь. На лице Арманда было то же раздраженное выражение, как когда он попробовал вино и нашел его на удивление вкусным.

— Я не часто это делаю, — сказал Горти и ждал.

— Пусть Господь смилуется над ним за нашу щедрость, за то что мы взяли к себе эту маленькую свинью, — сказал Арманд, снова хлопая себя по лбу. Горти медленно выдохнул. Ну с этим было покончено. Арманд говорил это каждый раз, когда он был зол. Он вышел, чтобы смешать Тонте

коктейль.

— Почему ты это делал, Горти? — голос Тонты был более нежным только потому, что ее голосовые связки были более нежно устроены, чем у ее мужа. На лице ее был такой же неумолимый холод.

— Ну, мне просто захотелось, наверное.

Горти положил свои книги и бейсбольную перчатку на скамеечку для ног.

Тонта отвернулась от него и издала непередаваемый звук, как будто ее тошнило. Вернулся Арманд, неся стакан, в котором позвякивал лед.

— Никогда в жизни не слышал ничего подобного, — сказал он презрительно. — Я полагаю вся школа знает об этом?

— Думаю, да.

— Дети? Учителя тоже без сомнения. Ну конечно. Тебе кто-то что-то говорил?

— Только Доктор Пелл. — Он был директором школы. — Он сказал, сказал, что они могут…

— Говори громче!

Горти уже прошел через это однажды. Почему, ну почему нужно проходить через все это снова?

— Он сказал, что школа может обойтись без мерзких дикарей.

— Я могу понять, что он чувствовал, — вставила

самодовольно Тонта.

— А что другие дети? Они что-нибудь говорили?

— Геки принес мне червяков. А Джимми назвал меня Липким языком.

А Кей Хэллоувелл смеялась, но он не упомянул об этом.

— Липкий язык. Неплохо для ребенка. Муравьед. — Вновь ладонь хлопнула по лбу. — О Боже, что я буду делать, если мистер Андерсон поприветствует меня словами «Привет, Липкий язык!» Сегодня утро понедельника? Об этом будет знать весь город, это так же верно, как и то что Бог создал маленькие яблоки. — Он остановил острые влажные острия своего взгляда на Горти. — Ты что собираешься сделать поедание жуков своей профессией?

— Это были не жуки, — уточнил Горти робко. — Это были муравьи. Такие маленькие коричневые.

Тонта поперхнулась своим коктейлем.

— Избавь нас от подробностей.

— О Боже, — снова сказал Арманд. — Что из него вырастет?

Он упомянул две возможности. Горти понял только одну из них. Вторая заставила подпрыг-

нуть даже всезнающую Тонту.

— Убирайся отсюда.

Горти пошел к лестнице, когда Арманд в отчаянии тяжело опустился рядом с Тонтой.

— С меня довольно, — сказал он. — Я сыт по горло. Это отродье стало символом неудач для меня с тех пор, как мой взгляд упал на его грязное лицо. Этот дом недостаточно велик — Гортон!

— А?

— Вернись и забери с собой свой мусор. Я не хочу, чтобы что-то напоминало, что ты в доме.

Горти медленно вернулся, оставаясь вне досягаемости Арманда Блуэтта, поднял свои книги и бейсбольную перчатку, уронил пенал — на что Арманд опять сказал «О Боже» — поднял его, чуть не уронил перчатку и в конце концов взбежал по лестнице.

— Грехи отчимов, — сказал Арманд, — падают на головы отчимов, вплоть до тридцать четвертого раздражения. Что я такого сделал, чтобы заслужить это?

Тонта вращала свой стакан, не сводя с него глаз, понимающе поджав губы. Было время, когда она не соглашалась с Армандом. Затем было время, когда она не соглашалась, но ничего не говорила. Все это было слишком утомительно. Сейчас она

сохраняла понимающую оболочку и позволяла ей проникать так глубоко, как это было возможно. Так в жизни было намного меньше проблем.

Оказавшись в своей комнате Горти опустился на край кровати, все еще держа книги в руках. Он не закрыл дверь, потому что ее не было в результате убежденности Арманда, что уединение вредно для подростков. Он не включил свет, потому что он знал все в комнате, знал это с закрытыми глазами. Вещей было достаточно мало. Кровать, туалетный столик, шкаф с треснутым зеркалом. Детский столик, практически игрушка, из которого он давно вырос. В шкафу было три пластиковые чехла доверху набитых одеждой, которую не носила Тонта, так что для его одежды почти не оставалось места.

Его…

Ничто из этого в действительности не было его. Если бы была меньшая комната, его бы засунули туда. На этом этаже были две гостевые спальни и еще одна этажом выше, и у них почти никогда не было гостей. Одежда, которую он носил, не была его; она была уступкой тому, что Арманд называл «мое положение в этом городе»; если бы не это, то сошли бы и лохмотья.

Он встал и в результате этого осознал, что все

еще держит в руках кучу вещей. Он положил ее на кровать. Да, перчатка была его. Он купил ее за семьдесят пять центов в магазине Армии Спасения. Он заработал деньги болтаясь вокруг супермаркета Демплдорф и помогая людям донести покупки, десять центов за ходку. Он думал, что Арманд будет доволен, он всегда говорил о находчивости и способности зарабатывать деньги. Но он даже запретил Горти когда-либо еще делать это. «Мой Бог! Люди подумают, что мы нищие!» Так что перчатка осталась единственным свидетельством этого эпизода.

Это было все, что принадлежало ему в этом мире — кроме, естественно, Джанки.

Он посмотрел, через полуоткрытую дверь шкафа, на верхнюю полку и лежавшую там елочную гирлянду (рождественская елка всегда ставилась перед домом, где ее могли видеть соседи — никогда в доме), старые ленты, абажур и — Джанки.

Он вытащил слишком большой стул из-под слишком маленького стола и понес его — если бы он тащил его, Арманд бы примчался наверх, перескакивая через две ступеньки, чтобы посмотреть, что он собирается сделать, и если бы это было весело, запретил бы это — и поставил его осторожно в двери шкафа. Став на него, он порылся за

всяким хламом на полке пока не нашел твердого квадратного тяжелого Джанки. Он вытащил его, деревянный куб, грубо раскрашенный и сильно облупившейся, и отнес на стол.

Джанки был тем типом так хорошо знакомой и такой старой игрушки, когда нет необходимости видеть ее часто или часто к ней прикасаться, чтобы знать что она на месте. Горти был найденышем — его нашли в парке однажды поздним осенним вечером, завернутым только в одно одеяло. Он приобрел Джанки, когда был в Приюте, и когда он был выбран Армандом в качестве приемыша (во время выборной кампании Арманда на должность Городского Советника, которую он проиграл, но которой по его мнению помогло бы, если бы стало известно, что он усыновил бедного маленького бездомного беспризорника) Джанки был частью сделки.

Горти осторожно поставил Джанки на стол и дотронулся до потертой кнопки сбоку. Сначала решительно, затем с нерешительностью ржавой пружины, и наконец дерзко возник Джанки, попрыгунчик, оставшийся от более мягкого поколения. Это был Панч, с облупившимся носом крючком, который чуть не касался торчащего вверх острого подбородка. В ущелье между ними

протянулась понимающая улыбка.

Но вся личность Джанки — и вся его ценность для Горти — была в его глазах. Казалось, что они были вырезаны, или вылеплены, грубо отшлифованные, из какого-то свинцового стекла, что придавало им странный сложный блеск, даже в самой темной комнате. Снова и снова Горти убеждался, что эти глаза обладают собственным свечением, хотя он и не мог быть убежден в этом наверняка.

Он пробормотал:

— Привет, Джанки.

Попрыгунчик кивнул с достоинством и Горти протянул руку и коснулся его гладкого подбородка. «Джанки, давай уйдем отсюда. Никому мы не нужны. Может, нам ничего будет есть, и, может быть, нам будет холодно, но послушай… Только подумай об этом, Джанки. Не бояться, когда мы слышим его ключ в замке, и никогда не сидеть за ужином, когда он задает вопросы до тех пор, пока приходится лгать, и — и все такое.» Ему не приходилось должно объяснять Джанки.

Он отпустил подбородок и улыбающаяся голова качнулась вверх и вниз, а затем кивнула медленно, задумчиво.

— Они не должны были так вести себя из-за му-

равьев, — признался Горти. — Я никого не тащил смотреть. Пошел туда один. Но этот вонючий Геки, он следил за мной. А потом он побежал и позвал мистера Картера. Так нельзя делать, разве нет, Джанки?

Он коснулся головы, постучав по ее крючковатому носу, и она закачалась соглашаясь.

— Я ненавижу ябед.

— Ты имеешь в виду меня, конечно, — сказал Арманд Блуэтт от двери.

Горти не шелохнулся, и в течение долгого мгновения его сердце тоже не шелохнулось. Он наполовину согнулся, наполовину сжался за столом, не поворачиваясь к двери.

— Что ты делаешь?

— Ничего.

Арманд ударил его ремнем через щеку и ухо. Горти ойкнул, один раз, и закусил губы. Арманд сказал:

— Не лги. Ты совершенно очевидно что-то делаешь. Ты разговаривал сам с собой, явный признак дегенеративного ума. А это что — о. О да, детская игрушка, которая была с тобой. Твое приданое. Она такая же отвратительная, как и ты.

Он взял ее со стола, бросил на пол, вытер свою руку о брюки и расчетливо наступил на голову

Джанки.

Горти пронзительно закричал, как будто Арманд давил и его собственную голову, и прыгнул на Арманда. Нападение было таким неожиданным, что тот был просто сбит с ног. Он тяжело и больно ударился о ножку кровати, попытался схватиться за нее и промахнулся, и упал на пол. Он сидел там какое-то мгновение мыча и моргая, а затем его маленькие глазки сузились и остановились на дрожащем Горти.

— У-гу! — сказал Арманд с глубоким удовлетворением в голосе и поднялся. — Тебя следует уничтожить. — Он схватил Горти за рубашку и ударил его. Пока он говорил, он бил мальчика по лицу, снова и снова, снова и снова, вместо пунктуации. — Потенциальный убийца, вот ты кто. Я собирался. Отослать тебя. В школу. Но это небезопасно. Полиция будет. Заботиться о тебе. У них есть место. Для малолетних правонарушителей. Грязный маленький. Извращенец.

Он протащил обмякшего ребенка через комнату и швырнул его в шкаф.

— Здесь ты будешь в безопасности до приезда полиции, — проговорил он запыхавшись и захлопнул дверцу. Та сторона, где были дверные петли, прижала три пальца левой руки Горти.

Когда мальчик издал крик самой настоящей агонии Арманд снова рывком открыл дверь.

— Можешь не орать. Ты — о Боже! Какой кошмар. Я думаю, что теперь мне придется вызвать врача. Нет конца, совершенно нет конца проблемам из-за тебя. Тонта!

Он выбежал из комнаты и сбежал вниз по лестнице.

— Тонта!

— Да, лапонька.

— Этот маленький дьявол засунул свою руку в дверь. Нарочно это сделал, чтобы вызвать сочувствие. Кровь хлещет, как из заколотого поросенка. Ты знаешь, что он сделал? Он ударил меня. Он напал на меня, Тонта! Его небезопасно держать в доме!

— Мой бедный малыш! Тебе было больно?

— Удивительно, что он не убил меня. Я собираюсь вызвать полицию.

— Я лучше поднимусь наверх пока ты звонишь, — сказала Тонта. Она облизала губы.

Но когда она вошла в комнату, Горти там не было. Какое-то время после этого было много возбуждения. Сначала Арманд хотел заполучить Горти в свои руки в собственных целях, а затем он начал бояться того, что могут сказать люди,

если мальчик представит свою собственную искаженную версию инцидента. Так прошел день, и неделя, и месяц, и было безопасно смотреть на небо и говорить таинственно: «Он теперь в хороших руках, бедный маленький дворняжка», — а люди могли отвечать: «Я понимаю...» В конце концов все знали, что он не был ребенком Арманда.

Но Арманд Блуэтт аккуратно отложил одну мысль в уголок своего сознания — в будущем опасаться любого молодого человека, у которого на левой руке не хватает трех пальцев.

Хэллоувеллы жили на окраине города в доме, который имел только один недостаток: он стоял на перекрестке основной магистрали штата с Главной улицей города, так что транспорт ревел день и ночь как мимо парадной, так и задней калиток.

Дочка Хэллоувеллов Кей так заботилась о своем месте в обществе, как это может только семилетний ребенок. Ее попросили выбросить мусор и как обычно она чуть приоткрыла заднюю калитку и выглянула на шоссе, чтобы посмотреть не увидел ли кто-нибудь, кого она знает, ее за этой черной работой.

— Горти!

Он отпрянул в загазованную тень светофорного столба.

— Гортон Блуэтт, я тебя вижу.

— Кей… — Он подошел к ней, стараясь держаться поближе к забору. Послушай, не говори никому, что ты меня видела, ладно?

— Но — ой. Ты убегаешь! — выпала она, заметив сверток у него под рукой. — Горти — тебе плохо? — Он был бледным и уставшим. — Ты поранил руку?

— Слегка. — Он держал свое левое запястье правой рукой, крепко. Его левая рука была замотана в два или три новых платка. — Они собирались вызвать полицию. Я выбрался через окно на крышу сарая и прятался там весь день. Они искали по всей улице и везде. Ты не скажешь?

— Я не скажу. А что в свертке?

— Ничего.

Если бы она потребовала, или схватила сверток, он бы наверное никогда больше ее не увидел. Вместо этого она сказала:

— Пожалуйста, Горти.

— Ты можешь посмотреть. — Не отпуская свое запястье он повернулся так, чтобы она смогла вытащить сверток у него из-под мышки. Она открыла его — это был бумажный мешок — и вы-

тащила страшное разбитое лицо Джанки. Глаза Джанки сверкнули ей и она пискнула:

— Что это?

— Это Джанки. Он был со мной еще до моего рождения. Арманд, он наступил на него.

— Так ты из-за этого убегаешь?

— Кей! Что ты там делаешь?

— Иду, мама! Горти, я должна идти. Горти, ты когда-нибудь вернешься?

— Никогда.

— Ой… этот мистер Блуэтт, он такой злой…

— Кей Хэллоувелл! Сейчас же иди сюда. Дождь идет!

— Да, мама! Горти, я хотела сказать тебе. Я не должна была смеяться над тобой сегодня. Геки принес тебе червяков и я подумала, что это шутка, вот и все. Я не знала, что ты действительно ел муравьев. Знаешь… Я когда-то съела сапожный крем. Ну и что.

Горти поднял свой локоть и она осторожно подложила под него пакет. Он сказал, как если бы только что подумал об этом — и действительно так оно и было.

— Я вернусь, Кей. Когда-нибудь.

— Кей!

— Пока, Горти.

И она ушла, мелькнули ее волосы, желтое платье, кусочек кружева, все это превратилось перед его глазами в закрытую калитку в деревянном заборе и в звук удаляющихся быстрых шагов.

Гортон Блуэтт стоял в темноте под моросящим дождем, замерзший, но с жаром в покалеченной руке и другим жаром в горле. Этот жар он проглотил, с трудом, и, подняв глаза, увидел широкий приглашающий кузов грузовика, который остановился перед светофором. Он побежал к нему, бросил на него свой маленький пакет, и извиваясь пытался забраться наверх, ухватившись правой рукой и пытаясь не задеть левую. Грузовик сдал назад; Горти отчаянно карабкался, чтобы остаться на нем. Пакет с Джанки начал скользить к нему, мимо него; он схватил его, теряя собственную устойчивость, и начал сползать назад.

Внезапно он увидел неясное движение изнутри грузовика и почувствовал вспышку ужасной боли, когда его разбитую руку сильно схватили. Он чуть было не потерял сознание; когда он снова смог видеть он лежал на спине на подпрыгивающем полу грузовика, снова держал свое запястье, и выражал свою боль выступившими слезами и тихими короткими стонами.

— Послушай, малыш, тебе что все равно сколько ты проживешь? — Над ним наклонился толстый мальчик, очевидно его возраста, наклоненная голова которого покоилась на трех подбородках. — Что с твоей рукой?

Горти ничего не сказал. Он пока еще был совершенно не в состоянии разговаривать. Толстый мальчик с удивительной осторожностью убрал здоровую руку Горти от носовых платков и начал снимать слои ткани. Когда он добрался до внутреннего слоя, он увидел кровь при свете от уличного фонаря, мимо которого они проезжали, и он сказал:

— Боже.

Когда они остановились перед еще одним светофором на освещенном перекрестке, он посмотрел внимательно и сказал: «О, Боже!», при этом все эмоции были где-то глубоко внутри него, а его глаза превратились в два сочувствующих узелка морщинок. Горти знал, что толстому мальчику было его жаль, и только тут он начал открыто плакать. Он хотел бы остановиться, но не мог, и не стал, пока мальчик снова бинтовал его руку, и потом еще какое-то время.

Толстый мальчик сидел облокотившись о рулон нового брезента и ждал пока Горти успоко-

ится. Однажды Горти немного притих и мальчик подмигнул ему, и Горти, невероятно чувствительный к малейшей доброте, снова разрыдался. Мальчик поднял бумажный пакет, заглянул в него, что-то проворчал, аккуратно закрыл его и убрал его на брезент. Затем к удивлению Горти он достал из внутреннего кармана пиджака большой серебряный портсигар, такой, в котором пять металлических цилиндров соединены вместе, вытащил сигару, взял всю ее в рот и повернул ее, чтобы смочить, и закурил, окружив себя сладко-едким голубым дымом. Он не пытался разговаривать и спустя какое-то время Горти должно быть задремал, потому что когда он открыл глаза пиджак толстого мальчика был сложен как подушка у него под головой, а он не помнил, как его туда клали. Было уже темно. Он сел и тут же из темноты донесся голос толстого мальчика.

— Не волнуйся, малыш. — Маленькая толстая рука поддержала Горти под спину. — Как ты себя чувствуешь?

Горти попытался заговорить, поперхнулся, сглотнул и попытался снова.

— Все в порядке, я думаю. Есть хочется… ой! Мы за городом!

Он осознал, что толстый мальчик сидит на корточках возле него. Рука оставила его спину; через минуту пламя спички заставило его вздрогнуть, и какое-то мгновение лицо мальчика плавало перед ним в колеблющемся свете, похожее на луну, с нежными розовыми губами вокруг черной сигары. Затем отработанным щелчком пальцев он отправил спичку и ее сияние в ночь.

— Куришь?

— Я никогда не курил, — сказал Горти. — Кукурузные рыльца, один раз. — Он смотрел с восхищением на красный драгоценный камень на конце сигары. — Ты много куришь, да?

— Из-за этого и не расту, — ответил он разразился пронзительным смехом. — Как рука?

— Намного болит. Не так уж плохо.

— У тебя много мужества, малыш. Я бы кричал и требовал морфий, если бы я был на твоем месте. Что с ней случилось?

Горти рассказал ему. История получалась отрывками, непоследовательная, но он выслушал ее всю. Он задавал короткие вопросы, и по существу, и совершенно не комментировал. Разговор прекратился после того, как он задал столько вопросов, сколько очевидно хотел, и какое-то время Горти казалось, что его собеседник за-

дремал. Сигара светилась все тусклее и тусклее, иногда вспыхивая по краям, или вдруг становилась яркой, когда случайный поток воздуха из-за грузовика касался ее.

Неожиданно, абсолютно бодрствующим голосом, толстый мальчик спросил его:

— Ты ищешь работу?

— Работу? Ну — я думаю наверное.

— А что заставило тебя есть этих муравьев, — был следующий вопрос.

— Ну, я — не знаю. Я думаю я просто — ну, мне хотелось.

— А ты часто это делаешь?

— Не очень. — Это были совершенно другие расспросы, чем те, через которые он прошел с Армандом. Мальчик спрашивал его об этом без отвращения, с любопытством не большим, чем когда он спросил его сколько ему лет и в каком он классе.

— Ты петь умеешь?

— Ну — я думаю да. Немного.

— Спой что-нибудь. Я имею ввиду, если тебе хочется. Не насилуй себя. А — ты знаешь «Звездную пыль»?

Горти посмотрел на освещенную звездами дорогу, убегавшую вдаль под громыхающими

колесами, вспышку бело-желтого света, которая превратилась в уменьшающиеся красные глаза подфарников, когда машина проносилась мимо по встречной полосе дороги. Туман рассеялся, и сильная боль ушла из его руки, и, самое главное, он ушел от Арманда и Тонты. Кей дала ему легкое, как перышко, прикосновение доброты, а этот странный мальчик, который разговаривал так, как он никогда раньше не слышал чтобы мальчики разговаривали, дал ему другой вид доброты. Внутри него начиналось чудесное теплое сияние, чувство, которое он только раз или два испытывал за всю свою жизнь — в тот раз, когда он победил в беге в мешках и ему подарили носовой платок цвета хаки, и в тот раз, когда четверо мальчишек свистели бродячему псу, а пес подошел прямо к нему, игнорируя других. Он начал петь, и из-за того, что грузовик так громыхал, ему приходилось петь громко, чтобы его было слышно; а из-за того, что ему приходилось петь громко, он опирался на песню, отдавая ей часть себя, как монтажник высотник отдает часть своего веса ветру.

Он закончил. Толстый мальчик сказал: «Эй». Этот слог без восклицательного знака был теплой оценкой. Без каких-либо дальнейших коммен-

тариев он прошел в переднюю часть кузова и постучал там по квадратной стеклянной панели. Грузовик немедленно замедлил движение, съехал на обочину и остановился. Толстый мальчик подошел к краю кузова, сел и соскользнул на дорогу.

— Ты оставайся здесь, — сказал он Горти. — Я немного поеду впереди. Ты меня слышишь — никуда не уходи.

— Не уйду, — сказал Горти.

— Как, черт побери, ты можешь так петь, когда твоя рука превращена в пюре?

— Я не знаю. Она уже не так болит.

— А кузнечиков ты тоже ешь? Червяков?

— Нет! — воскликнул Горти, в ужасе.

— Ну хорошо, — сказал мальчик. Он подошел к кабине грузовика, дверь захлопнулась и грузовик опять тронулся.

Горти осторожно продвинулся вперед пока, сидя на корточках возле передней стенки кузова грузовика, он не смог смотреть через квадратное стекло.

Водителем был высокий мужчина со странной кожей, бугристой и серо-зеленой. У него был нос как у Джанки и практически не было подбородка, поэтому он был похож на старого попугая. Он был

такой высокий, что ему приходилось сгибаться над рулем, как листу папоротника.

Возле него сидели две маленькие девочки. У одной был круглый куст белых волос — нет, они были платиновыми — а у другой были две толстые косы, челка и красивые зубы. Толстый мальчик был рядом с ней и оживленно разговаривал. Водитель казалось не обращал никакого внимания на разговор.

Голова Горти была не совсем ясной, но и больным он себя не чувствовал. У всего было волнующее качество, как во сне. Он вернулся обратно в кузове грузовика и лег, положив голову на пиджак толстого мальчика. Он тут же сел, и пополз между вещами наставленными в грузовике пока его рука не нашла толстый рулон брезента, подвигалась вдоль него, пока он не нашел свой бумажный пакет. Затем он снова лег, его левая рука лежала у него на животе, а правая рука была в пакете, его безымянный палец и мизинец были между носом и подбородком Джанки. Он уснул.

Когда он снова проснулся, грузовик стоял, и его сонные глаза смотрели на извивающееся сияние света — красного и оранжевого, зеленого и голубого, на фоне ослепительного золотого.

Он поднял голову, моргая, и выяснил, что свет

идет с массивного основания, на котором были неоновые надписи: «*Мороженое двадцати видов»,* и «*Коттеджи»,* и «*Бар — закусочная».* Золотое сияние исходило от прожекторов над участком обслуживания заправочной станции. За грузовиком мальчика стояло три тягача с трейлерами, и у одного из них трейлер был сделан из ребристой нержавеющей стали и он был очень красивым при этом освещении.

— Ты проснулся, малыш?

— А — привет! Да.

— Мы собираемся перекусить. Пошли.

Горти поднялся с трудом на колени. Он сказал:

— У меня совсем нет денег.

— К черту, — сказал толстый мальчик. — Пошли.

Твердой рукой он поддержал Горти под руку, когда тот слезал вниз. На фоне монотонного звука качающего бензин насоса было слышно музыкальный автомат, а под их ногами приятно похрустывал гравий.

— Как тебя зовут? — спросил Гроти.

— Все называют меня Гавана, — сказал толстый мальчик. — Я там никогда не был. Это из-за сигар.

— А мое имя Гроти Блуэтт.

— Мы тебе придумаем новое.

Водитель и две девочки ждали их у дверей ресторана. У Горти практически не было возможности посмотреть на них до того, как они все прошли вовнутрь и уселись возле стойки. Горти сидел между водителем и девочкой с серебристыми волосами. Вторая девочка, с темными косами, заняла следующий стул, а Гавана, толстяк, сидел с краю.

Сначала Гроти посмотрел на водителя — посмотрел, уставился, и отвел глаза, все в одно напряженное мгновение. Обвисшая кожа водителя действительно была серо-зеленной, сухой, рыхлой, жесткой как изделие из кожи. У него были мешки под глазами, красными и казавшимися воспаленными, его нижняя губа отвисла и видны были белые нижние резцы. На тыльной стороне его рук была такая же рыхлая серовато-зеленая кожа, а пальцы были нормальными. Они были длинными и на ногтях был аккуратный маникюр.

— Это Солум, — сказал Гавана, наклоняясь над стойкой и говоря через двух девочек. — Он Человек с Крокодильей Кожей, и самый уродливый человек в окрестностях. — Он должно быть почувствовал мысль Горти о том, что Солуму могло

быть неприятно такое описание, потому что добавил: — Он глухой. Не понимает, что происходит.

— Я Кролик Банни, — сказала девочка, сидевшая возле него.

Она была пухленькая — не жирная, как Гавана, а кругленькая кругленькая как шарик масла, кругленькая с упругой кожей. Ее тело было цвета плоти и цвета крови — совершенно розовое, без примеси желтого. Ее волосы были белыми как вата, но блестящими, а ее глаза были удивительно красными как у белого кролика. У нее был тихий тоненький голосок и только что не ультразвуковой смех, которым она сейчас и смеялась. Она едва доставала до его плеча, хотя они и сидели на одной высоте. Единственная непропорциональность ее фигуры состояла в том, что у нее был длинный торс и короткие ножки. — А это Зина.

Горти повернулся и посмотрел на нее и у него перехватило горло. Она была самым красивым маленьким произведением искусства, которое он когда-либо видел в своей жизни. Ее темные волосы сияли и ее глаза тоже сияли, а ее головка скользила от виска до щеки, закруглялась от щеки до подбородка, мягко и гладко. Ее кожа была загоревшей поверх глубокого свежего сияния, похожего на розовые тени между лепестками

розы. Губная помада, которую она выбрала, была темной, почти коричнево-красной; это и темная кожа делали белки ее глаз похожими на маяки. Она была одета в платье с широким отложным воротником, лежавшим на ее плечах, и с глубоким вырезом чуть ли не до талии. Этот вырез впервые подсказали Горти, что эти дети, Гавана и Банни и Зина, были совсем не детьми. Банни была кругленькой как девочка или мальчик. Но у Зины были груди, настоящие, тугие, упругие, отдельные груди. Он посмотрел на них, а затем на три маленьких лица, как если бы лица, которые он видел раньше исчезли и вместо них появились новые. Грамотная, уверенная речь Гаваны и его сигары были его признаком зрелости, а альбиноска Банни конечно продемонстрирует какую-нибудь подобную эмблему через минуту.

— Я не скажу вам его имя, — сказал Гавана. — Отныне он собирается обзавестись новым. Правильно, малыш?

— Ну, — сказал Горти, все еще боровшийся со странным перемещением тех мест, которые эти люди успели уже занять внутри него, — ну, наверное.

— А он смышленый, — сказала Банни. — Ты знаешь об этом, малыш? — Она издала свой са-

мый неслышный смешок. — Ты смышленый.

Горти обнаружил, что он снова смотрит на груди Зины и его щеки вспыхнули.

— Не подкалывай его, — сказала Зины.

Она впервые заговорила… Одной из самых ранних вещей, которые мог вспомнить Горти был камыш, который он увидел лежа на берегу ручья. Он был тогда совсем ребенком и темно-коричневая колбаска камыша, прикрепленная к его сухому желтому стеблю показалась ему жесткой и колючей вещью. Не срывая его, он пробежал пальцами по всей его длине и то, что это оказалось не твердое дерево, а бархат, было трепетным шоком. Он испытал такой же шок сейчас, впервые услышав голос Зины.

Официант, молодой человек с похожим на пирожное лицом, уставшим ртом и смешливыми морщинками вокруг глаз и ноздрей, ленивой походкой подошел к ним. Он явно не был удивлен при виде карликов и уродливого зеленокожего Солума.

— Привет, Гавана. Вы что, ребята, устраиваетесь поблизости?

— Не в ближайшие шесть недель. Мы сейчас в районе Элтонвилля. Подоим Ярмарку Штата и вернемся обратно. У нас сейчас масса предло-

жений. Чизбургер для этого милашки. А вам что будет угодно, леди?

— Яичница-болтунья на ржаном тосте, — сказала Банни.

Зина сказала:

— Поджарьте немного бекона пока он почти пригорит…

— …И посыпьте им пшеничный хлеб с арахисовым маслом. Я помню, принцесса, — заулыбался повар. — Твое слово, Гавана?

— Бифштекс. Для тебя тоже, а? — спросил он Горти. — Нет, он не может его разрезать. Рубленое филе, и я застрелю тебя, если ты добавишь туда хлеб. Зеленый горошек и картофельное пюре.

Повар сложил колечко большой и указательный пальцы и пошел выполнять заказ.

Горти спросил, стесняясь:

— Вы работаете с цирком?

— Карни, — сказал Гавана.

Зина улыбнулась увидев выражение его лица. От этой улыбки у него закружилась голова.

— Это карнавал. Ну ты знаешь. Болит рука?

— Не сильно.

— Это меня убивает, — взорвался Гавана. — Вы бы ее видели. — Он приложил свою правую руку к пальцам левой и сделал движение, как будто

измельчал крекеры. — Кошмар.

— Мы ее вылечим. Как мы будем тебя называть? — спросила Банни.

— Давайте сначала подумаем, что он будет делать, — сказал Гавана. Мы должны сделать Людоеда счастливым.

— Об этих муравьях, — сказала Банни, — ты бы стал есть слизняков или кузнечиков или еще что-нибудь?

Она спросила его об этом прямо и на этот раз она не хихикала.

— Нет! — сказал Горти одновременно со словами Гаваны: — Я уже спрашивал его об этом. Это отменяется, Банни. И потом, Людоед все равно не любит использовать фигляров.

С сожалением в голосе Банни сказала:

— Ни один карнавал не имеет карлика-фигляра. Это был бы выигрышный номер.

— А что такое фигляр? — спросил Горти.

— Он хочет знать, что такое фигляр.

— Ничего особенно хорошего, — сказала Зина. — Это человек, который ест всякие неприятные вещи и откусывает головы у живых цыплят и кроликов.

Горти сказал:

— Я не думаю, что я бы захотел это делать.

Да так рассудительно, что три карлика взорвались пронзительным смехом. Горти посмотрел на них, на одного за другим, и почувствовал, что они смеются с ним, а не над ним, и поэтому он засмеялся тоже. И опять он почувствовал тот прилив тепла внутри. Эти люди делали все таким легким. Они похоже понимали, что он мог быть немного непохож на других людей и это было не страшно. Гавана очевидно рассказал им все о нем и они стремились помочь.

— Я сказал вам, — сказал Гавана, — он поет как ангел. Никогда не слышал ничего подобного. Подождите пока услышите.

— Ты играешь на чем-нибудь? — спросила Банни. — Зина, ты можешь научить его играть на гитаре?

— Не с такой левой рукой, — сказал Гавана.

— Подождите! — воскликнула Зина. — А когда вы решили, что он собирается работать с нами?

Гавана беспомощно открыл рот. Банни сказала:

— О — я думала… — а Горти уставился на Зину. Они что собирались одновременно дать и отобрать все обратно?

— О, малыш, не смотри на меня так, — сказала Зина. — У меня сердце разрывается… — И снова,

несмотря на его страдание, он едва ли не чувствовал ее голос кончиками пальцев.

Она сказала:

— Я сделаю все что угодно для тебя, дитя. Но — это должно быть что-нибудь хорошее. Я не уверена в том, что это будет хорошо.

— Конечно это будет хорошо, — насмешливо сказал Гавана. — Где он будет есть? Кто его возьмет? Послушай, после того, через что он прошел, ему нужен перерыв. В чем дело, Зина? Людоед?

— Я справлюсь с Людоедом, — сказала она. Каким-то образом Горти почувствовал, что в этом будничном замечании было то в Зине, что заставляло остальных ждать ее решения. — Послушай, Гавана, — сказала она, — то, что происходит с ребенком его возраста, делает из него то, что из него получится, когда он вырастет. Карнавал подходит для нас. Для нас это дом. Это единственное место, где мы можем быть такие как мы есть так, чтобы нам это нравилось. А что это будет для него, если он будет в нем расти? Это неподходящая жизнь для ребенка.

— Ты говоришь так будто в карнавале нет ничего кроме карликов и уродов.

— В какой-то степени так оно и есть, — пробормотала она. — Извини, добавила она. — Я не

должна была так говорить. Я что-то плохо соображаю сегодня. Есть что-то… — Она вздрогнула. — Я не знаю. Но я не думаю, что это хорошая мысль.

Банни и Гавана переглянулись. Гавана беспомощно пожал плечами. А Горти ничем не мог помочь себе. У него на глаза навернулись слезы и он сказал:

— Ой.

— Ой, малыш, не надо.

— Эй! — рявкнул Гавана. — Держите его! Он теряет сознание!

Лицо Горти внезапно побледнело и исказилось от боли. Зина соскользнула со своего стула и обняла его за плечи.

— Тебе плохо, дорогой? Твоя рука?

Хватая воздух Горти затряс головой.

— Джанки, — прошептал он, и застонал так, как если бы у него сдавило горло. Он показал замотанной рукой в сторону двери. — Грузовик, прохрипел он. — В — Джанки — о, грузовике!

Карлики посмотрели друг на друга, а затем Гавана спрыгнул со своего стула и, подбежав к Солуму, ударил его кулаком по руке. Он делал быстрые движения, показывая на выход, вращая воображаемый руль, кивая в сторону двери.

Двигаясь с удивительной быстротой великан

скользнул к двери и исчез, остальные последовали за ним. Солум был возле грузовика чуть ли не раньше, чем карлики и Горти вышли на улицу. Он согнулся, как кошка, проходя мимо кабины и бросая в нее быстрый взгляд, и в два прыжка был возле кузова и внутри. Послышалось пару глухих ударов и появился Солум, в его разноцветных руках болталась фигура оборванца. Бродяга брыкался, но когда яркий золотистый свет упал на Лицо Солума, он издал истошный вой, который должно быть было ясно слышно на четверть мили кругом. Солум уронил его на землю; он тяжело приземлился на спину и лежал там извиваясь в ужасе, стараясь опять вдохнуть воздух в свои отбитые легкие.

Гавана отбросил окурок сигары и набросился на распростертую фигурку, грубо обыскивая карманы. Он сказал кое-что непечатное, а затем добавил: «Смотрите — наши новые столовые ложки и четыре компактные пудры и губная помада и — ты, маленький подлец», — зарычал он на человека, который не был крупным, но был почти в три раза больше него. Мужчина вертелся, чтобы сбросить с себя Гавану; Солум немедленно нагнулся и прошелся большой рукой по его лицу. Мужчина снова заорал и на этот раз ему удалось

подняться и сбросить с себя Гавану; однако не для того, чтобы атаковать, а для того, чтобы убежать, рыдая и путаясь в соплях от страха, от ужасного Солума. Он исчез в темноте с другой стороны дороги, Солум его преследовал.

Горти подошел к кузову. Он сказал, смущаясь, Гаване:

— Ты не поищешь мой пакет?

— Тот старый бумажный пакет? Конечно.

Гавана вскочил в кузов, появился минутой позже с пакетом и подал его Горти.

Арманд разбил Джанки очень основательно, отломав голову попрыгунчика от остальной игрушки, и топтался по ней пока единственным, что удалось спасти Горти, не осталось лицо. Но теперь разрушение было полным.

— Ой, — сказал Горти. — Джанки. Он совершенно разбит. — Он вытащил две половинки страшного лица. Нос был разбит в грубый порошок папье-маше, а лицо треснуло на две части, большую и маленькую. В каждой был глаз, мерцающий. — Ой, — снова сказал Горти, пытаясь соединить их одной рукой.

Гавана, занятый складыванием добычи, сказал через плечо:

— Очень обидно, малыш. Он должно быть

стал коленом на него, когда перебирал наше барахло. — Он бросил странный набор покупок в кабину грузовика, пока Горти снова заворачивал Джанки. — Пошли обратно, наш заказ сейчас будет готов.

— А как же Солум? — спросил Горти.

— Он подойдет.

Внезапно Горти осознал, что глубокие глаза Зины смотрят на него. Он чуть не заговорил с ней, не знал что сказать, покраснел от смущения и первым пошел в ресторан. На этот раз Зина села возле него. Она потянулась мимо него за солью и прошептала:

— А как ты узнал, что кто-то был в грузовике?

Горти поправил бумажный пакет у себя на коленях и увидел, что она смотрит как он это делает.

— О, — сказала она; и затем совершенно другим тоном, медленно: — О.

У него не было ответа на ее вопрос, но он вдруг понял, что он ему и не понадобится. Не теперь.

— Как ты узнал, что там кто-то был? — спросил Гавана, занятый бутылкой с кетчупом.

Горти начал говорить, но Зина прервала его.

— Я передумала, — сказала она вдруг. — Думаю, карни может принести малышу больше пользы,

чем вреда. Это лучше, чем прокладывать себе путь вне его.

— Ну вот и здорово. — Гавана поставил бутылку и просиял.

Банни захлопала в ладоши.

— Здорово, Зи! Я знала, что ты это поймешь.

Гавана добавил:

— Я тоже знал. Я… также вижу кое-что еще.

Он показал пальцем.

— Кофейник? — тупо сказала Банни. — Тостер?

— Зеркало, глупенькая. Видишь? — Он близко наклонился к Горти и обнял его за шею, приблизив друг к другу лица его и Зины. Отражения смотрели на них — маленькие лица, оба коричневые, оба с серьезными глазами, овальные, черноволосые. Если бы у Горти была губная помада и косы, его лицо отличалось бы от ее — но очень незначительно.

— Твой давно потерянный брат! — выдохнула Банни.

— Моя кузина — я имею в виду девочка кузина, — сказала Зина. Послушайте — с моей стороны вагончика две койки… прекрати хихикать Банни; я ему по возрасту в матери гожусь и кроме того… ой, заткнись. Нет, именно так это и надо сделать. Людоеду совершенно не нужно знать, кто он. Все

зависит от вас двоих.

— Мы ничего не скажем, — сказал Гавана.

Солум продолжал есть.

Горти спросил:

— Кто такой Людоед?

— Босс, — сказала Банни. — Он когда-то был доктором. Он вылечит твою руку.

Глаза Зины смотрели на что-то, чего не было в комнате.

— Он ненавидит людей, — сказала она. — Всех людей.

Горти вздрогнул. Это был первый намек на то, что этим странным людям было чего бояться. Зина, понимая, коснулась его руки.

— Не бойся. Его ненависть не причинит тебе вреда.

Они добрались до территории карнавала ранним утром, когда было еще темно и дальние холмы только начали отделяться от бледнеющего неба.

Для Горти все это было волнующим и таинственным. Он не только встретил этих людей, но и впереди было возбуждение и тайна, и то, как ее надо было начать, играя, в которую он должен был сыграть, слова, которые он никогда не должен был забывать. А теперь, на рассвете, сам

карнавал. Широкая темная улица, посыпанная древесными стружками, казалась слегка светящийся между рядами киосков и подмостков. Здесь темная неоновая трубка создавала призраки случайных лучей света в наступающим рассвете; там одна из каруселей вытянула вверх голодные руки костлявым силуэтом. Были также звуки, сонные, беспокойные, непонятные звуки; и это место пахло влажной землей, кукурузными хлопьями, потом и сладкими экзотическими испарениями.

Грузовик пробрался за западный ряд центральных киосков и остановился возле длинного дома-трейлера с дверью с каждой стороны.

— Дома, — зевнула Банни. Горти на этот раз ехал впереди с девочками, а Гавана свернулся калачиком сзади.

— Выходим. И бегом прямо в ту дверь. Людоед спит и тебя никто не увидит. Когда ты выйдешь, ты будешь другим человеком и тогда мы вылечим твою руку.

Горти встал на подножку грузовика, огляделся, а затем стремглав бросился к двери трейлера и проскользнул внутрь. Там было темно. Он отошел от двери и подождал пока Зина вошла, закрыла ее и задернула занавески на маленьких окошках

прежде чем включить свет.

Свет показался очень ярким. Горти обнаружил, что он находится в маленькой квадратной комнате. С каждой стороны находилась маленькая койка, компактная кухонька в одном углу и то, что оказалось встроенным шкафом в другом.

— Хорошо, — сказала Зина, — раздевайся.

— Совсем?

— Конечно совсем. — Она увидела его удивленное лицо и рассмеялась. Послушай, малыш. Я тебе расскажу кое-что о нас лилипутах. А — сколько ты сказал тебе лет?

— Мне почти девять.

— Ну ладно, я постараюсь. Обычные взрослые люди очень осторожно относятся к тому, что видят друг друга без одежды. Есть в этом какой-то смысл или нет, но они так устроены потому что существует большая разница между взрослыми мужчинами и женщинами. Большая, чем между мальчиками и девочками. Ну а лилипут остается похожим на ребенка, в большинстве случаев, всю свою жизнь, кроме может быть пары лет. Поэтому большинство из нас такие вещи не заботят. Что касается нас, тебя и меня, нам надо прямо сейчас решить, что это не будет иметь никакого значения. Во-первых, никто, кроме Банни и Гава-

ны и меня не знает, что ты мальчик. Во-вторых, эта маленькая комната просто слишком мала, если в ней будут жить два человека, которые собираются наклоняться и ежиться и прятаться друг от друга из-за чего-то, что не имеет значения. Понятно?

— Н-наверное.

Она помогла ему снять одежду и он начал тщательное обучение искусству быть женщиной от кожи и дальше.

— Скажи мне кое-что, Горти, — сказала она, когда выдвигала аккуратно сложенный ящик, что бы подобрать ему одежду. — Что находиться в бумажном мешке?

— Это Джанки. Это попрыгунчик. Я имею в виду, был. Арманд разбил его — я говорил тебе. Потом этот человек в грузовике разбил его еще сильнее.

— Я могу посмотреть?

Натягивая на себя пару ее носков, он кивнул головой в сторону одной из коек:

— Давай.

Она вытащила разбитые кусочки папье-маше.

— Их двое! — воскликнула она. Она повернулась и посмотрела на Горти, как если бы он вдруг стал ярко-лиловым или у него вдруг выросли бы

кроличьи уши.

— Двое! — снова сказала она. — Мне показалось, что я видела только одного там за обедом. Они действительно твои? Оба?

— Это глаза Джанки, — объяснил он.

— А откуда взялся Джанки?

— Он был у меня до того, как меня усыновили. Полицейский нашел меня, когда я был ребенком. Меня поместили в Приют. Джанки появился у меня там. По-моему у меня никогда не было никаких родных.

— И Джанки оставался с тобой — подожди, давай я помогу тебе надеть это — Джанки оставался с тобой с тех пор?

— Да. Он должен был.

— Почему должен?

— Как это застегивается?

Зина сдержала что-то похожее на порыв затолкать его в угол и держать его там, пока не добудет из него информацию.

— О, Джанки, — сказала она терпеливо.

— О. Ну, я просто должен иметь его возле себя. Нет, не возле себя. Я мог бы отойти на большое расстояние, если с Джанки все было бы хорошо. Я имею в виду пока он мой. Я имею в виду, что даже если бы я не видел его целый год, это было бы

нормально, но если бы кто-нибудь передвинул его, я бы знал, и если бы кто-то причинил ему боль, мне бы тоже было больно. Понятно?

— Конечно понятно, — к его удивлению сказала Зина. И снова Горти почувствовал тот сладкий радостный шок; эти люди похоже так хорошо все понимали.

Горти сказал:

— Я раньше думал, что у всех есть что-то похожее. Потеряв которое, они бы заболели. Мне даже приходило в голову спросить кого-нибудь об этом. А потом Арманд, он дразнил меня Джанки. Он иногда прятал Джанки, что бы я волновался. Однажды он положил его в мусорную машину. Я так заболел, что пришлось вызвать врача. Я продолжал кричать и звать Джанки пока доктор не велел Арманду достать мне этого Джанки или я умру. Сказал, что это какой-то фикс. Ация.

— Фиксация. Я знаю эту всю историю, — улыбнулась Зина.

— Арманд был в бешенстве, но ему пришлось это сделать. Но в конце концов ему надоело приставать к Джанки и он положил его на верхнюю полку в шкафу и в основном забыл о нем.

— Ты выглядишь как настоящая девочка из мечты, — сказала Зина, любуясь им. Она поло-

жила руки ему на плечи и серьезно посмотрела в глаза. — Послушай меня, Горти. Это очень важно. Это касается Людоеда. Ты увидишь его через несколько минут и мне придется рассказать ему историю, придуманную историю. А ты должен помочь мне. Он просто должен поверить в нее, или ты не сможешь остаться с нами.

— Я очень хорошо запоминаю, — сказал Горти встревоженно. — Я могу запомнить все, что захочу. Только скажи мне.

— Ладно. — Она на минутку закрыла глаза, задумавшись. — Я была сиротой, — сказала она спустя какое-то время. — Я стала жить с тетей Джо. После того как я обнаружила, что я буду карлицей я убежала с карнавалом. Я была там несколько лет до того, как меня встретил Людоед и я стала работать на него. Так… — Она облизала губы. — Тетя Джо снова вышла замуж и у нее было двое детей. Первый умер, а ты был второй. Когда она обнаружила, что ты тоже вырастешь карликом, она стала очень плохо относиться к тебе. И поэтому ты убежала. Та работала какое-то время с летней группой. Один из рабочих сцены — плотник — проявлял интерес к тебе. Он поймал тебя прошлой ночью, затащил тебя в столярную мастерскую и сделал с тобой ужасную вещь — та-

кую ужасную, что ты не можешь даже говорить об этом. Понятно? Если он спросит тебя об этом, просто плачь. Ты все запомнил?

— Конечно, — сказал Горти будничным тоном. — А какая койка будет моя?

Зина нахмурилась.

— Дорогой — это ужасно важно. Ты должен запомнить каждое слово, которое я сказала.

— О, я помню, — сказала Горти. И к ее явному удивлению он воспроизвел все, что она сказала, дословно.

— Ну даешь! — сказала она и поцеловала его. Он покраснел. — Ты быстро запоминаешь! Это чудесно. Ну тогда хорошо. Тебе девятнадцать лет и тебя зовут — м-м — Гортензия. Это на тот случай, если ты однажды услышишь, как кто-то сказал Горти и Людоед увидит, что ты оглянулся. Но все называют тебя Малышка. Запомнил?

— Девятнадцать, Гортензия и Малышка. А-га.

— Хорошо. Черт побери, дорогой, мне жаль, что приходится заставлять тебя думать сразу о стольких вещах! Теперь только между нами. Прежде всего, ты никогда, никогда не должен говорить Людоеду о Джанки. Мы найдем здесь для него место и я не хочу, чтобы ты когда-либо разговаривал с ним, только со мной. Обещаешь?

Горти кивнул с широко раскрытыми глазами:

— А-га.

— Хорошо. И еще одна вещь, такая-же важная. Людоед вылечит твою руку. Не волнуйся, он хороший доктор. Но я хочу, чтобы ты передал мне каждый кусочек старого бинта, каждый кусочек ваты, который он использует так, чтобы он не видел. Я хочу, чтобы ни одной капли твоей крови не осталось в его трейлере, понимаешь? Ни капли. Я собираюсь предложить ему убрать потом — он будет рад; он терпеть не может это делать — а ты поможешь мне насколько сможешь. Хорошо?

Горти пообещал. Тут как раз постучали Банни и Гавана. Горти вышел первым, держа руку за спиной, и они назвали его Зиной, а затем танцуя вышла Зина, смеясь, когда они таращили глаза на Горти. Гавана уронил свою сигару и сказал:

— Ну-ну.

— Зи, он красивый! — воскликнула Банни.

Зина подняла крошечный указательный палец.

— Она красивая, и не забывайте об этом.

— Я чувствую себя очень странно, — сказал Горти, поправляя свою юбку.

— А где, скажи, ты взяла эти волосы?

— Две накладные косы. Нравятся?

— А платье?

— Я его купила и ни разу не одевала, — сказала Зина. — Оно мне тесно в груди… Пошли, ребята. Идемте разбудим Людоеда.

Они пошли между вагончиками.

— Иди более мелкими шагами, — сказала Зина. — Так лучше. Ты все помнишь?

— Да, конечно.

— Это хорошо — хорошая девочка, Малышка. А если он задаст тебе вопрос, а ты не будешь знать, что ответить, просто улыбайся. Или плачь. Я буду рядом с тобой.

Длинный серебряный трейлер был припаркован возле тента с ярким изображением человека в цилиндре. У него были длинные острые усы и из его глаз вылетали зигзаги молний. Ниже пылающими буквами было написано:

О ЧЕМ ВЫ ДУМАЕТЕ?

МЕФИСТОФЕЛЬ ЗНАЕТ

— Его зовут не Мефистофель, — сказала Банни. — Его зовут Монетр. Он был врачом, до того, как стал работать в карнавале. Все называют его Людоед. Он не возражает.

Гавана постучал в дверь.

— Эй, Людоед! Ты что, собираешься спать до вечера?

— Ты уволен, — прорычал голос из серебряного трейлера.

— Ладно, — сказал Гавана спокойно. — Выходи и посмотри, что у нас есть.

— Если только вы не собираетесь включить это в ведомость на получение зарплаты, — сказал сонный голос. Внутри послышалось какое-то движение. Банни подтолкнула Горти поближе к двери и махнула Зине, чтобы та спряталась. Зина прислонилась к стене трейлера.

Дверь открылась. Человек, который стоял там был высоким, бледным с впавшими щеками и длинной синеватой челюстью. В раннем утреннем свете его глаза казались просто черными впадинами на лице, глубиной в дюйм.

— Ну что?

Банни показала на Горти.

— Людоед, кто это?

— Кто это? — Он всмотрелся. — Зина, конечно. Доброе утро, Зина, сказал он, его голос вдруг стал вежливым.

— Доброе утро, — засмеялась Зина и танцуя вышла из-за двери.

Людоед переводил взгляд с Зины на Горти и обратно.

— О, мой худеющий счет в банке, — сказал

он. — Выступление сестер. И если я не возьму ее, ты уволишься. И Банни с Гаваной тоже уволятся.

— Ты телепат, — сказал Гавана, подталкивая локтем Горти.

— Как тебя зовут, сестричка?

— Папа назвал меня Гортензией, — продекламировал Горти, — но все называют меня Малышкой.

— Я их не виню, — сказал Людоед добрым голосом. — Я тебе скажу, что я собираюсь сделать, Малышка. Я собираюсь назвать это блефом. Убирайтесь отсюда, и если всем остальным это не нравится, вы можете отправляться вместе с ней. Если я не увижу никого из вас на центральной аллее в одиннадцать часов сегодня утром, я буду знать, что вы решили.

Он закрыл дверь бесшумно и решительно.

— О — ну вот! — сказал Горти.

— Все в порядке, — заулыбался Гавана. — Он говорил это не серьезно. Он увольняет всех почти каждый день. Когда он действительно имеет это в виду, он платит деньги. Иди позови его, Зин.

Зина постучала костяшками пальцев по алюминиевой двери.

— Мистер Людоед! — пропела она.

— Я считаю ваше жалование, — сказал голос

изнутри.

— Ой-ой, — сказал Гавана.

— Пожалуйста. На минуточку, — закричала Зина.

Дверь снова открылась. В одной руке Людоеда была пачка денег.

— Ну?

Горти услышал, как Банни пробормотала:

— Постарайся, Зи. Ну постарайся!

Зина кивнула Горти. Он растерянно сделал шаг вперед.

— Малышка, покажи ему свою руку.

Горти протянул свою искалеченную руку. Зина снимала грязные, пропитанные кровью носовые платки один за другим. Самый нижний прилип намертво, Горти вскрикнул, когда она прикоснулась к нему. Однако и так было видно достаточно, чтобы тренированный взгляд Людоеда увидел, что трех пальцев совсем не было, а остальная рука была в плохом состоянии.

— Как ты умудрилась сделать такое, девочка? — рявкнул он.

Горти отпрянул, перепугавшись.

— Малышка, пойди туда с Гаваной, угу?

Горти отошел, с радостью. Зина начала быстро говорить, тихим голосом. Он мог расслышать

только часть того, что она говорила.

— Страшный шок, Людоед. Никогда не напоминай ей об этом, никогда… плотник… и отвел ее в свою мастерскую… когда она… а ее рука в тиски.

— Не удивительно, что я ненавижу людей, — сердито проворчал Людоед. Он задал ей вопрос.

— Нет, — сказала Зина. — Она вырвалась, но ее рука…

— Подойди сюда, Малышка, — сказал Людоед. На его лицо надо было посмотреть. Кнут его голоса казалось исходил из ноздрей, которые вдруг из прорезанных щелочек превратились в раздувшиеся, круглые отверстия. Горти побледнел.

Гавана тихонько подтолкнул его.

— Давай, Малышка. Он не злится, он жалеет тебя. Иди!

Горти прошел вперед и стесняясь поднялся на ступеньку.

— Заходи сюда.

— Встретимся позже, — крикнул Гавана. Он и Банни ушли.

Когда за ним и Зиной закрывалась дверь, Горти оглянулся и увидел, как Банни и Гавана серьезно пожимают руки.

— Садись там, — сказал Людоед.

Внутри трейлер оказался удивительно простор-

ным. У передней стенки была кровать, частично закрытая занавеской. Там была чистая кухонька, душ и сейф; большой стол, шкафчики и больше книг, чем можно было ожидать увидеть в таком маленьком пространстве.

— Болит? — пробормотала Зина.

— Не сильно.

— Не беспокойся об этом, — сказал Людоед. Он поставил на стол спирт, вату и коробку со шприцем. — Я тебе расскажу, что я собираюсь сделать. (Просто, чтобы не быть похожим на других врачей). Я собираюсь блокировать нерв во всей твоей руке. Когда я воткну в тебя иголку, будет больно, как от укуса пчелы. Затем в твоей руке будет очень странное ощущение, как будто это воздушный шар, который надувают. А затем я почищу твою руку. Больно не будет.

Горти улыбался ему. В этом человеке, с его пугающими переменами голоса, его изменчивым настроением, его добротой и его аурой жестокости, было что-то, что очень привлекало мальчика. Его доброта была, как у Кей, маленькой Кей, которой было все равно ест ли он муравьев. И была жестокость, как у Арманда Блуэтта. По меньшей мере Людоед послужил бы для Горти связующим звеном с прошлым — во всяком случае на какое-

то время.

— Давайте, — сказал Горти.

— Хорошая девочка.

Людоед склонился над своей работой, а Зина, зачарованная, смотрела, ловко убирая вещи, которые ему мешали, делая все, чтобы ему было удобнее. Он был так поглощен делом, что если он и собирался задать еще какие-нибудь вопросы о «Малышке», он забыл о них.

Затем Зина убирала.

Пьер Монетр окончил колледж за три дня до того, как ему исполнилось шестнадцать и медицинский факультет, когда ему было двадцать один. Человек умер под его руками, когда он удалял простой аппендицит, и умер не по вине Пьера Монетра.

Но кто-то — может быть член попечительского совета госпиталя — как-то намекнул на это. Монетр пошел к нему, чтобы выразить свой протест и остался, чтобы сломать ему челюсть. Ему немедленно закрыли доступ в операционную, и по слухам виной тому был только аппендицит. Вместо того, чтобы доказать всему миру вещи, которые по его мнению не нуждались в доказательствах, он ушел из госпиталя. Затем он начал пить. Он не скрывал от людей свое пьянство, так

же как не скрывал свое дарование и умение — он выставлял его вперед и в центр, и пошли они к черту со своими комментариями. Комментарии о его даровании и его умении помогали ему раньше. Комментарии о его пьянстве исключили его из общества.

Он бросил пить; алкоголизм — это не болезнь, а симптом. Существует два способа покончить с алкоголизмом. Один — это устранить расстройство, которое является его причиной. Другой — это заменить его каким-нибудь другим симптомом. Пьер Монетр выбрал второй путь.

Он предпочел презирать людей, которые изгнали его, и позволил себе презирать остальное человечество, потому, что это были родственники этих людей.

Он наслаждался своим отвращением. Он построил себе башню из ненависти и, стоя на ней, глумился над всем миром. Это обеспечило ему ту высоту, в которой он нуждался в то время. Пока он занимался этим, он голодал; но так как богатство представляло собой ценность для мира, над которым он насмехался, он также наслаждался и своей нищетой. Какое-то время.

Но человек с таким отношением к миру, как ребенок с кнутом или страна с военными ко-

раблями. Какое-то время достаточно стоять на виду, чтобы все могли видеть твое могущество. Однако вскоре кнут должен свистнуть и ударить, орудия должны выстрелить, человек должен сделать больше, чем просто стоять; он должен действовать.

Какое-то время Пьер Монетр работал с подрывными группами. Ему было неважно какая группа, или за что она выступала, лишь бы ее целью было уничтожение имеющейся структуры большинства… Он не ограничивался политикой, но также делал все возможное, чтобы продвинуть современное нереалистичное искусство в традиционные галереи, агитировал за атональную музыку в струнных квартетах, разливал говяжий бульон на подносы в вегетарианском ресторане, и устраивал множество других дурацких, мелких бунтов — всегда бунтов ради самих бунтов, не имеющих никакого отношения к ценности любого искусства или музыки или ограничений в пище.

Его отвращение тем временем разрасталось само по себе, пока не стало ни дурацким, ни мелким. И снова он растерялся и не мог найти способов выразить его. Он становился все более желчным по мере того, как его одежда изнаши-

валась, как его выставляли с одного грязного чердака за другим. Он никогда не винил себя, но чувствовал себя жертвой человечества, которое было, все до единого, ниже его. И внезапно он получил то, что хотел.

Он должен был есть. Все его разъедающие ненависти сфокусировались на этом. Избежав этого было нельзя и какое-то время не было другого способа обеспечить себе пропитание кроме как выполняя работу, которая имела какую-нибудь ценность для какой-то части человечества. Это раздражало его, но не было другого способа вынудить человечество платить ему за его работу. Итак он вступил в этап своего медицинского обучения и получил работу в биологической лаборатории, где занимался клеточным анализом. Его ненависть к человечеству не могла изменить характеристики его блестящего ума; он любил работу, ненавидя только тот факт, что она приносит пользу людям — работодателям и их клиентам, которые были в основном врачами и их пациентами.

Он жил в доме — бывшей конюшне — на окраине маленького городка, где он мог подолгу гулять один в лесу и думать свои странные мысли. Только человек, который сознательно

отворачивался годами от всего человеческого, заметил бы то, что он заметил одним осенним днем, или был бы достаточно любопытен, чтобы изучить это. Только человек с его необычным сочетанием подготовки и способностей имел бы оборудование, чтобы объяснить это. И конечно только такое социальное чудовище могло бы использовать это так, как это сделал он.

Он увидел два дерева.

Каждое из них было деревом, похожим на любое дерево — молодой дубочек, искривленный из-за какого-то случая в прошлом, молодой и зеленый. Он бы никогда в жизни не заметил ни одного из них, если бы увидел его отдельно. Но он увидел их вместе; его взгляд пробежался по ним, он поднял брови в легком удивлении и пошел дальше. Затем он остановился и вернулся и стоя глядя на них. И вдруг он застонал, как если бы его ударили и стал между деревьями — они росли на расстоянии двадцати футов — и глазел то на одно, то на другое.

Деревья были одинакового размера. У каждого был узловатый ствол змеей изогнутый к северу. У каждого был извилистый шрам на первом побеге от ствола. В первой группе листьев на стволе каждого дерева было пять листьев.

Монетр подошел и стал ближе, переводя взгляд с дерева на дерево, вверх и вниз, одно, затем другое.

То, что он видел, было невозможно. Закон средних величин допускает такую вещь, как два абсолютно идентичных дерева, но при астрономических величин. Невозможно, это было самое подходящее слово для такой статистики.

Монетр протянул руку и сорвал листок с одного дерева, а затем с другого сорвал соответствующий ему.

Они были идентичны — жили, форма, размер, строение ткани.

Этого было достаточно для Монетра. Он снова застонал, внимательно осмотрел вокруг, чтобы запомнить место, и бегом направился в свою лачугу.

Он трудился над двумя дубовыми листками до глубокой ночи. Он смотрел через увеличительное стекло пока у него не заболели глаза. Он сделал растворы из того, что было у него в доме — уксус, сахар, соль и немного карболки — и замариновал части листков. Он покрасил соответствующие их части разведенными чернилами.

То, что он узнал о них, проверялось и перепроверялось, когда он принес их в лабораторию

утром. Качественный и количественный анализ, высокие температуры и температура горения, и специальный тест на силу тяжести, спектрографические и рентгенографические характеристики — все говорило одно и тоже; эти два листка были невероятно и абсолютно идентичными.

В последующие месяцы Монетр лихорадочно работал над частями деревьев. Его рабочие микроскопы говорили о том же. Он уговорил своего нанимателя разрешить ему пользоваться микроскопом с увеличением в триста раз, который лаборатория хранила под специальным колпаком, и он сказал то же. У деревьев были идентичны не все листья, а все клетки. Кора и камбий и сердцевина, они были одинаковы.

Непрекращающееся взятие образцов дало его мысли следующий толчок. Он брал образцы с деревьев после тщательнейших измерений. Проба, высверленная из сердцевины Дерева А воспроизводилась на Дереве Б, с точностью до доли миллиметра. А однажды Монетр сделал отметки для сверления на обоих деревьях, взял образец с Дерева А, и, доставая его, сломал дрель и не смог взять образец со второго дерева.

Виновата, конечно, была дрель, и следовательно те люди, которые ее сделали, и следовательно

те люди, которые ее сделали, и следовательно все люди; и он отправился домой, кипя от злости, то есть находясь в своем обычном состоянии.

Но когда он вернулся обратно на следующий день, он обнаружил отверстие в Дереве Б, точно соответствующее его отметке на Дереве А.

Он касался пальцами необъяснимой дыры и долгое время его ищущий ум не мог сдвинуться с места. Затем, осторожно, он достал свой нож и вырезал крест на Дереве А, а на том же месте на Дереве Б треугольник. Он вырезал их глубоко и отчетливо и снова ушел домой, чтобы прочитать более сложные книги о клеточной структуре.

Когда он вернулся в лес, он обнаружил, что на обоих деревьях был крест.

Он провел еще множество опытов. Он вырезал произвольные фигуры на каждом дереве. Он наносил на них образцы краски.

Он обнаружил, что наносное, такое как краска и прибитые гвоздями кусочки дерева, оставалось в том виде, как он это делал. Но все, что воздействовало на структуру дерева — порез или царапина или разрыв или прокол — воспроизводилось, с Дерева А на Дерево Б.

Дерево А было оригиналом. Дерево Б было какой-то… копией.

Пьер Монетр работал над Деревом Б в течение двух лет пока он обнаружил, с помощью электронного микроскопа, что если не считать функции точного воспроизведения, Дерево Б было другим. В ядре каждой клетки Дерева Б была единственная гигантская молекула, родственная углеводородным белкам, которая могла преобразовывать химические элементы. Три клетки, удаленные из кусочка коры или ткани листа означали замену этих трех клеток в течение часа-двух, а затем медленно начинал восстанавливать себя, захватывая атом за атомом из окружающей ткани.

Управление восстановлением поврежденной ткани это тонкое дело, мягко говоря. Любой биолог может дать ясное описание того, что происходит, когда клетка начинает размножаться — какие факторы метаболизма присутствуют, какой кислородный обмен происходит, как быстро и насколько большими и с какой целью развиваются новые клетки. Но они не могут сказать вам почему. Они не могут сказать, что дает сигнал «Начали!» полуразрушенной клетке и что говорит «Стоп». Они знают, что рак это нарушение этого механизма управления, но в чем суть механизма они не говорят. Это относится к

нормальным тканям.

А что же Дерево Б Пьера Монтера? Оно никогда не восстанавливалось нормально. Оно восстанавливалось только, чтобы воспроизвести Дерево А. Сделайте зарубку на прутике на Дереве А. Сломайте соответствующий прутик Дерева Б и возьмите его домой. За двенадцать — четырнадцать часов этот прутик пройдет трудоемкий процесс преобразования себя так, чтобы на нем была метка. После этого он остановится и будет обыкновенным куском дерева. Затем вернитесь к Дереву Б и вы увидите еще один восстановившийся прутик, и на нем зарубка тоже будет точно воспроизведена.

Здесь застопорилось даже умение Пьера Монетра. Регенерация клетки это загадка. Воспроизведение клетки — это шаг за пределы непостижимой загадки. Но где-то как-то это фантастическое воспроизведение управлялось и Монетр упорно занялся поисками того, что это делало. Он был дикарем, слышащий радио и ищущим источник звука. Он был собакой, слышащей как ее хозяин вскрикнул от боли, потому что девушка написала, что не любит его. Он видел результат, и он пытался, без соответствующих приспособлений, без умения понять это, даже если оно было прямо

у него перед носом, определить причину.

За него это сделал пожар.

Те немногие люди, которые знали его в лицо — а никто не знал его по-другому — были удивлены, когда он присоединился к добровольцам, которые тушили пожары той осенью, когда дым поднимался над холмами, гонимый подстегиваемым ветром. И потом много лет еще рассказывали легенды о худющем человеке, который сражался с огнем как душа, которую пообещали выпустить ее из ада. Они рассказывали о том, как в лесу прокладывали новую противопожарную просеку и как худой человек угрожал убить лесника, если он не сдвинет эту противоположную линию на сто ярдов к северу от того места, где она была запланирована. Худой человек вошел в историю своей борьбой с пламенем, которое он заливал своими собственным потом, чтобы не допустить его в определенный участок леса. А когда пламя подошло к краю защитой полосы и люди побежали от него врассыпную, худого человека с ними не было. Он остался, скрючившись на дымящемся мхе между двумя молодыми дубками, с лопатой и топором в его кровоточащих руках и с огнем в глазах, который был жарче, чем любой огонь когда-либо касавшийся дерева. Они все это

видели…

Они не видели как начало дрожать Дерево Б. Они не были с Монетром, который всматривался сквозь жар и дым и клубы разреженного воздуха, которые научились над ним, и не видели как мозг ученого пытался понять тот факт, что дрожание Дерева Б точно совпало со временем с бушующими языками пламени на прогалине в пятидесяти футах от него.

Он смотрел на это красными глазами. Пламя коснулось скалистого участка и дерево дрогнуло. Пламя прошлось по земле, как ураган по волосам, снимая скальп, и когда пламя поднялось волной и устремилось вверх, Дерево Б прочно стояло. Но когда истерзанный порыв холодного воздуха ринулся внутрь, чтобы заполнить образовавшийся из-за жара вакуум, а его преследовали вдоль земли пальцы огня, дерево вздрогнуло и напряглось, закачалось и задрожало.

Монетр дотащил свое полуобгоревшее тело до прогалины и смотрел на пламя. Красно-оранжевое буйство там; дерево стояло прочно. Огненный язык, лизнувший здесь, и дерево дрогнуло.

И так он нашел его, в центре вышедшего на поверхность базальта. Он перевернул обломок скалы пальцами, которые зашипели, когда он

прикоснулся к нему, и под ним он обнаружил грязный кристалл. Он засунул его под мышку и пошатываясь побрел обратно к своим деревьям, которые находились теперь на маленьком островке, построенном из земли и пота и огня его собственной демонической энергией, и рухнул между дубками, пока пламя бушевало мимо него.

Перед самым рассветом он шатаясь дошел через кошмар, плюющийся умирающий ад, до своего дома и спрятал кристалл. Он протащился еще четверть мили в сторону города прежде, чем свалиться. Сознание вернулось к нему в больнице и он немедленно начал требовать, чтобы его выпустили. Сначала они отказывались, потом привязали его к кровати, и в конце концов он ушел ночью через окно, чтобы быть со своей драгоценностью.

Может быть это было потому, что он был на самой грани помешательства, или потому, что слияние между его сознательным и подсознательным умом было почти завершенным. Более вероятно, что он был более приспособлен к этому, с его целеустремленным ищущим умом. Конечно очень немногие люди делали это раньше, если вообще делали, но ему это удавалось. Он устано-

вил контакт с кристаллом.

Он сделал это при помощи дубинки своей ненависти. Камень пассивно смотрел на него во время всех его опытов — всех, которым он решился его подвергнуть. Он должен был быть осторожен, после того, как он понял, что он живой. Его микроскоп сказал ему об этом; это был не кристалл, а переохлажденная жидкость. Это была единая клетка, с граненными стенками. Отвердевшая жидкость внутри была коллоидом, с коэффициентом отражения сходным с полистиреном, и там было сложное ядро, которое он не понимал.

Его настойчивость боролась с его осторожностью; он не решался подвергнуть его чрезмерному нагреванию, коррозии или опытам по бомбардировке атомными частицами. Будучи страшно разочарованным он послал ему удар своей чистой ненависти, которую он вырабатывал годами, и эта вещь — закричала.

Звука не было. Это было давление у него в мозгу. Слова не было, но давление было яростным отрицанием, отрицательно окрашенным импульсом.

Пьер Монетр сидел потрясенный за своим потертым столом, глядя из темноты своей комнаты на камень, который он поместил в пятне света под настольной лампой. Он наклонился вперед

и сузил глаза, и абсолютно честно — потому что он неистово ненавидел все, что отказывалось подчиняться его пониманию — он послал импульс снова.

— Нет!

Вещь реагировала этим беззвучным криком, как если бы он уколол ее горячей булавкой.

Он был, конечно, достаточно знаком с явлением пьезоэлектричества, когда кристалл кварца или сегнетовой соли создавал небольшой потенциал при сдавливании, или слегка изменял свои размеры, когда через него пропускали электрический ток. Здесь было нечто аналогичное, хотя камень и не был истинным кристаллом. Его мысль-импульс очевидно вызвала реакцию камня на «частотах» мыслей.

Он задумался.

Существовало неестественное дерево и оно было связано каким-то образом с находившимся в земле на расстоянии пятидесяти футов камнем; потому что когда пламя приблизилось к камню, дерево задрожало. Когда он стегнул камень пламенем своей ненависти, он отреагировал.

Может быть камень построил то дерево, используя первое как модель? Но как? Как?

— Какая разница как, — пробормотал он. Со

временем он это выяснит. Он мог причинить боль этой вещи. Законы и наказание причиняют боль; угнетение причиняет боль; власть — это способность причинять боль. Этот фантастический предмет сделает все, что он от него потребует, иначе он запорет его до смерти.

Он схватил нож и выбежал на улицу. При свете ущербной луны он выкопал побег базилика, который рос возле старой конюшни, и посадил его в банку от кофе. В такую же банку он насыпал земли. Занеся их в дом, он положил камень во вторую банку.

Он сел за стол и успокоился, собираясь с силой. Он знал, что он обладает необычной властью над своими собственным умом; в чем-то он был похож на «человека-змею», который может заставить мышцу плеча или бедра или части руки, вздрагивать и дрожать отдельно. Он настраивал свой мозг, как настраивают электронный прибор. Он направил свою умственную энергию на особую «длину волны», которая причиняла боль камню, и внезапно, резко, изрыгнул ее.

Снова и снова он наносил удары по кристаллу. Затем он дал ему передохнуть, пока он пытался внести в жестокие психические удары определенные команды указания. Он зрительно

представил себе поникший стебель базилика во второй банке.

Вырасти его.

Скопируй тот.

Сделай еще один.

Вырасти его.

Вновь и вновь он хлестал камень этим приказом. Он чуть ли не буквально слышал, как тот хнычет. Однажды он различил, глубоко в своем сознании, калейдоскопическое мелькание впечатлений — дуб, огонь, черная полная звезд пустота, треугольник, вырезанный на коре. Это продолжалось очень ненадолго, и ничего подобного не повторялось долгое время, но Монетр был уверен, что впечатления исходили от камня; что он протестовал против чего-то.

Он сдался; он чувствовал, как он капитулирует. Он еще пару раз ударил его дубинкой на всякий случай, и лег спать.

Утром у него было два растения базилика. Но одно было поддельным.

Карнавальная жизнь шла своим чередом, новый сезон почти без перерыва продолжал предыдущий. В предстоящие годы для Горти было три вещи. Это были свое место, Зина и свет с тенью.

После того, как Людоед вылечил его — «ее» — руку и появилась розовая ткань шрама, новая лилипутка была принята. Возможно чувствовалось желание, восторженное искреннее стремление стать частью этой жизни и приносить настоящую пользу, а возможно это была беспечность со стороны Людоеда, но Горти остался.

В жизни карнавала дурачки и подсобные рабочие, зазывалы и их подручные, танцоры и пожиратели огня, и люди-змеи, и механики аттракционов, люди работающие на виду и в тени, имеют нечто общее, стирающие различия цвета кожи, пола, расы и возраста. Они все были карнавальщиками, заинтересованными в том, чтобы собирать чаевые и тратить их — собрать толпу и убедить ее пройти мимо билетера — для этого и только для этого они работали. И Горти был частью этого.

Голос Горти был частью Зины в их выступлении, которое было после выступления Бетси и Берты, еще одно пары сестричек общим весом в семьсот фунтов. Обозначенные в афише как Маленькие Сестрички, Зина и Малышка выходили после шумного бурлеска предыдущего выступления и начинали свое собственное, умное выступление с песнями и танцами, ко-

торое заканчивалось удивительным пением — гармоничным йодлем. Голос Малышки был чистым и ясным, и сплетался как звуки органа с глубоким контральто Зины. Они также работали в детской деревне, миниатюрном городке со своей собственной пожарной станцией, муниципалитетом, и ресторанами — все детских размеров; взрослых туда не пускали. Малышка подавала слабый чай и печенье большеглазым веснушчатым детям на деревенских ярмарках, и чувствовал себя частью их восхищения и частью их веры в этот волшебный город. Часть… часть… это была глубоко волнующая тема всего, что Малышка делала; Малышка была частью Горти, а Горти был частью мира, впервые в своей жизни.

Их сорок грузовиков покружили среди Скалистых гор и вытянувшись вдоль Пенсильванской магистрали вползли затем на Ярмарку в Оттаве и смешались с Четвертой Всемирной Выставкой. Однажды, когда ему было десять, Горти помогал гигантской Бетси родить ребенка, и считал это нормальным, потому что это в такой большой степени было частью предсказуемой и непредсказуемой жизни с карнавалом. Однажды дурачок, счастливый безмозглый карлик, который сидел бормоча что-то хихикая от радости в уголке вы-

ставки уродцев, умер на руках Горти после того, как выпил щелок, и шрам в памяти Горти об этом страшном алом рте и глазах, полных боли и удивления — этот шрам был частью Малышки, которая была Горти, который был частью мира.

А второй вещью была Зина, которая была для него руками, глазами и мозгом пока он не вошел в курс дела, пока он не научился быть, совершенно естественно, девочкой-лилипуткой. Именно Зина сделала его частью этой жизни, и его истосковавшееся я впитывало все. Она читала ему десятки книг, десятки видов книг, своим глубоким выразительным голосом, который совершенно автоматически исполнял роли всех действующих лиц в рассказе. Она ввела его при помощи своей гитары и пластинок в мир музыки. Ничто, что он узнавал не изменяло его; но ничто, что он узнавал не забывалось. Потому что у Горти-Малышки была фотографическая память.

Гавана часто говорил, что жаль, что так случилось с его рукой. Во время выступления Зина и Малышка носили черные перчатки, что казалось немного странным; и потом, было бы хорошо, если бы они обе играли на гитарах. Но конечно это было исключено. Иногда Гавана говорил Банни, ночью, что от пальцев Зины так ничего не

останется, если она будет играть целый день на сцене и всю ночь, чтобы развлечь Горти; потому что гитара плакала и звенела часами после того, как они ложились спать. Банни говорила сквозь сон, что Зина знает, что делает — что, конечно, было совершенно верно.

Она знала, что делает, когда добилась, чтобы Хадди убрали из карнавала. Какое-то время это было плохо. Делая это, она нарушила карнавальный кодекс, а она была карни до мозга костей. Это было нелегко, особенно потому что Хадди был безвреден. Он был рабочим сцены с могучей спиной и широким нежным ртом. Он обожествлял Зину и с радостью включил Малышку в свое молчаливое поколение. Он приносил им пирожные и дешевые украшения из городков, и сидел на корточках в тени, прислонившись к основанию сцены, восхищенно слушая пока они репетировали.

Он пришел в трейлер, чтобы попрощаться, когда его уволили. Он побрился и его готовый костюм не очень хорошо сидел на нем. Он стоял на пороге, держа потертую соломенную шляпу и пытался прожевать какие-то полу-оформившиеся слова, которые он никак не мог произнести.

— Меня уволили, — сказал он наконец.

Зина дотронулась до его лица.

— А — а Людоед сказал тебе за что?

Хадди покачал головой.

— Он просто вызвал меня и вручил мне мою зарплату. Я ничего не сделал, Зи. Но я — я ничего ему не сказал. Так как он смотрел, он готов был убить меня. Я — я просто хочу… — Он моргнул, поставил свой чемодан и вытер глаза рукавом. — Вот, — сказал он. Он засунул руку в нагрудный карман, ткнул Зине маленький сверток, повернулся и убежал.

Горти, сидевший на своей койке и слушавший с широко открытыми глазами, сказал:

— Послушай… Зи, что он сделал? Он такой славный!

Зина закрыла дверь. Она посмотрела на сверток. Он был завернут в золотую подарочную бумагу и завязан большим бантом из красный ленты. Большим рукам Хадди должно быть понадобился час времени, чтобы завязать его. Зина сняла ленту. Внутри была шифоновая косынка, яркая, дешевая, именно такой яркий подарок, который Хадди выбрал бы после долгих старательных поисков.

Горти вдруг понял, что Зина плачет.

— Что случилось?

Она села возле него и взяла его за руку.

— Я пошла и сказала Людоеду, что Хадди пристает ко мне. Вот почему его уволили.

— Но — Хадди никогда ничего тебе не делал! Ничего плохого.

— Я знаю, — прошептала Зина. — О, я знаю. Я солгала. Хадди должен был уйти — немедленно.

Горти смотрел на нее.

— Я не понимаю этого, Зи.

— Я собираюсь объяснить это тебе, — сказала она осторожно. — Будет больно, Горти, но может быть это поможет не случиться чему-нибудь другому, от чего было бы намного больнее. Слушай. Ты всегда все помнишь. Ты разговаривал с Хадди вчера, помнишь?

— О, да! Я смотрел как он, Джемми, Ол и Стинкер забывают стойки. Я люблю смотреть на них. Они становятся вокруг со своими большими тяжелыми молотами и каждый легонько стукает — плип-плип-плип — а затем каждый замахивается молотом прямо над головой и ударяет со всей силы блэп-блэп-блэп! — так быстро! И эта стойка, она просто тает в земле!

Он замолчал, его глаза сияли, он слышал и видел пулеметный ритм команды молотобойцев во всех подробностях своего кинематографического

мозга.

— Да, дорогой, — сказала Зина терпеливо. — А что ты сказал Хадди?

— Я захотел потрогать верхушку стойки внутри железного кольца, там где все расщепляется. Я сказал: «Господи, да оно все здесь раздавлено!» А Хадди, он сказал: «Только подумай как раздавлена была бы твоя рука, если бы ты поставила ее, когда мы загоняли ее». А я засмеялся и сказал: «Это беспокоило бы меня недолго, Хадди. Она бы снова выросла». Это все, Зи.

— Больше никто не слышал?

— Нет. Они начинали следующую стойку.

— Ну так вот, Горти. Хадди должен был уйти, потому что ты сказал это ему.

— Но — но он подумал, что это просто шутка! Он просто засмеялся… что я сделал, Зи?

— Горти, милый, я говорила тебе, что ты не должен никогда никому говорить малейшее, крошечное слово о своей руке, или о том, что что-то растет обратно, после того, как его отрезают, или вообще что-нибудь подобное. Ты должен носить перчатку на своей левой руке днем и ночью, никогда ничего не делать…»

— …моими тремя новыми пальцами?

Она закрыла ладонью его рот.

— Никогда не говори об этом, — прошипела она, — никому кроме меня. Никто не должен знать. Вот. — Она встала и бросила яркий платок ему на колени. — Сохрани это. Посмотри на него и подумай об этом и оставь меня на какое-то время, Хадди был — я… я не могу относиться к тебе хорошо какое-то время, Горти. Извини.

Она отвернулась от него и вышла, а он остался, ему было больно и очень стыдно. И когда, очень поздно той ночью, она пришла к нему в постель и обняла его своими теплыми маленькими руками и сказала ему, что все хорошо, ему больше не нужно было плакать, он был так счастлив, что у него просто не было слов. Он зарылся лицом в ее плечо и дрожал, и он пообещал искренне пообещал, себе, а не ей, что он всегда, всегда будет делать так, как она сказала. Они больше никогда не говорили о Хадди.

Зрительные впечатления и запахи были сокровищем; он хранил как сокровище книги, которые они читали вместе — фантазии, также как *«Червяк Ауроборус»* и «*Меч в камне»* и «*Ветер в ивах»,* странные, загадочные, глубоко человечные книги, каждая единственная в своем роде, такие как «*Зеленые усадьбы», «Марсианские хроники»* Брэдбери, «*Война с саламандрами»* Чапека

и «*Путешествие дилетанта*».

Музыка была сокровищем — смеющаяся музыка, такая как полька из «*Золотого Острова*» и какофонические изыски Спайка Джонса и Реда Ингалса; глубокий романтизм Кросби, поющего «*Адесте Фиделес*» или «*Жаворонка*» как если бы каждое из этих произведений было его любимым, и ажурная звонкость Чайковского; и архитекторы, Франк, строящий из перьев, цветов и веры, Бах — из агата и хрома.

Но больше всего Горти ценил полусонные разговоры в темноте, иногда на затихшей ярмарочной площади после выступлений, иногда трясясь по залитой лунным светом дороге.

— Горти…

Она была единственным человеком, который звал его Горти. Никто не слышал, как она это делает. Это было как тайное уменьшительное.

— Ммм?

— Ты не спишь?

— Думаю…

— Думаешь о своем детстве, дорогой?

— Откуда ты знаешь? Эй — не подшучивай надо мной Зи.

— О, извини, дорогой.

Горти сказал в темноту:

— Кей была единственным человеком, который сказал мне что-то хорошее, Зи. Единственным. Не только в тот вечер, когда я убежал. Иногда в школе она просто улыбалась, и все. Я — я ждал этого. Ты смеешься надо мной.

— Нет, Малышка, нет. Ты такой милый.

— Ну, — сказал он защищаясь, — иногда мне нравится о ней думать.

Он действительно думал о Кей Хэллоувелл, и часто; потому что это была третья вещь, свет и тень. Тенью был Арманд Блуэтт. Он не мог думать о Кей не думая о Арманде, хотя и пытался. Но иногда холодные влажные глаза оборванной дворняжки на какой-нибудь ферме, или четкий, объявляющий о его прибытии звук ключа в замке, приводили Арманда прямо к нему в комнату. Зина знала об этом, вот почему она всегда смеялась над ним, когда он упоминал о Кей…

Он узнал так много во время этих полусонных разговоров. О Людоеде, например.

— А как он вообще попал в карнавал, Зи?

— Я точно не знаю. Иногда я думаю, что он ненавидит карнавал. Похоже, что он презирает людей, которые сюда приходят, и я думаю, что он в этом бизнесе главным образом потому, что это единственный способ для него держать своих…

Она замолчала.

— Что, Зи?

Она молчала пока он не повторил вопрос.

— У него есть некоторые люди, о которых он — много думает, объяснила она наконец. — Солум, Гоголь, Мальчик Рыба, Маленький Пенни был одним из них. Маленький Пенни был дурачком, который выпил щелок. Несколько других. И некоторые животные. Двуногий кот, и Циклопы. Он — любит бывать возле них. Некоторые из них были у него до того, как он попал в шоу-бизнес. Но должно быть это дорого обходилось. А так он может делать на них деньги.

— А почему они особенно ему нравятся?

Она беспокойно заворочалась.

— Потому что он такой-же как они, — выдохнула она. А затем: — Горти никогда не показывай ему свою руку!

Однажды ночью в Висконсине что-то разбудило Горти.

ИДИ СЮДА.

Это был не звук. Это не было словами. Это был зов. В нем было что-то жестокое. Горти лежал неподвижно.

Горти сел. Он слышал, как в степи шумит ветер и звенят цикады.

ИДИ!

На этот раз это было по-другому. В нем была сверкающая вспышка злости. Она была подконтрольная и директивна, и в ней был оттенок удовольствия Арманда Блуэтта, когда он ловил мальчика за чем-то явно недозволенным. Горти вскочил с постели и стоял, хватая воздух.

— Горти? Горти — что с тобой?

Зина, голая, выскользнула из смутной белизны своих простыней, как сон о морском котике в пене прибоя, и подошла к нему.

— Я должен — идти, — сказал он с трудом.

— Что это? — прошептала она взволнованно. — Похоже на голос внутри тебя?

Он кивнул. Яростная команда ударила его снова и у него исказилось лицо.

— Не ходи, — прошептала Зина. — Ты слышишь меня, Горти? Не смей двигаться. — Она завернулась в халат. — Ложись обратно в постель. Держись; чтобы ты не делал, не выходи из этого трейлера. Э-это прекратится. Я обещаю тебе, что это скоро прекратиться. — Она прижала его спину к койке. — Не иди, что бы ни случилось.

Ослепленный, оглушенный этим настойчивым, болезненным давлением, он рухнул обратно на койку. Призыв снова вспыхнул у него внутри;

он содрогнулся.

— Зи…

Но она ушла. Он встал, держась за голову, а затем вспомнил яростную настойчивость ее приказов, и снова сел.

Это пришло снова и было — неполным. Прерванным.

Он сидел совершенно неподвижно и нащупывал это своим сознанием, осторожно, как проверяют языком больной зуб. Его не было. Измученный, он упал на кровать и уснул.

Утром Зина была на месте. Он не слышал, как она пришла. Когда он спросил ее, где она была, она странно посмотрела на него и сказала:

— Выходила.

Поэтому он ее больше ни о чем не спрашивал. Но за завтраком с Банни и Гаваной она внезапно схватила его за руку, пользуясь моментом, когда остальные отошли к плите и тостеру.

— Горти! Если ты когда-нибудь снова получишь такой приказ, разбуди меня. Разбуди меня сразу же, ты слышал?

Она говорила так страстно, что он испугался; он успел только кивнуть до того, как вернулись остальные. Он никогда не забывал об этом. И после этого было не много случаев, когда он будил

ее и она выскальзывала, без слов, чтобы вернуться через несколько часов; потом, когда он понял, что звали не его, он их больше не чувствовал.

Проходили времена года и карнавал разрастался. Людоед по прежнему был вездесущ, наказывая работников сцены и людей, ухаживавших за животными, смельчаков и водителей своим оружием — своим презрением, которое он демонстрировал открыто, как обнаженный меч.

Карнавал становился — больше. Банни и Гавана становились — старше, и Зина тоже, в каких-то мелочах. А Горти не менялся совсем.

Он — она — был на своем месте сейчас, с его чистым сопрано и черными перчатками. Его терпел Людоед, который сдерживал свое презрение говоря:

— Доброе утро. — Высокая честь — и которому больше нечего было сказать. Но остальные любили Горти-Малышку, искренне и небрежно, как это свойственно карнавальщикам.

Шоу теперь представляло собой сооружение на железнодорожной платформе, с пресс-агентами и бегающими по небу лучами прожекторов, танцевальными павильоном и сложными эпициклическими каруселями. Общенациональный журнал напечатал о них большую статью с ил-

люстрациями, особо выделяя «Странных Людей» (выражение «Выставка Уродов» было непопулярно). Теперь здесь был пресс-офис, и были менеджеры, и ежегодные повторные заказы от больших организаций. Была система громкоговорителей на платформах для выступлений и более новые — не новые, а более новые трейлеры для сотрудников.

Людоед давно бросил свои занятия чтением мыслей, и все в большей степени просто присутствовал для тех, кто работал на площадке. В журнальных статьях он был «партнером», если его вообще упоминали. У него редко брали интервью и никогда не фотографировали. Он проводил свое рабочее время со своими сотрудниками и расхаживая по площадке, а свое свободное время со своими книгами и своей передвижной лабораторией и своими «Странными Людьми». Рассказывали истории о том, что его видели в темные предутренние часы стоящим в темноте, заложив руки за спину и ссутулившись, и смотрящим на Гоголя в его баке, или всматривающимся в двуглавого змея или лысого кролика. Сторожа и смотрители животных знали, что в такое время от него лучше держаться подальше; они молча отходили в сторону, качая головами, и оставляли

его одного.

— Спасибо, Зина. — Тон Людоеда был вежливым, медовым.

Зина устало улыбнулась, закрыла дверь трейлера, спрятав за ней черноту снаружи. Она подошла к креслу из хрома и пластика возле его стола и села в него с ногами, прижав пальцы халатом.

— Я выспалась, — сказала она.

Он налил вина — искрящегося мозельского.

— Не совсем подходящее время для него, — заметил он, — но я знаю, что ты его любишь.

Она взяла стакан и поставила его на угол стола. Она научилась ждать.

— Я нашел сегодня несколько новых, — сказал Людоед. Он открыл тяжелую шкатулку из красного дерева и вынул из нее бархатную подставку. — В основном молодые.

— Это хорошо, — сказала Зина.

— И хорошо и нет, — сказал Людоед раздраженно. — С ними лучше управляться — но они не много умеют делать. Иногда я думаю зачем я этим занимаюсь.

— Я тоже, — сказала Зина.

Ей показалось, что его глаза метнулись к ней и обратно в своих глубоких глазницах, но она не была уверена. Он сказал:

— Посмотри на эти.

Она взяла подставку к себе на колени. На бархате лежало восемь кристаллов, тускло мерцая. Они были только что очищены от слоя пыли, похожей на засохшую грязь, которая всегда покрывала их, когда их находили — слоя, который делал их похожими на комья земли и на обычные камни. Они были не совсем прозрачными, однако ядро мог увидеть человек, который знал какую внутреннюю колеблющуюся тень искать.

Зина выбрала один из них и посмотрела на свет. Монетр что-то проворчал и она встретилась с ним взглядом.

— Мне было интересно какой ты возьмешь первым, — сказал он. — Этот очень живой. — Он взял его у нее и посмотрел на него, сузив глаза. Удар ненависти, которой он направил на него заставил Зину вздрогнуть.

— Пожалуйста, не надо…

— Извини… но он так кричит, — сказал он мягко и положил его обратно с другими. — Если бы я только мог понять как они думают, — сказал он. — Я могу причинить им боль. Я могу направлять их действия. Но я не могу разговаривать с ними. Но когда-нибудь я узнаю…

— Конечно, — сказала Зина, глядя на его лицо.

Будет ли у него сейчас один из его приступов ярости? Ему пора бы уже было…

Он тяжело опустился в свое кресло, зажал руки между коленями и потянулся. Она могла слышать как хрустнули его плечи.

— Они видят сны, — сказал он, его громкий голос упал до пылкого шепота. — Пока что описывая их я смог приблизиться только к этому. Они видят сны.

Зина ждала.

— Но их сны живут в нашем мире, в нашем типе реальности. Их сны — это не мысли и не тени, не картины и звуки, как наши. Они видят сны во плоти и крови, дереве и кости. А иногда их сны не закончены, и поэтому у меня есть кот с двумя ногами и безволосая белка, и Гоголь, который должен был быть человеком, но у него нет рук, нет потовых желез, нет мозга. Они не закончены… им всем не хватает муравьиной кислоты и ниацина, среди прочих вещей. Но — они живые.

— И вы еще не знаете — пока — как кристаллы делают это?

Он глянул на нее, не поворачивая головы, так что она увидела, как его глаза блеснули под насупленными бровями.

— Я ненавижу тебя, — сказал он и улыбнулся. —

Ненавижу тебя, потому что вынужден полагаться на тебя — вынужден разговаривать с тобой. Но иногда мне нравиться то, что ты делаешь. Мне нравится, что ты сказала пока. Я не знаю, как кристаллы осуществляют свои мечты — пока.

Он вскочил на ноги, стул грохнулся о стену, когда он двинулся.

— Кто понимает воплощенный сон? — заорал он. Затем тихо, как будто бы в нем не было никаких эмоций, но продолжал, ровным тоном: — Поговори с птицей и попроси ее понять, что башня высотой в тысячу футов — это завершенная мечта человека, или что набросок художника — это ее часть. Объясни гусенице структуру симфонии — и мечту, которая стала ее основой. К черту структуру! К черту способы и средства! — Его кулак обрушился на стол. Зина молча убрала свой стакан с вином. — Как это происходит неважно. Почему это происходит неважно. Но это происходит и я могу управлять этим. — Он сел и сказал Зине, вежливо:

— Еще вина.

— Нет, спасибо. Я еще…

— Кристаллы живые, — сказал Монетр обыденным тоном. — Они думают. Они думают способами, которые совершенно чужды нашим.

Они находятся на этой земле сотни, тысячи лет… комья земли, галька, обломки камней… думая свои мысли по-своему… не стремясь ни к чему, чего хочет человечество, не беря ничего, в чем человечество нуждается… ни во что не вмешиваясь, общаясь только с подобными себе. Они обладают могуществом, о котором ни один человек и не мечтал раньше. И я хочу его. Я хочу его. Я хочу его, и я собираюсь его получить.

Он сделал глоток вина и смотрел на него.

— Они размножаются, — сказал он. — Они умирают. И они делают вещь, которую я не понимаю. Они умирают парами и я их выбрасываю. Но когда-нибудь я заставлю их отдать мне то, что я хочу. Я делаю совершенную вещь — мужчину или женщину… человека, который сможет общаться с кристаллами… который сделает то, что я захочу.

— Как, как вы можете быть так уверены? — спросила Зина осторожно.

— Маленькие впечатления, которые я получаю от них, когда причиняю им боль. Вспышки, осколки мысли. Годами я пронзаю их, и за каждую тысячу ударов, которые я им наношу, я получаю фрагмент. Я не могу выразить это словами; это вещь, которую я знаю. Не в деталях, не вполне ясно… но есть нечто особенное во сне,

который осуществился. Он не оказывается такой, как Гоголь или Солум — незавершенным или неправильно сделанным. Он больше похож на то дерево, которое я нашел. И такая завершенная вещь возможно будет человеком, или похожа на него… и если она существует, я могу управлять ею.

— Однажды я написал статью о кристаллах, — сказал он, спустя какое-то время. Он начал открывать ключом глубокий нижний ящик стола. — Я продал ее в журнал — один из этих литературных ежеквартальных обзоров. Статья была чистым предположением, для всех намерений и целей. Я описал эти кристаллы со всех точек зрения, только не сказал, как они выглядят. Я продемонстрировал возможность других, чуждых форм жизни на земле, и как они могут жить и расти вокруг нас и мы не будем об этом знать — при условии, что они не будут с нами конкурировать. Муравьи конкурируют с людьми, и сорняки конкурируют, и амебы. Эти кристаллы нет. Они просто живут своей собственной жизнью. Возможно у них есть коллективное сознание, как у людей — но если оно и есть, они не пользуются им для выживания. И единственным свидетелем их существования, которое есть у человечества,

являются их сны — их бессмысленные, неоконченные попытки скопировать живые существа вокруг них. И каким как ты полагаешь было ученое опровержение, вызванное моей статьей?

Зина ждала.

— Один, — сказал Монетр с пугающей мягкостью, — возразил неостроумным заявлением, что в поясе астероидов между Марсом и Юпитером находится тело размером с баскетбольный мяч, которое сделано из шоколадного торта. Это, сказал он, является заявлением, которое должно считаться истинным, потому что оно не может быть опровергнуто с научной точки зрения. Черт бы его побрал! — взревел он, а затем продолжал, так же мягко, как и раньше. — Еще один объяснял всякое существование уродливых существ пустой болтовней о мушках-дрозофилах, рентгеновских лучах и мутациях. Это именно то слепое, упрямое, проклятое отношение, которое приводило такую массу доказательств того, что самолеты не будут летать (потому что, если бы кораблям нужна была энергия, чтобы держать их на плаву, а не только чтобы двигать их, мы не имели бы кораблей) или что поезда непрактичны (потому что давление вагонов на рельсы превышало бы трение локомотивных колес и поезд никогда не двинется).

Тома логических, объективных доказательств показывали, что земля плоская. Мутации? Конечно существуют природные мутации. Но почему один ответ должен быть единственным ответом? Мутации под воздействием жесткого излучения легко демонстрируемы. Чисто биохимические мутации очень вероятны. А сны кристаллов…

Из глубокого ящика он вытащил помеченный кристалл. Он взял со стола серебряную зажигалку, щелкнул ею и провел желтым пламенем по кристаллу.

Из темноты донесся слабый агонизирующий крик.

— Пожалуйста не надо, — сказала Зина.

Он пристально посмотрел на ее искаженное лицо.

— Это Моппет, — сказал он. — Ты что, даришь свою привязанность двуногой кошке, Зина?

— Вы не должны причинять ей боль.

— Не должен? — Он снова коснулся кристалла пламенем и снова до них донесся крик из вольера для животных. — Я должен был пояснить свою мысль. — Он погасил зажигалку и Зина заметно расслабилась. Монетр уронил зажигалку и кристалл на стол и спокойно продолжал: — Доказательства. Я мог бы привести этого ду-

рака с его звездным шоколадным тортом сюда в этот трейлер и показать ему то, что я только что показал тебе, и он скажет мне, что у кошки болит живот. Я мог показать ему электронную фотомикрографию гигантской молекулы внутри красных кровяных клеток этой кошки, которые действительно преобразуют атомы — а он обвинит меня в подделке пленок. Человечество было проклято в течение всей своей истории своим упрямством в том, что то, что оно уже знает должно быть правильно, а все что отличается от этого, должно быть неправильно. Я присоединяю свое проклятие к проклятию истории, от всего моего сердца. Зина…

— Да, Людоед. — Его внезапная перемена тона заставила ее вздрогнуть; она так и не привыкла к ним.

— Сложные вещи — млекопитающие, птицы, растения — кристаллы только копируют их, если хотят — или если я порю их до полусмерти. Но некоторые вещи делаются легко.

Он встал и отдернул занавеску, открыв полки у себя за спиной и над головой. Он взял оттуда подставку, на которой был ряд химических предметных стекол. Поставив их под лампой он нежно прикоснулся к покровному стеклу.

— Культуры, — сказал он, голосом любовника. — Простые, безвредные, сейчас. Палочки здесь, а спириллы здесь. Кокки растут медленно, но тем не менее растут. Я могу вырастить сап, Зина, если захочу, или чуму. Я устрою почти бесплатные эпидемии по всей этой стране — или сотру целые города. Все, что мне нужно, чтобы быть в это уверенным, это этот посредник — эта осуществленная мечта кристаллов, который может научить меня, как они думают. Я найду этого посредника, Зи, или создам его. И когда я это сделаю, я поступлю так, как захочу с человечеством, в мое собственное время и моим собственным способом.

Она взглянула на его темное лицо и ничего не сказала.

— Почему ты приходишь сюда и слушаешь меня, Зина?

— Потому что вы зовете. Потому что вы причините мне боль, если я не приду, — ответила она прямо. — Почему вы разговариваете со мной?

Внезапно он засмеялся.

— Ты никогда не спрашивала меня об этом раньше, за все эти годы. Зина, мысли бесформенны, закодированы… импульсы без образа или субстанции или направления — пока ты не

передашь их кому-нибудь другому. Тогда они осаждаются и становятся идеями, которые можно разложить на столе и изучить. Мы не знаем о чем мы думаем пока не расскажем об этом кому-нибудь другому. Вот почему я разговариваю с тобой. Вот для чего ты. Ты не выпила свое вино.

— Извините.

Покорно, она выпила его, глядя на него широко раскрытыми глазами поверх края стакана, который был слишком большой для того, чтобы быть ее стаканом.

После этого он позволил ей уйти.

Времена года сменялись друг друга и были и другие изменения. Зина теперь очень редко читала вслух. Она слушала музыку или играла на своей гитаре или возилась с костюмами и сценариями, молча, пока Горти растянувшись на своей койке положив подбородок на одну руку, другой перелистывал страницы. Его глаза двигались от силы четыре раза, чтобы пробежать страницу, и они переворачивались с ритмичным шорохом. Книги выбирала Зина, но сейчас почти все они были выше ее понимания. Горти проглатывал книги, вдыхал знания, хранил их, сортировал их. Она иногда смотрела на него с глубоким удивлением, поражаясь, что он был Горти… он

был Малышка, девочка-ребенок, которая через несколько минут будет петь на эстраде «Йодль в джазе» вместе с ней. Он был Малышкой, которая хихикала над грубыми шутками Каюна Джека на кухне и помогала Лорелее надеть ее короткие костюмы наездницы. Однако все еще хихикая, все еще болтая о бюстгальтерах и блестках на платье, Малышка была Горти, который брал романтическую повесть в соответствующей суперобложке и погружался в эзотерические вопросы, которые под ней скрывались — тексты спрятанные под фальшивыми обложками — книги по микробиологии, генетике, раку, диететике, морфологии, эндокринологии. Он никогда не обсуждал то, что читал, и очевидно никогда не оценивал его. Он просто хранил это — каждую страницу, каждую диаграмму, каждое слово каждой книги, которую она ему приносила. Он помогал ей надевать на них фальшивые оболочки, и он помогал ей тайком избавляться от книг, когда он прочитывал их — ему никогда не надо было заглядывать в них потом за справкой — и он никогда ни разу не спросил ее, зачем он это делает.

Дела человеческие отказываются быть простыми… цели человеческие отказываются быть ясными. Задачей Зины была самоотверженность,

однако ее цели были испещрены пятнышками подозрений и незнания, и ноша была тяжкой…

Как-то в темные предутренние часы дождь злобно бил по трейлеру, и в августовском воздухе была октябрьская прохлада. Дождь разбрызгивался и шипел как пенящаяся мешанина, которую она так часто чувствовала в сознании Людоеда. Вокруг нее был карнавал. Он был и вокруг ее воспоминаний, в течении большего количества лет, чем ей хотелось бы считать. Карнавал был целым миром, хорошим миром, он взыскал горькую плату за то, что предоставил ей там место. Сам факт, что там было ее место, означал поток изумленных глаз и указывающих пальцев: **ТЫ НЕ ТАКАЯ, КАК ВСЕ. ТЫ НЕ ТАКАЯ, КАК ВСЕ. УРОД!**

Она беспокойно заворочалась. Кинофильмы и песни о любви, романы и пьесы… в них была женщина — ее тоже называли изящной — которая могла пересечь комнату за пять шагов, а не за пятнадцать, которая могла взяться за дверную ручку одной маленькой рукой. Она поднималась в поезда, а не карабкалась в них, как животное, и пользовалась вилками в ресторане, не перекашивая при этом рот.

И их любили, этих женщин. Их любили, и они могли выбирать. Их проблемы выбора были

трудно уловимыми, легкими — различия между мужчинами, которые были столь незначительны, что они едва ли могли иметь значение. Они не должны были смотреть на мужчину и думать прежде, прежде всего. Что значит для него то, что я урод?

Она была маленькой, маленькой в очень многом. Маленькой и глупенькой.

Единственное, что она могла любить, она подвергала смертельной опасности. Она сделала все, что могла, но никто не мог знать было ли это правильно.

Она начала плакать, тихонько.

Горти не мог услышать ее, но он пришел. Он скользнул в постель рядом с ней. У нее перехватило дыхание и какое-то мгновение она не могла выдохнуть воздух из горла. Затем она взяла его за плечи, отвернула от себя. Она прижалась грудью к его теплой спине, скрестила руки у него на груди. Она прижала его близко, близко, пока не услышала, как дыхание со свистом вырывается из его ноздрей. Они лежали неподвижно, свернувшись, прижавшись друг к другу, как две ложки.

— Не двигайся, Горти. Не говори ничего.

Они молчали долгое время.

Ей хотелось говорить. Она хотела рассказать

ему о своем одиночестве, о своем желании. Четыре раза она уже сложила губы, чтобы заговорить, но не смогла, и вместо этого слезы намочили его плечо. Он лежал тихий, теплый и с ней — просто ребенок, но так сильно с ней.

Она вытерла его плечо простыней и снова обняла его. И постепенно неистовство ее чувства оставило ее и только что не жесткое давление ее рук ослабело.

Наконец она произнесла две вещи, которые похоже означали давление, которое она чувствовала. Потому что своими набухшими грудями, своим жаждущим лоном она сказала:

— Я люблю тебя, Горти. Я люблю тебя.

И позже, объясняя свою страсть, она сказала:

— Как я хотела бы быть большой, Горти. Я хочу быть большой…

После этого она смогла отпустить его, повернуться на другой бок, уснуть. Когда она проснулась в смутном полусвете она была одна.

Он ничего не сказал, он не шевельнулся. Он дал ей больше, чем любое другое человеческое существо дало ей за всю ее жизнь.

— Зи…

— Ммм?

— Я сегодня разговаривал с Людоедом пока они

натягивали тент.

— Что он сказал?

— Ничего особенного. Он сказал, что горожанам нравится наше выступление. Я думаю, это настолько близко, настолько он может себе позволить приблизиться к тому, чтобы сказать, что ему самому оно нравится.

— Ему не нравится, — сказала Зина уверенно. — Что-нибудь еще?

— Ну — нет, Зина. Ничего.

— Горти, дорогой. Ты просто не знаешь, как лгать.

Наступила тишина. Затем:

— Я думаю тебе лучше будет рассказать мне, Горти.

— Ты не думаешь, что я смогу с этим справиться?

Она повернулась и посмотрела на него через трейлер.

— Нет.

Она ждала. Хотя было абсолютно темно она знала, что Горти закусил нижнюю губу и вскинул голову.

— Он захотел посмотреть мою руку.

Ее подбросило на кровати.

— Нет!

— Я сказал ему, что она меня не беспокоит. Боже — когда же это он лечил ее? Девять лет назад? Десять?

— Ты показал ее ему?

— Успокойся, Зи! Нет, я не показал. Я сказал, что я должен привести в порядок костюмы и ушел. Он окликнул меня и велел прийти к нему в лабораторию завтра до десяти. Я просто пытаюсь придумать что-нибудь, чтобы не ходить туда.

— Я этого боялась, — сказала она, ее голос дрожал. Она обхватила колени руками и положила на них подбородок.

— Все будет в порядке, Зи, — сказал Горти сонным голосом. — Я что-нибудь придумаю. Может он забудет.

— Он не забудет. У него мозг как арифмометр. Он не будет придавать этому никакого значения до тех пор, пока ты не придешь; а затем — держись.

— Ну, а предположим я покажу ее ему.

— Я тебе говорила неоднократно, Горти, ты не должен никогда этого делать!

— Ну, ладно, ладно. Почему?

— Ты что, не доверяешь мне?

— Ты же знаешь, что доверяю.

Она не ответила, а сидела неподвижно, заду-

мавшись. Горти задремал.

Позже — наверное часа на два позже — он проснулся от руки Зины у себя на плече. Она присела на полу возле его кровати.

— Просыпайся, Горти! Просыпайся!

— Что?

— Послушай меня, Горти. Ты помнишь все, что ты мне рассказывал пожалуйста проснись! — помнишь, о Кей и всем остальном?

— Да, конечно.

— Ты помнишь, что ты собирался сделать, когда-нибудь?

— Ты имеешь ввиду вернуться туда и снова увидеть Кей, и поквитаться с этим старым Армандом?

— Правильно. Ну так вот, именно это ты и сделаешь.

— Ну конечно, — он зевнул и закрыл глаза. Она снова потрясла его. — Я имею ввиду сейчас, Горти. Сегодня. Прямо сейчас.

— Сегодня? Прямо сейчас?

— Вставай, Горти. Одевайся. Я серьезно.

Он сел с сонными глазами.

— Зи… сейчас ночи!

— Одевайся, — сказала она сквозь зубы. — Давай, Малышка. Ты не можешь оставаться

ребенком всю свою жизнь.

Он сел на краю постели и стряхнул последние туманные остатки сна.

— Зи! — воскликнул он. — Уйти? Ты хочешь сказать, уйти отсюда? Оставить карнавал и Гавану и тебя?

— Правильно. Одевайся, Горти.

— Но — куда я пойду? — Он потянулся за одеждой. — Что я буду делать? Я там никого не знаю!

— Ты знаешь, где мы находимся? Это всего лишь в пятидесяти милях от городка, из которого ты родом. В этом году мы ближе не будем. В любом случае, ты здесь уже слишком долго, — добавила она, ее голос вдруг стал нежным. — Тебе следовало бы уйти раньше — год назад, может быть два года.

Она подала ему чистую блузку.

— Но почему я должен это сделать? — спросил он жалобно.

— Назовем это интуицией, хотя на самом деле это не так. Ты не сможешь пройти через встречу с Людоедом завтра. Ты должен уйти отсюда и оставаться в стороне.

— Я не могу уйти! — по-детски протестуя в то время, как он подчинялся ей. — А что ты скажешь Людоеду?

— Ты получил телеграмму от своей кузины, или что-нибудь в этом роде. Оставь это мне. Тебе не нужно беспокоиться об этом.

— Никогда — я что, никогда не смогу вернуться?

— Если ты еще когда-нибудь увидишь Людоеда, разворачивайся и беги. Прячься. Делай что угодно, но никогда не подпускай его к себе сколько будешь жить.

— А как же ты, Зина? Я тебя никогда не увижу! — Он застегнул молнию на боку серой юбки в складку и стоял неподвижно пока Зи умело подводила ему брови карандашом.

— Увидишь, — сказала она мягко. — Когда-нибудь. Как-нибудь. Напишешь мне и сообщишь, где ты.

— Написать тебе? А если мое письмо попадет Людоеду? Разве это можно?

— Не попадет. — Она села, по-женски отвлеченно, аккуратно оценивая Горти. — Напишешь Гаване. Почтовая открытка ценой в один пенс. Не подписывай ее. Напечатаешь ее на машинке. Рекламируй что-нибудь — шляпы или прически, или еще что-нибудь. Напишешь свой обратный адрес, но переставишь каждую пару чисел. Запомнишь?

— Я запомню? — сказал Горти рассеянно.

— Я знаю, что ты запомнишь. Ты никогда ничего не забываешь. Ты знаешь, чему тебе придется научиться теперь, Горти?

— Чему?

— Тебе придется научиться пользоваться тем, что ты знаешь. Ты сейчас просто ребенок. Если бы ты был кем-нибудь другим, я назвала бы это случаем остановившегося развития. Но все книги, которые мы прочитали и изучили… ты помнишь свою анатомию, Горти? И физиологию?

— Конечно, и физику и историю и музыку и все остальное. Зи, что я буду там делать? Там некому будет мне говорить, что делать!

— Ты теперь будешь говорить сам себе.

— Я не знаю с чего начать! — завопил он.

— Дорогой, дорогой… — Она подошла к нему и поцеловала в лоб и кончик носа. — Выходи на шоссе, слышишь? И держись в тени. Пройди по дороге примерно четверть мили и останавливай автобус. Садись *только* на автобус. Когда приедешь в город, подожди на автостанции примерно до девяти часов утра, а затем найди себе комнату в меблированных комнатах. Тихих, на маленькой улице. Не трать слишком много денег. Найди себе работу как только сможешь. Тебе лучше

быть мальчиком, так чтобы Людоед не знал, где искать.

— А я вырасту? — спросил он, высказав профессиональный страх всех лилипутов.

— Может быть. Поживем — увидим. Не отправляйся искать Кей и этого Арманда пока не будешь готов к этому.

— А как я узнаю, когда я готов?

— Узнаешь. Чековая книжка с тобой? Чеки сплавляй по почте, как всегда. Денег у тебя достаточно? Хорошо. У тебя все будет в порядке. Горти. Ни у кого ничего не спрашивай. Никому ничего не рассказывай. Сам решай свои проблемы, или обходись без каких-то вещей.

— У меня нет своего места в том мире, — пробормотал он.

— Я знаю. Будет, так же как оно появилось у тебя здесь. Вот увидишь.

Двигаясь грациозно и легко на высоких каблуках Горти пошел к двери.

— Ну, до свидания, Зи. Я — я бы хотел — а ты не можешь пойти со мной?

Она покачала своей блестящей темной головкой.

— Я не рискну, Малышка. Я единственное человеческое существо, с которым Людоед раз-

говаривает — действительно разговаривает. И я должна следить, что он делает.

— О. — Он никогда не спрашивал того, о чем не должен был спрашивать. По-детски беспомощный, безусловно подчиняющийся, точный, функциональный продукт своего окружения, он испуганно улыбнулся ей и повернулся к двери. — До свидания, дорогой, — прошептала она, улыбаясь.

Когда он ушел, она рухнула на его кровать и зарыдала. Она проплакала всю ночь. И только на следующее утро она вспомнила про драгоценные глаза Джанки.

Прошло двенадцать лет с тех пор, как Кей Хэллоувелл видела из окна, как Горти Блуэтт забрался в ярко раскрашенный грузовик однажды туманным вечером. Прошедшие годы не были добры к Хэллоувеллам. Они переехали в меньший дом, а затем в квартиру, где умерла мать. Ее отец продержался немного дольше, а затем последовал за своей женой, и Кей, в девятнадцать лет, оставила колледж на младшем курсе и пошла работать, чтобы помочь своему брату окончить подготовительную школу для поступления в медицинский институт.

Она была спокойной блондинкой, аккуратной

и уравновешенной, с глазами похожими на сумерки. Она несла нелегкий груз на своих плечах и она держала их расправленными. В душе она боялась быть испуганной, боялась быть впечатлительной, поддаваться чьему-то влиянию, волноваться, так что внешне она носила тщательно построенное самообладание. Она должна была делать свою работу; она должна быть пробиваться вперед сама, чтобы помочь Бобби преодолеть трудный путь и стать врачом. Она должна была поддержать свое самоуважение, что означало приличное жилье и приличную одежду. Может быть когда-нибудь она сможет расслабиться и развлечься, но не теперь. Не завтра или на следующей неделе. Просто когда-нибудь. Теперь, когда она ходила куда-нибудь потанцевать или на спектакль, она могла радоваться только осторожно, до той точки, когда позднее время, или сильное новое увлечение, или даже сама радость могли бы помешать ее работе. А это было очень обидно, потому что у нее были глубокие и полные до краев резервуары смеха.

— Доброе утро, Судья. — Как она ненавидела этого человека с его подрагивающими ноздрями и мягкими белыми руками. Ее босс, Т.Спинни Хартфорд, из фирмы Бенсон, Хартфорд и Харт-

форд, был достаточно неплохим человеком, но конечно водил дружбу с разными типами. Ну да ладно; в адвокатском деле по-другому нельзя.

— Мистер Хартфорд примет вас через минуту. Пожалуйста, присаживайтесь, Судья.

«Не сюда, Масляные-Глаза! О Боже, прямо возле ее стола. Ну, он всегда так делает».

Она одарила его ничего не значащей улыбкой и пошла к шкафам с папками у противоположной стенки до того, как он начал проводить свою частично слабую, частично приводящую в смущение линию. Она ненавидела попусту тратить время; в папках ей ничего не надо было. Но она не могла сидеть там и игнорировать его, и она знала, что он не будет кричать через весь офис; он предпочитал метод, описанный Торном Смитом как «голос такой же низкий, как и его намерения».

Она почувствовала его липкий взгляд на своей спине, на своих бедрах, как он прошелся вверх и вниз по швам ее чулок, и у нее по коже пошли мурашки, которые только что не чесались. Так дело не пойдет. Может быть близкое расстояние будет лучше; может быть она сможет парировать то, от чего не сможет заслониться. Она вернулась за свой стол, еще раз улыбнулась ему одними губами, и пододвинула к себе пишущую машинку,

развернув ее на легко вращающихся шарнирах. Она вставила бланк для писем и стала печатать с деловым видом.

— Мисс Хэллоувелл.

Она печатала.

— Мисс Хэллоувелл. — Он протянул руку и дотронулся до ее запястья. Пожалуйста, не будьте такой уж слишком занятой. Мы так мало времени бываем вместе.

Она позволила своим рукам упасть на колени — одной из них, по крайней мере. Она оставила вторую руку не сопротивляясь в безвольном белом пожатии судьи пока он не отпустил ее. Она сложила свои руки и смотрела на них. Этот голос! Если она поднимет глаза, она была уверена, что увидит струйку слюны у него на подбородке.

— Да, Судья?

— Вам нравится здесь работать?

— Да. Мистер Хартфорд очень добр.

— Очень приятный человек. Очень приятный. — Он подождал пока Кей не почувствовала, что глупо сидеть так, глядя на свои руки, и не подняла лицо. Затем он сказал:

— Значит вы планируете остаться здесь на какое-то время.

— Я не понимаю почему — то есть, я бы хотела.

— Благие намерения… — пробормотал он. Это еще что? Угроза ее работе? Какое отношение это слюнявое напыщенное ничтожество имеет к ее работе? «Мистер Хартфорд очень приятный человек». О. О Боже. Мистер Хартфорд был юристом и чисто вел дела по наследству и опеке. В некоторых из них принятие решения зависело от мельчайших деталей, а зависело от них многое. «Очень приятный». Конечно Мистер Хартфорд был приятным человеком. Ему надо было на жизнь зарабатывать.

Кей ждала следующего шага. Он последовал.

— Вам ведь не придется работать здесь более двух лет, насколько я понимаю.

— П-почему? О-откуда вы об этом знаете?

— Моя дорогая девочка, — сказал он, с безжизненной скромностью. — Я естественно знаю содержание своих собственных дел. Ваш отец был крайне предусмотрительным, и очень мудрым. Когда вам исполнится двадцать один год, вы получите вполне приличную сумму денег, а?

«Это не твое дело, ты старая рысь».

— Ну, я едва ли замечу это, Судья. Эти деньги предназначены Бобби, моему брату. Это даст ему возможность заниматься два последних курса и год специализации, если он захочет. И нам не

придется больше не спать ночами, думая об этом. А до тех пор мы просто держимся над водой. Но я буду продолжать работать.

— Похвально. — Его ноздри дрогнули при взгляде на нее и она закусила губу и снова смотрела вниз на свои руки. — Очень мило, — добавил он оценивающе. Она снова ждала. Последовал Шаг Три. Он вздохнул. — Знаете ли вы, что существовала закладная на поместье вашего отца, из-за вопроса старого партнерства?

— Я — я слышала об этом. Старые соглашения были разорваны, когда было расторгнуто партнерство в отцовском бизнесе грузоперевозок.

— Один комплект документов не был уничтожен. Они все еще у меня. Ваш отец был доверчивым человеком.

— По этому счету заплатили уже дважды, Судья! — Глаза Кей могли иногда приобретать синевато-серый цвет грозовых туч. Они приобрели его сейчас.

Судья откинулся на спинку стула и сложил перед собой кончики пальцев.

— Это вопрос, рассмотрением которого может заняться суд. Суд по рассмотрению дел о наследстве, кстати.

Он мог лишить ее работы. Может быть он мог

лишить ее денег, а вместе с ними Бобби карьеры. Альтернативой… да, она могла ждать этого сейчас.

Она оказалась абсолютно права.

— С тех пор как умерла моя дорогая супруга — (Она помнила его дорогую супругу. Жестокое пустоголовую существо, у которой мозгов хватало только для того, чтобы потакать его эго до того, как он стал судьей, ничего большего), — я очень одинокий человек Мисс Хэллоувелл. Я никогда не встречал никого похожего на вас. У вас есть красота и вы умеете быть умной. Вы можете далеко пойти. Я бы хотел лучше с вами познакомиться, жеманно улыбнулся он.

«Через мой труп».

— Да, — сказала она глупо, оцепенев от отвращения и страха.

Он подчеркнул это.

— Такая милая девушка, как вы, с такой хорошей работой, с таким лакомым кусочком, который вы получите, если ничего не случится. — Он нагнулся вперед. — Я собираюсь отныне называть вас Кей. Я уверен, что мы понимаем друг друга.

— Нет!

Она сказала это, потому что она поняла, а не

потому что не поняла.

Он предпочел истолковать это по-своему.

— Ну тогда я с удовольствием объясню подробнее, — хихикнул он. Скажем сегодня вечером. Довольно поздно вечером. Человек в моем положении не может… э… позволять себе легкие фантазии там, где ярким свет.

Кей ничего не сказала.

— Есть одно маленькое местечко, — хихикнул судья, — которое называется Клуб Немо, на Оук Стрит. Знаете его?

— Мне кажется, что я — замечала его, — сказала она с трудом.

— В час, — сказал он бодро. Он встал и склонился над ней. От него пахло прокисшей водой после бритья.

— Я не люблю не спать допоздна без причины. Я уверен, что вы будете там.

Ее мысли прыгали. Она была в бешенстве и она была испугана, этих двух эмоций она избегала годами. Ей хотелось сделать несколько вещей. Во-первых ей хотелось закричать, и избавиться от своего завтрака там же и теперь же. Ей хотелось сказать ему о нем пару слов. Ей хотелось ворваться в офис Мистера Хартфорда и узнать входит ли то-то и то-то в ее обязанности стенографистки.

Но был Бобби, и он был очень близок к карьере. Она знала как это, быть вынужденными бросить все на финишной прямой. И бедный, беспокойный, взволнованный мистер Хартфорд; он не хотел сделать ничего плохого, но он не будут знать, как справиться с такой ситуацией. И еще одна вещь, вещь, о которой судья очевидно не подозревал — ее проверенная способность приземляться на лапы.

Поэтому вместо того, чтобы сделать все те вещи, которые ей хотелось сделать, она застенчиво улыбнулась и сказала:

— Посмотрим.

— Посмотрим друг на друга, — поправил он. — Мы будем часто видеться друг с другом.

Она снова почувствовала этот влажный взгляд у себя на затылке пока он уходил, почувствовала его у себя под руками.

У него на столе зажглась лампочка.

— Мистер Хартфорд примет вас сейчас, Судья Блуэтт, — сказала она.

Он ущипнул ее за щеку.

— Ты можешь называть меня Арманд, — прошептал он. — Когда мы одни, конечно.

Он был там, когда она пришла. Она опоздала — всего на несколько минут, но они дорого стои-

ли. Они были минутами добавленными к часам кипящей ненависти, отвращения и страха, через которые она прошла после жеманного ухода судьи из офиса Хартфорда в то утро.

Она стояла минуту у самого входа в клуб. Он был спокойным приглушенный свет, спокойные цвета, тихая музыка, которую играл оркестр из трех исполнителей. Посетителей было очень мало и только один, которого она знала. Она заметила седые волосы в углу, противоположном углу с эстрадой для оркестра за находившемся в тени столиком. Она пошла туда больше потому, что она знала, что он выберет такое место, чем потому что она узнала его.

Он встал и отодвинул ей стул.

— Я знал, что вы придете.

«А как бы я могла этого избежать, ты жаба?»

— Конечно я пришла, — сказала она. — Мне жаль, что вам пришлось подождать.

— Я рад, что вам жаль. Мне пришлось бы заставить вас пожалеть, если бы это было не так. — Он засмеялся, когда говорил это, и этот смех только подчеркнул удовольствие, которое он чувствовал при этой мысли. Он провел тыльной стороной ладони по ее предплечью, оставив новое пятно гусиной кожи. — Кей. Красивая маленькая Кей, —

простонал он. — Я должен сказать тебе кое-что. Мне действительно пришлось оказать давление на тебя сегодня утром.

«Не может быть!»

— Да? — спросила она.

— Вы должны были понять это. Ну, я хочу, чтобы вы знали прямо сейчас, что я ничего этого не имел ввиду — кроме того, что я так одинок. Люди не понимают, что я не только судья, я еще и мужчина.

«В таком случае я одна из этих людей».

Она улыбнулась ему. Это был очень сложный процесс. Он включил тот факт, что во время этой убедительной, полной жалости к себе речи его голос стал подвывать, а черты его лица вытянулись вниз и стали похожи на морду спаниеля. Она прикрыла глаза, чтобы избавиться от этого образа и получила такую удивительную копию скорбной собачьей головы над его воротником, что ей вспомнилась когда-то услышанная фраза:

— Он такой потому, что в детстве его постоянно беспокоил лай матери.

Отсюда улыбка. Он неправильно истолковал ее и взгляд, который ее сопровождал и снова погладил ее руки. Ее улыбка исчезла, хотя она все еще показывала зубы.

— Я вот что хочу сказать, — ворковал он, — я просто хочу, чтобы вы любили меня ради меня самого. Мне жаль, что мне пришлось применить какое-то давление. Просто я не хотел проиграть. И потом все приемы дозволены… ну вы знаете.

— …в любви и в бою, — сказала она послушно.

И это означало войну. Люби меня ради меня самого, а иначе…

— Я не стану просить от вас многого, — произнес он своими мокрыми губами. — Просто каждый человек хочет, чтобы о нем заботились.

Она закрыла глаза, так чтобы он не мог увидеть, что она подняла их к небу. Он не станет просить многого. Просто доносить и прятаться, чтобы защитить его «положение» в городе. Просто это лицо, этот голос, эти руки… свинья, шантажист, трясущийся старый волк с липкими пальцами! «Бобби, Бобби», подумала она в отчаянии будь хорошим врачом…

Это было не все, далеко не все. Подали напитки. Его выбор для очаровательной молодой девушки. Флип с хересом. Он был слишком сладким и пена на нем неприятно цеплялась за ее помаду. Она прихлебывала и позволяла сентиментальным излияниям судьи стекать с себя, кивала головой и улыбалась, и, так часто, как только могла, вы-

ключала звук его голоса и слушала музыку. Она была умелой и чистой — синтезатор Хаммонд, контрабас, гитара — и какое-то время это была единственная вещь в целом мире, за которую она могла держаться.

Как оказалось у Судьи Блуэтта была маленькая квартирка над магазином в районе трущоб.

— Судья работает в суде и его палатах, — нараспев произнес он, — и у него хороший дом на Холме. Но у Блуэтта человека тоже есть местечко, удобная квартирка, бриллиант в грубой оправе, место, где он может сбросить черную мантию, свои титулы и степени, и снова узнать, что в его венах течет алая кровь.

— Это должно быть очень мило, — сказала она.

— Там можно спрятаться, — сказал он откровенно. — Я бы сказал двое могут спрятаться там. Все удобства. Винный погреб под рукой, кладовая с продуктами по первому зову. Цивилизованная глушь для ломтя хлеба, кувшина вина и д-в-воих.

Он закончил хриплым шепотом, и у Кей возникло безумное ощущение, что если его глаза выпучатся еще на один дюйм, то можно было бы сесть на один и смотреть как другой выпал.

Она снова закрыла глаза и провела смотр своих

ресурсов. Она чувствовала, что у нее осталось вероятно секунд двадцать терпения. Восемнадцать. Шестнадцать. Вот и славно. Вот дымком поднимается карьера Бобби — облачком в форме гриба за столиком на двоих.

Он подтянул свои ноги и встал.

— Вы извините меня на минутку, — сказал и только что не щелкнул каблуками. Он коротко пошутил по поводу дамской туалетной комнаты и о том, что все мы люди. Он отвернулся и повернулся обратно и заметил, что это только первая из маленьких интимных подробностей, которые им предстоит узнать друг о друге. Он отвернулся и повернулся обратно и сказал:

— Подумайте об этом. Может быть мы сможем ускользнуть в наше маленькое царство грез еще сегодня ночью!

Он отвернулся и если бы он снова повернулся обратно, он получил бы французский каблук-шпильку в область своего кармана для часов.

Кей сидела за столиком одна и заметно теряла присутствие духа. Гнев и презрение помогали ей продержаться до сих пор; а теперь, на какое-то мгновение страх и усталость заняли их место. Ее плечи опустились и ссутулились, а подбородок опустился, и слеза сбежала по ее щеке. Это было

на три градуса хуже, чем ужасно. Это была слишком большая плата за Клинику Майо полную врачей. Она хотела вырваться отсюда. Что-то должно произойти, прямо сейчас.

Что-то произошло. Пара рук появилась на скатерти перед ней.

Она подняла глаза и встретила взгляд молодого человека, который стоял там. У него было широкое непримечательное лицо. Он был почти такой же светловолосый, как и она, хотя глаза у него были темными. У него был хороший рот. Он сказал:

— Многие люди не видят разницы между музыкантом и пальмой в кадке, когда им нужно излить свою душу. Вы в опасности, Мадам.

Часть ее гнева вернулась, но он стих, поглощенный волной неловкости. Она смогла только сказать:

— Пожалуйста, оставьте меня.

— Я не могу. Я слышал этот разговор. — Он махнул головой в сторону туалетов. — Выход есть, если вы доверитесь мне.

— Я предпочитаю держаться того дьявола, которого я знаю, — сказала она холодно.

— Вы послушайте меня. Послушайте, пока я не закончу. А затем сможете поступить, как сочтете нужным. Когда он вернется, избавьтесь от него на

сегодня. Пообещайте встретить его здесь завтра вечером. Только сыграйте все действительно хорошо. Затем скажите ему, что вы не должны уходить отсюда вместе; вас могут увидеть. Он все равно об этом подумает.

— А потом он уходит, а я остаюсь в вашем заботливом распоряжении?

— Не будьте такой тупицей! Извините. Нет, вы уходите первой. Идете прямо на вокзал и садитесь на первый отходящий поезд. В три часа будет на север, и в три двенадцать на юг. Садитесь на любой из них. Отправляйтесь в другое место, заройтесь в нору, найдите себе другую работу и не попадайтесь на глаза.

— На что? На безумную сумму в три доллара?

Он достал длинный бумажник из внутреннего кармана своего пиджака.

— Вот три сотни. Вы достаточны умны, чтобы прорваться на этом.

— Вы сумасшедший! Вы меня не знаете, я не знаю вас. Кроме того, я ничего не могу предложить вам на продажу.

Он сделал отчаявшийся жест.

— Кто говорил что-нибудь об этом? Я сказал садитесь на поезд — любой поезд. Никто не будет вас преследовать.

— Вы действительно сумасшедший. А как я вам их верну?

— Вы об этом волнуетесь? Я работаю здесь. Зайдете когда-нибудь днем, когда меня здесь нет, если хотите, и оставьте их для меня.

— Что заставляет вас делать это?

Его голос был очень нежный.

— Ну, скажем это то же, что заставляет меня приносить сырую рыбу бродячим котам. О, перестаньте спорить. Вам нужен выход и это выход.

— Я не могу это сделать!

— У вас хорошее воображение? То, при котором возникают зрительные образы?

— Я думаю — да.

— Тогда, извините меня, но вам нужно дать по зубам. Если вы не сделаете то, что я вам только что сказал, тогда этот козел… — и несколькими простыми, краткими словами он сказал ей точно, что этот козел собирается делать. Затем одним ловким движением, он опустил купюры в ее сумочку и вернулся на эстраду.

Она сидела, испытывая тошноту и потрясение, пока Блуэтт не вернулся из туалета. У нее было необычайно живое зрительное воображение.

— Пока меня не было, — сказал он, усаживаясь на свое место и показывая официанту, чтобы тот

принес счет, — знаете что я делал?

Это, подумала она, как раз тот вопрос, который мне сейчас нужен. Слабым голосом она спросила:

— Что?

— Я думал о той маленькой квартирке, и как чудесно было бы, если бы я мог улизнуть туда после тяжелого дня в суде и найти там вас, ждущей меня. — Он улыбнулся бессмысленно. — И никто бы никогда не узнал.

Кей мысленно произнесла:

— Господи прости меня, я не знаю что делаю, — и сказала отчетливо: Я думаю это очаровательная идея. Просто очаровательная.

— И это не было бы — что?

На мгновение ей стало его почти жалко. Вот он уже размотал свои удочки, наточил и смазал крючки, его рука приготовилась к аккуратной подсечке, а она украла у него весь его спортивный интерес. Она подъехала к нему сзади с полным грузовиком рыбы. Она капитулировала.

— Ну, — сказал он. — Ну, я, хм. Хм-м-м! Официант!

— Но, — сказала она лукаво, — не сегодня, Арманд.

— Сейчас, Кей. Просто поднимемся и взглянем

на нее. Это не далеко.

Она в переносном смысле поплевала на руки, сделала глубокий вдох и нырнула — слабо удивляясь в какой именно момент она решила выбрать этот фантастический путь. Она деликатно моргнула глазами, всего дважды, и сказала мягко:

— Ар-манд, я не такой опытный человек, как вы, и я… — она заколебалась и опустила глаза, — я хочу, чтобы все было безукоризненно. А сегодня, это все так неожиданно, и у меня не было возможности подготовиться к чему-либо, и сейчас ужасно поздно и мы оба устали, и мне завтра на работу, а послезавтра не надо, кроме того… — и тут она перещеголяла все. Тут она выдала, не задумываясь, самое расплывчатое и яркое заявление все своей жизни. — Кроме того, — сказала она, ее руки красиво подрагивали, — я не готова.

Она глянула на него уголком глаза и увидела, как его костлявое лицо сменило четыре отчетливых выражения, одно за другим. И снова у нее внутри было то, что способно было удивляться; она в состоянии была придумать только три возможные реакции на подобное заявление. В тот же самый момент у гитариста у нее за спиной, посреди льющегося глиссандо, мизинец застрял под струной ля.

Пока Арманд Блуэтт не успел отдышаться, она сказала:

— Завтра, Ар-манд. Но… — Она покраснела. Когда она была ребенком, то читая «Айвенго» и «Охотника за оленями» и, бывало, тренировалась, как краснеть перед зеркалом. Она никогда не могла этого сделать. Однако сейчас она это сделала. — Но раньше, — закончила она.

Ее датчик удивления снова щелкнул, на этот раз от мысли, почему я попробовала сделать это раньше?

— Завтра вечером? Вы придете? — сказал он. — Вы правда придете?

— В котором часу, Ар-манд? — спросила она послушно.

— Ну. Хм. А, скажем, в одиннадцать?

— О, в это время здесь будет полно народа. Десять, до того, как закончатся спектакли.

— Я знал, что вы умница, — сказал он восхищенно.

Она крепко ухватилась за эту мысль и развила ее.

— Здесь всегда слишком много народа, — сказала она, оглядываясь. — Вы знаете, мы не должны уходить вместе. Просто на всякий случай!

Он покачал головой от удивления и просиял.

— Я просто… — она сделала паузу, глядя на его глаза, его рот. — Я просто уйду, вот так. — Она щелкнула пальцами. — Никаких прощаний…

Она вскочила на ноги и выбежала, сжимая сумочку. И когда она проходила мимо края эстрады, гитарист, говоря голосом достаточно громким только для того, чтобы она услышала его, и едва шевеля губами, сказал:

— Леди, вам надо прополоскать рот бурбоном.

Его Честь, Судья по делам о наследстве Арманд Блуэтт покинул свою работу пораньше на следующий день. Он был одет в темно-коричневый деловой костюм и посматривая в разные стороны уголками глаз он на такси доехал на другой конец города, расплатился с водителем и прокрался по узенькой улочке. Он дважды прошел мимо нужной двери, чтобы убедиться, что за ним не следят, а затем нырнул вовнутрь, держа ключ в руке.

Наверху прошелся по компактной двухкомнатной квартирке с кухонькой частой гребенкой. Он открыл все окна и проветрил квартиру. Он нашел засунутый между подушками на диване шелковый шарф всех цветов радуги, благоухающий дешевыми стойкими духами. Он фыркнув бросил его в мусоросжигатель.

— Это мне больше не понадобится.

Он проверил холодильник, полочки на кухне, шкафчик в ванной. Он открыл краны и проверил газ и свет. Он проверил настольные лампы, торшер, радио. Он прошелся маленьким пылесосом по коврам и тяжелым шторам. Наконец, похрюкивая от удовольствия он пошел в ванную, побрился и принял душ. Затем последовали облака талька и легкая дымка одеколона. Он подрезал ногти на ногах, после чего стоял перед большим зеркалом в различных ненормальных позах, выпятив грудь, любуясь своим отражением сквозь розовое эго.

Он тщательно оделся в приглушенную мелкую клеточку и выбрал галстук, специально предназначенный для ученика, ищущего работу, вернулся к зеркалу и провел там пьянящие пятнадцать минут, сел и покрыл ногти бесцветным лаком и прохаживаясь мечтая по комнате, размахивая своими дряблыми руками и думая подробные мысли, декламируя вполголоса короткие реплики остроумного интеллектуального диалога.

— Кто отшлифовал твои глаза? — бормотал он. — Мое дорогое, дорогое дитя, это было ничто, просто ничто. Урок гармонии перед сложной инструментовкой плоти… нет, она недостаточно

взрослая для этого. Хм. Ты сливки в моем кофе. Нет! Я недостаточно стар для этого.

И так он провел вечер, действительно очень приятно. В восемь тридцать он вышел, чтобы роскошно поужинать в ресторане, готовящем из морских деликатесов. В девять пятьдесят он сидел за угловым столиком в Клубе Немо, полируя свои блестящие ногти об отвороты пиджака и поочередно облизывая губы и промокая их салфеткой.

В десять часов она появилась.

Прошлым вечером он встал на ноги, когда она пересекла площадку для танцев. Сегодня он вскочил со своего места и был возле нее до того, как она подошла к ней.

Это была преобразившаяся Кей. Это было воплощение его самых буйных мечтаний о ней.

Она убрала волосы с лица и мягкие маленькие волны обрамляли его. Ее глаза были умело оттенены и казались у их синевы появился фиолетовый оттенок. Она была одета в длинное пальто из какого-то тяжелого материала, а под ним в скромный но облегающий тело жакет из черного атласа и черную юбку с разрезом.

— Ар-манд… — прошептала она, протягивая обе руки.

Он взял их. Его губы раскрылись и закрылись дважды прежде, чем он смог вообще что-то произнести, а затем она прошла мимо него, идя к столику широким легким шагом. Идя за ней он увидел, как она замерла когда заиграл оркестр, и бросила презрительный взгляд на гитариста. За столиком она расстегнула пальто у горла и сознательно позволила ему упасть. Арманд Блуэтт подхватил его и она скользнула на свое место. Он стоял глядя на нее так долго, что она рассмеялась над ним.

— Вы что, вообще ничего не собираетесь говорить?

— У меня нет слов, — сказал он и подумал, честное слово, это прозвучало впечатляюще.

Подошел официант и он заказал для нее. Дайкири, на этот раз. Ни одна женщина, которую он когда-либо видел не напоминала ему меньше о флипе с хересом.

— Я очень счастливый человек, — сказал он. Это был уже второй раз подряд, когда он сказал что-то неотрепетированное.

— Не такой счастливый, как я, — сказала она, и она казалась вполне искренней, когда говорила это. Она высунула самый кончик розового язычка; ее глаза сияли и она смеялась. У Блуэтта

комната начала кружиться перед глазами. Он посмотрел на ее руки, игравшие с застежкой маленькой косметички.

— Я не думаю, что я когда-либо раньше замечал ваши руки, — сказал он.

— Пожалуйста заметьте, — она подмигнула. — Мне нравятся вещи, которые вы говорите, Ар-манд, — и она положила свои руки в его. Это были длинные сильные руки с квадратными ладонями и тонкими и длинными пальцами и наверняка самой гладкой кожей в мире.

Подали напитки. Он нехотя отпустил ее руки и они оба откинулись на спинки стульев, глядя друг на друга. Она сказала:

— Рады, что мы подождали?

— О, да. Хм. Да конечно.

Внезапно ожидание стало непереносимым. Почти не замечая он взял свой стакан и осушил его.

Гитарист взял фальшивую ноту. Она выглядела, как будто ей стало больно. Арманд сказал:

— Сегодня здесь не слишком приятно, не правда ли?

Ее глаза заблестели.

— Вы знаете лучшее место? — спросила она мягко.

Его сердце поднялось и билось снизу в его ада-

мово яблоко.

— Конечно знаю, — сказал он, когда смог.

Она склонила свою голову с удивительной, контролируемой уступчивостью, которая была для него почти как сильная боль. Он бросил банкноту на стол, накинул ее пальто ей на плечи и вывел ее.

В такси он ринулся к ней чуть ли не до того, как машина отъехала от тротуара. Было почти незаметно, что она шевельнулась, но ее тело ускользнуло от него внутри пальто, и он оказался с пригоршней ткани, в то время как профиль Кей слегка улыбнулся, качая головой. Это не было произнесено, но это было однозначное «нет». Это было также подтверждением низкого коэффициента трения атласа.

— Я никогда не думал, что вы такая, — сказал он.

— Какая?

— Вчера вечером вы были не такая, — запутался в словах он.

— Не какая, Ар-манд? — поддразнила она.

— Вы не были такой — я имею в виду, что вы, похоже, совсем не были уверены в себе.

Она взглянула на него.

— Я не была — готова.

— О, я понимаю, — солгал он.

После этого разговор прекратился пока он не расплатился с такси на перекрестке улиц возле своего убежища. Он начинал чувствовать, что ситуация выходит из-под его контроля. Однако, если она будет контролировать ее так, как она контролировала ее до сих пор, он будет более, чем рад следовать за ней.

Идя по грязной узкой улочке, он сказал:

— Не смотрите на все это, Кей. Наверху все совсем по-другому.

— Это не имеет значения, когда я с вами, — сказала она, переступая через какой-то мусор. Он был очень рад.

Они поднялись по лестнице и он открыл дверь широким жестом.

— Входите, прекрасная леди, в страну мечтателей.

Она впорхнула вовнутрь и поворковала по поводу штор, ламп, картин. Он закрыл дверь и запер на засов, уронил свою шляпу на диван и направился к ней. Он собирался обнять ее сзади, когда она ускользнула.

— Ну кто же так начинает! — пропела она. — Положите там свою шляпу. Вы что не знаете, что класть шляпу на кровать — это плохая примета?

— Сегодня мой счастливый день, — провозгласил он.

— Мой тоже, — сказала она. — Поэтому давайте не будем его портить. Давайте притворимся, что мы были здесь всегда и будем здесь всегда.

Он улыбнулся.

— Мне это нравится.

— Я рада. В таком случае, — сказала она, выходя из угла, когда он приблизился, — нам некуда спешить. Мы могли бы выпить?

— Вы можете получить даже луну, — нараспев произнес он. Он открыл кухоньку. — Что бы вы хотели?

— О, как чудесно. Позвольте мне, позвольте мне. Вы идите в другую комнату и сидите там, мистер мужчина. Это женское дело. — Она вытолкала его и принялась смешивать, с деловым видом.

Арманд уселся на диване, положив ноги на кленовый кофейный столик и слушал приятные позвякивающие и булькающие звуки из другой комнаты. Он лениво подумал, сможет ли заставить ее приносить его комнатные тапочки каждый вечер.

Она вплыла, балансируя двумя высокими стаканами на маленьком подносе. Одну руку она держала за спиной пока опускалась на колени и

ставила поднос на кофейный столик и усаживалась в кресло.

— Что вы прячете? — спросил он.

— Это секрет.

— Давайте сначала немного поговорим. Пожалуйста.

— Немного. — Он хихикнул. — Это твоя вина, Кей. Ты такая красивая. Хм. Ты заставляешь меня чувствовать себя безумным — импульсивным.

Он начал потирать руки.

— Да, моя маленькая, — ответил он, покровительственно.

— Вы, когда-нибудь причиняли кому-нибудь боль?

Он сел.

— Я? Кей, ты что боишься? — Он слегка выпятил грудь. — Боишься меня. Послушай, я не сделаю тебе больно, малышка.

— Я говорю не о себе, — сказала она немного нетерпеливо. — Я просто спрашиваю — вы когда-нибудь причиняли кому-нибудь боль?

— Ну конечно же, нет. То есть не намеренно. Ты должна помнить, что мой бизнес — это справедливость.

— Справедливость. — Она сказала это слово, как будто оно было вкусным. — Существует два

способа причинить боль, Арманд — снаружи, где это видно, и внутри, в сознании, где остаются шрамы и гноящиеся раны.

— Я не понимаю о чем ты говоришь, — его напыщенность возвращалась по мере того, как росло смятение. — Кому я причинил боль?

— В частности, Кей Хэллоувелл, — сказала она отвлеченно. — Тем давлением, которое вы на нее оказывали. Не потому, что она несовершеннолетняя; за это вы преступник только на бумаге, и даже это не будет принято во внимание в некоторых штатах.

— Послушайте, молодая леди…

— А потому, — продолжала она спокойно, — что вы систематически разрушили ее веру в людей. Если существует высшая справедливость, то по ее меркам вы преступник именно поэтому.

— Кей, что на тебя нашло? О чем ты говоришь? Я больше не стану это терпеть!

Он откинулся на спинку дивана и сложил руки на груди. Она сидела молча.

— Я знаю, — сказал он, наполовину обращаясь к себе, — ты шутишь. Да, малышка?

Тем же ровным отстраненным тоном она продолжала говорить.

— Вы виновны в причинении боли другим

людям обоими упомянутыми мною выше способами. Физически, так что это видно, и психически. И вы будете наказаны обоими этими способами, справедливый Блуэтт.

Он выпустил воздух через ноздри.

— Этого вполне достаточно. Я привел тебя сюда не для этого. Возможно мне следует напомнить тебе, в конце концов, что я человек, с которым шутки плохи. Хм. Вопрос о твоем наследстве…

— Я не шучу шутки, Арманд. — Она наклонилась к нему через низенький столик.

Он поднял руки.

— Что тебе нужно? — выдохнул он, прежде чем смог остановиться.

— Ваш носовой платок.

— Мой н-что?

Она вытащила его из нагрудного кармана.

— Спасибо.

Говоря это она встряхнула его, соединила два конца и связала их. Она продела левую руку в образовавшуюся петлю и закрепила платок высоко на руке.

— Я собираюсь наказать тебя сначала способом, который не виден, проинформировала она, — напомнив тебе способом, который ты не мог забыть, о том, как ты однажды причинил боль другому

человеку.

— Какая чепуха…

Она вытащила из-за спины свою правую руку и то, что она прятала новый, острый, тяжелый нож для мяса.

Арманд Блуэтт отпрянул, откинулся на подушки дивана.

— Кей — нет! Нет! — задыхался он. Его лицо позеленело. — Я не дотронулся до тебя, Кей! Я просто хотел поговорить. Я хотел помочь тебе и твоему брату. Положи это, Кей! — Он нес какую-то чушь от ужаса. — Разве мы не можем быть друзьями, Кей? — хныкал он.

— Прекрати это! — прошипела она. Она высоко подняла нож, положив левую руку на стол и наклонившись к нему. Ее лицо превратилось, каждая линия и поверхность и вырезанная округлость, в маску полного презрения. Я сказала тебе, что твое физическое наказание наступит позднее. Подумай об этом, пока будешь его ждать.

Нож описал дугу и спустился, каждая унция маленького тела была вложена в этот удар. Арманд Блуэтт закричал — нелепый, хриплый, высокий звук. Он закрыл глаза. Нож обрушился на твердую поверхность кофейного столика. Арманд извивался и забивался обратно в подушки, он

двигался в сторону и назад вдоль стены, пока ему некуда больше было двигаться. Он остановился нелепо, на четвереньках, на диване, попятился в угол, пот и слюна бежали у него по подбородку. Он открыл глаза.

Очевидно ему понадобилось только доля секунды, чтобы сделать это истерическое движение, потому что она все еще стояла у стола; она все еще держала ручку ножа. Его лезвие застряло в толстой доске, пройдя через плоть и кость ее руки.

Она схватила бронзовый нож для разрезания бумаги и засунула его под платок на своей руке. Когда она выпрямилась яркая артериальная кровь била из обрубков трех отрубленных пальцев. Ее лицо под косметикой было бледным, но ни один мускул не дрогнул; на нем все еще было написано гордое, чистейшее презрение. Она стояла стройная и высокая и накручивала носовой платок на ручку ножа, накладывая жгут, и смотрела на него сверху вниз. Когда он опустил глаза, она с презрением сказала:

— Разве это не лучше, чем то, что вы планировали? Теперь вы сможете всегда хранить часть меня. Это намного лучше, чем использовать что-то и потом вернуть.

Струя крови уменьшалась до отдельных капель

по мере того, как она скручивала жгут. Потом она подошла к стулу, на котором она оставила свою косметичку. Из нее она вытащила резиновую перчатку. Прижимая жгут к боку, она натянула перчатку на руку и расправила ее на запястье.

Арманда Блуэтта начало рвать.

Она накинула пальто на плечи и пошла к двери.

Когда она отодвинула задвижку и открыла ее, она окликнула его соблазнительным голосом:

— Это было так чудесно, Ар-манд, дорогой. Давай сделаем это снова скоро…

Сознанию Арманда потребовался почти час, чтобы выкарабкаться из колодца паники, в который оно свалилось. В течении этого часа он сидел на корточках там на диване в своей собственной блевотине глядя на нож и на три все еще белых пальца.

Три пальца.

Три левых пальца.

Где-то глубоко в его сознании это что-то для него значило. Пока что он не разрешал этому подняться на поверхность. Он боялся, что это произойдет. Он знал, что это произойдет. Он знал, что когда это произойдет, он почувствует всепоглощающий ужас.

«Дорогой Бобби, — писала она, — я не могу думать о том, что мои письма будут возвращаться с пометкой «адрес не известен». У меня все в порядке. Это первое и главное. У меня все в порядке мартышка, и тебе не нужно волноваться. У твоей старшей сестры все в порядке.

У меня сплошная путаница, может быть в этом твоем правильном госпитале ты сможешь лучше все понять. Я постараюсь все объяснить кратко и просто.

Однажды утром я работала в офисе, когда пришел этот ужасный Судья Блуэтт. Ему нужно было подождать несколько минут, прежде чем он мог увидеть старого Уоттла Хартфорда, и он использовал это время для серии своих обычных мерзких словесных пассов.

Мне удавалось отделаться от него до тех пор, пока этот старый лис не заговорил о папиных деньгах. Ты знаешь, что мы получим их когда мне исполнится двадцать один год — если та старая сделка снова не всплывет. Тогда она снова должна будет рассматриваться в суде. Блуэтт не просто был партнером — он судья по делам о наследстве. Даже если мы сможем добиться его отстранения от слушания этого дела, ты знаешь что он сможет найти кого-то другого, кто сможет

занять его место. Ну, так вот, идея состояла в том, что если буду доброй и ласковой с Его Честью, любым мерзким способом каким он пожелает, то завещание не будет оспорено.

Я ужасно испугалась, Бобб! Ты знаешь, что твое оставшееся обучение предполагается оплачивать этими деньгами. Я не знала что делать. Мне нужно было время, чтобы подумать. Я пообещала встретиться с ним той ночью, действительно поздно, в ночном клубе.

Бобби, это было ужасно. Я чуть было не взорвалась, там за столиком, когда старый слюнтяй на минутку вышел из зала. Я не знала сражаться или бежать. Я испугалась, поверь мне. Внезапно кто-то стоял возле меня и разговаривал со мной. Я думаю, что это был мой ангел хранитель. Похоже, что он слышал, что судья говорил мне. Он хотел, чтобы я убежала. Я боялась его тоже сначала, а затем я увидела его лицо. О, Бобби, это было такое хорошее лицо! Он хотел дать мне денег еще до того как я сказала нет, он сказал мне, что я смогу вернуть их когда захочу. Он сказал мне, что нужно выбираться из города немедленно — садиться на поезд, на любой поезд; он даже не хотел знать на какой. И прежде чем я смогла остановить его он успел засунуть триста долларов в мою сумоч-

ку и отошел. Последнее, что он сказал — было назначить свидание судье на следующий вечер. Я ничего не могла сделать, он был там всего две минуты и говорил практически каждую секунду. А затем судья вернулся. Я хлопала глазами глядя на старого дурака как отчаявшаяся женщина, а затем удрала. Двадцать минут спустя я села на поезд до Элтонвилля и даже не регистрировалась в гостинице, когда добралась туда. Я подождала пока открылись магазины и купила чемоданчик и зубную щетку и сняла комнату. Я поспала несколько часов, и в тот же самый день я нашла работу в единственном в городе магазине грампластинок. Платят там двадцать шесть долларов в неделю, но мне хватит.

Я пока что не знаю, что делается дома. Я как бы затаила дыхание пока не услышу, что нибудь. А пока я собираюсь подождать. У нас есть время и пока, что у меня все в порядке. Я не сообщаю тебе свой адрес, дорогой, хотя буду часто писать. Не исключено, что Судья Блуэтт сможет как нибудь заполучить наши письма. Я думаю, что не помешает быть осторожной. Он опасен.

Вот такая, дорогой, на сегодняшний день сложилась ситуация. Что дальше? Я буду просматривать домашние газеты и искать все заметки о

Его Бесчестьи Судье и надеяться на лучшее. Что касается тебя, пусть твоя маленькая квадратная головочка не волнуется обо мне, дорогой. У меня все в порядке. Я зарабатываю только на несколько долларов в недель меньше, чем дома, и я здесь в гораздо большей безопасности и работа не тяжелая; музыку любят некоторые хорошие люди.

Извини, что я не могу сообщить тебе свой точный адрес, но я действительно думаю, что сейчас лучше этого не делать. Мы можем протянуть эту историю и год, если нужно, и ничего не потеряем. Учись хорошо, малыш; я поддерживаю тебя тысячу процентов. Я буду писать часто.

Любящая тебя Большая сестра Кей.»

Это письмо, которое нанятый Армандом Блуэттом человек нашел в комнате старшекурсника Роберта Хэллоувелла в Государственной Медицинской Школе.

— Да — я Пьер Монетр. Входите.

Он отступил в сторону и девушка вошла.

— Вы очень любезны, мистер Монетр. Я понимаю, что вы должно быть ужасно заняты. И возможно вы совершенно не сможете мне помочь.

— Я возможно не помогу если и смогу, — сказала он. — Присаживайтесь.

Она села на простой фанерный стул, который стоял в конце наполовину стола, наполовину лабораторной полки, которая занимала почти всю торцевую стену трейлера. Он смотрел на нее холодно. Мягкие светлые волосы, глаза временами синевато-серые, временами немного темнее, чем небесно-голубые; нарочитая холодность, сквозь которую он, с его отработанной проницательностью, легко мог видеть истинную суть. Она была встревожена, подумал он; испугана и стыдится этого. Он ждал.

Она сказала:

— Есть одна вещь, которую я должна выяснить. Это случилось много лет назад. Я почти забыла об этом, а потом увидела ваши афиши и вспомнила… Может быть я ошибаюсь, но только…

Она сплела пальцы. Монетр посмотрел на них, а затем вернул свой холодный взгляд на ее лицо.

— Извините, мистер Монетр. Я похоже непонятно говорю. Это все так неопределенно и так — ужасно важно. Дело в том, что когда я была маленькой девочкой, мне было семь или восемь лет, в моем классе в школе учился мальчик, который убежал. Он был примерно моего возраста, и у него была какая-то жуткая ссора с его отчимом. Я думаю, что он был ранен. Его рука. Я не знаю

насколько серьезно. Я вероятно была последним человеком в городе, который его видел. Никто его потом не видел.

Монетр взял какие-то бумаги, полистал их, снова положил на стол.

— Я действительно не знаю, чем я могу вам помочь, мисс…

— Хэллоувелл. Кей Хэллоувелл. Пожалуйста, выслушайте меня, мистер Монетр. Я проехала тридцать миль только, чтобы увидеть вас, потому что я не могу позволить себе упустить даже минимальный шанс.

— Если вы расплачетесь, вам придется убраться, — проскрежетал он. Голос был настолько грубым, что она вздрогнула. Затем он сказал, мягко: Пожалуйста, продолжайте.

— Спасибо. Я быстро… Только стемнело, была дождливая туманная ночь. Мы жили возле шоссе, и я зачем-то вышла на заднее крыльцо… я не помню… не важно, он был там, возле светофора. Я заговорила с ним. Он попросил меня никому не говорить, что я его видела, и я никогда не говорила, до сих пор. Потом, — она закрыла глаза, очевидно пытаясь восстановить в памяти каждую деталь, — мне кажется кто-то позвал меня. Я вернулась к калитке и оставила его. Но я снова

выглянула, и увидела как он залезает в кузов грузовика, который остановился у светофора. Это был один из ваших грузовиков. Я уверена в этом. То, как он был раскрашен… и вчера, когда я увидела ваши афиши, я подумала об этом.

Монетр ждал, его глубоко посаженные глаза ничего не выражали. Вдруг он похоже понял, что она закончила:

— Это случилось двенадцать лет назад? И, я полагаю, вы хотите узнать добрался ли этот мальчик до карнавала?

— Да.

— Он не добрался. Если бы он добрался, я бы наверняка знал об этом.

— О… — Это был слабый звук, огорченный, но покорный; очевидно она и не ждала ничего другого. Она заметно собралась и сказала:

— Он был маленьким для своего возраста. У него были очень темные волосы и глаза и удлиненное лицо. Его звали Горти — Гортон.

— Горти… — Монетр порылся в памяти. В этих двух слогах было знакомое звучание, почему-то. Так, где… Он покачал головой. — Я не помню никакого мальчика по имени Горти.

— Пожалуйста постарайтесь. Пожалуйста! Вы понимаете… — Она посмотрела на него испыту-

ющe, вопрос застыл в ее глазах.

Он ответил на него, сказав:

— Вы можете верить мне.

Она улыбнулась:

— Спасибо. Знаете, есть один ужасный человек. Он когда-то был ответственным за этого мальчика. Он ужасно обращался со мной; это связано со старым судебным делом, и он может суметь сделать так, что я не смогу получить деньги, которые мне причитаются после достижения совершеннолетия. Они мне нужны. Не для меня; для моего брата. Он собирается стать врачом и…

— Я не люблю врачей, — сказал Монетр. Если существует большой колокол ненависти, такой как большой колокол свободы, он звонил в его голосе, когда он говорил это. Он встал. — Я ничего не знаю ни о каком мальчике Горти, который исчез двенадцать лет назад. Я не заинтересован в его поисках во всяком случае, особенно если поступая таким образом я помог бы человеку стать паразитом и дурачить пациентов. Я не похититель детей и ничего общего не буду иметь с поисками, которые пахнут этим шантажом в довершение всего. До свидания.

Она встала вместе с ним. У нее были круглые глаза.

— Я — мне очень жаль. Действительно…

— До Свидания.

На этот раз это бал бархат, использованный с тщательностью, использованный, чтобы показать ей, что его мягкость это виртуозное мастерство, притворство. Она повернулась к двери, открыла ее. Она остановилась и оглянулась через плечо.

— Могу ли я оставить вам свой адрес на тот случай, если когда-нибудь, вы…

— Не можете, — сказал он. Он повернулся к ней спиной и сел. Он услышал, как дверь закрылась.

Он закрыл глаза и его ноздри щелочки расширялись пока не стали круглыми отверстиями. Люди, люди, и их сложные, бесполезные, неважные махинации. В людях не было никакой тайны; никакой загадки. Все человеческое может быть выведено на свет, если спросить просто:

— А что это вам дает?…

…Что могли люди знать о форме жизни, для которой идея приобретения была чужда? Что мог человек сказать о своих родственниках-кристаллах, живых камнях, которые могли общаться друг с другом и не решались, которые могли действовать совместно друг с другом и не снисходили до этого?

А что — он позволил себе улыбнуться — что люди будут делать, когда им придется бороться против чуждого? Когда им придется столкнуться с врагом, который нанесет удар, а потом не сочтет нужным закрепить его — а затем нанесет другой тип удара, другим способом, в другом месте?

Он погрузился в понятливые лишь избранным мечты, идя со своими кристаллами против суетливого, глупого человечества; забыв в своих мыслях бессмысленные волнения девушки, ищущей давно потерявшегося ребенка, по каким-то собственным мелким корыстным причинам.

— Эй, Людоед!

— Черт побери! Еще что?

Дверь робко приоткрылась.

— Людоед, там…

— Зайди, Гавана, и говори громче. Я не люблю, когда бормочут.

Гавана бочком вошел, после того, как притушил свою сигару об порог.

— Там человек, который хочет увидеть вас.

Монетр сердито посмотрел через плечо.

— У тебя волосы седеют. Те, которые остались. Покрась их.

— Хорошо, хорошо. Прямо сейчас, сегодня днем. Извините. — Он жалко шаркал ногами. — А что с

этим человеком…

— С меня на сегодня достаточно, — сказал Монетр. — Бесполезные люди, которые хотят невозможных вещей, которые не имеют никакого значения. Ты видел ту девушку, которая выходила отсюда?

— Да. Именно это я и пытаюсь вам сказать. И этот парень тоже видел. Понимаете, он ждал, чтобы повидаться с вами. Он спросил Джонварда, где он может вас найти, и…

— Пожалуй, я выгоню Джонварда. Он вышла, а не швейцар. Что это за дела, зачем он приводит людей, которые меня раздражают?

— Я полагаю, что он подумал, что вам следует встретиться с этим человеком. Важная шишка, — сказал Гавана застенчиво. — Так когда он подошел к вашему трейлеру, он спросил меня заняты ли вы. Я сказал ему, что да, вы с кем-то разговариваете. Он сказал, что он подождет. И тут открывается дверь и выходит эта девушка. Она держится рукой за дверной косяк и поворачивается, чтобы что-то вам сказать, а этот человек, эта важная шишка, его просто закоротило. Я не шучу, Людоед, я никогда ничего подобного не видел. Он хватает меня за плечо. У меня там синяк будет еще неделю. Он говорит: «Эта она! Это она!», а я

говорю: «Кто?», а он говорит: «Она не должна меня видеть! Она дьявол! Она отрубила эти пальцы, а они снова выросли!»

Монетр резко выпрямился и повернулся на своем вращающемся стуле так, чтобы быть лицом к лилипуту.

— Продолжай, Гавана, — сказал он ласковым голосом.

— А это все. Кроме того, что он спрятался за платформой Гоголя и скрылся из виду, и только поглядывал за девушкой, когда она проходила мимо него. Она его не видела.

— Где он сейчас?

Гавана выглянул за дверь.

— Все еще здесь. Выглядит скверно. Я думаю, что у него что-то типа припадка.

Монетр оставил свой стул и выскочил через дверь, оставляя на усмотрение Гаваны убираться с его пути или нет. Лилипут отпрыгнул в сторону, с прямого пути Монетра, но недостаточно далеко, чтобы уклониться от костлявого бедра Монетра, которое сильно задело полную щеку лилипута.

Монетр подскочил сбоку к мужчине, который скорчился позади платформы для выступлений. Он опустился на колени и положил уверенную руку на лоб человека, который был липким и

холодным.

— Уже все в порядке, сэр, — сказал он глубоким успокаивающим голосом. — Со мной вы будете в полной безопасности. — Он подчеркнул мысль о «безопасности», потому что, какой бы ни была причина, мужчина был мокрым, дрожащим и только что не в исступлении от страха.

Монетр не задавал никаких вопросов, а продолжал уговаривать:

— Вы сейчас в хороших руках, сэр. В совершенной безопасности. Теперь ничего случится не может. Идемте со мной; выпьем. Вы будете в порядке.

Водянистые глаза мужчины сфокусировались на нем, медленно. В них появилось сознание, и некоторая неловкость. Он сказал:

— Мм. А — легкий приступ — хм… головокружения, вы знаете. Извините, что я… хм.

Монетр вежливо помог ему подняться, поднял коричневую мягкую шляпу и стряхнул с нее пыль.

— Мой офис прямо здесь. Пожалуйста входите и присаживайтесь.

Крепко держа мужчину под локоть, Монетр подвел мужчину к трейлеру, помог подняться на две ступеньки, протянул руку мимо него и

открыл дверь.

— Может быть вы приляжете на несколько минут?

— Нет, нет. Спасибо; вы очень любезны.

— Тогда садитесь сюда. Я думаю, вам здесь будет удобно. Я дам вам кое-что, что поможет почувствовать себя лучше. — Он набрал цифры простого замка, выбрал бутылку темного портвейна. Из ящика стола он вынул маленький флакон и капнул две капли жидкости в стакан, наполнив его вином. — Выпейте это. Вы почувствуете себя лучше. Немного амитала натрия — только чтобы успокоить ваши нервы.

— Спасибо вам, спасибо… — он с жадностью выпил, — вам. Это вы мистер Монетр.

— К вашим услугам.

— Я Судья Блуэтт. По делам о наследстве, знаете ли. Хм.

— Я польщен.

— Ну что вы, что вы. Это я… Я проехал пятьдесят миль, чтобы повидаться с вами, сэр, и с радостью проехал в два раза больше. Вы широко известны.

— Я этого не осознавал, — сказал Монетр, и подумал: «это жалкое существо такое же неискреннее, как и я». — Что я могу сделать для вас?

— Хм. Ну, знаете. Это вопрос… э… научного

интереса. Знаете, я читал о вас в журнале. Там говорилось, что вы знаете больше об ур-э, странных людях, и всяких таких вещах, чем кто-либо из живущих.

— Я бы этого не сказал, — сказал Монетр. — Я конечно проработал с ними очень много лет. А что вы хотели узнать?

— О… вещь, о которой нельзя прочитать в справочниках. Или спросить любого так называемого ученого, если на то пошло; они просто смеются над вещами, которых нет в какой-нибудь книге, где-нибудь.

— Я сталкивался с этим, Судья. Меня нелегко рассмешить.

— Великолепно. Тогда я спрошу вас. Конкретнее, знаете, ли вы что нибудь о регенерации?

Монетр прикрыл свои глаза. Этот дурак когда-нибудь доберется до сути?

— Какого типа регенерация? Пояс нематод? Заживление клеток? Или вы говорите о старых радиоприемниках?

— Пожалуйста, — сказал судья, и сделал слабый жест рукой. — Я совершенный профан, мистер Монетр. Вам придется пользоваться простым языком. Что я хочу узнать — настолько серьезное восстановление возможно после сильного

пореза?

— Настолько серьезного пореза?

— Хм. Назовем это ампутацией.

— Ну, знаете. Это зависит от обстоятельств, Судья. Может быть кончик пальца. Раздробленная кость может вырасти удивительно. Вы — вы ведь знаете о случае, когда регенерация была, скажем так, несколько больше обычной?

Последовала долгая пауза. Монетр заметил, что судья бледнеет. Он налил ему еще вина, и себе тоже наполнил стакан. У него внутри нарастало возбуждение.

— Я действительно знаю такой случай. По крайней мере, я имею в виду… хм. Мне так показалось. То есть, ампутацию я видел.

— Рука? Ступня, может быть, нога?

— Три пальца. Целых три пальца, — сказал судья. — Похоже, что они снова выросли. И всего за сорок восемь часов. Хорошо известный остеолог отнесся ко всему этому, как к шутке, когда я спросил его об этом. Отказался поверить, что я говорю серьезно. — Внезапно он наклонился вперед так резко, что висящая кожа на его челюсти натянулась. — Кто была девушка, которая только что вышла отсюда?

— Охотница за автографами, — сказал Монетр

скучающим тоном. — Не имеет никакого значения. Продолжайте пожалуйста.

Судья сглотнул с трудом.

— Ее зовут Кей Хэллоувелл.

— Может быть, может быть. Вы что, изменили тему разговора? — спросил Монетр нетерпеливо.

— Нет, сэр, — горячо ответил судья. — Эта девушка, это чудовище — при свете и прямо у меня на глазах отрубила три пальца своей левой руки!

Он кивнул, выпятил нижнюю губу и откинулся на спинку стула.

Если он ждал бурной реакции, он не был разочарован. Монетр вскочил на ноги и зарычал:

— Гавана! — Он шагнул к двери и снова заорал. — Где этот маленький жирный — о; ты здесь, Гавана. Пойди и найди девушку, которая только что вышла отсюда. Понял? Найди ее и приведи обратно. Мне все равно, что ты ей скажешь; найди ее и приведи обратно сюда. — Он оглушительно хлопнул в ладони. — Марш!

Он вернулся на свое место, его лицо двигалось. Он посмотрел на свои руки, потом на судью.

— Вы абсолютно уверены в этом?

— Да.

— Какая рука?

— Левая. — Судья провел пальцем вокруг ворота. — Э… мистер Монетр. Если этот мальчик приведет ее обратно сюда, ну, э… я, то есть…

— Насколько я понимаю вы ее боитесь.

— Ну, э… я бы этого не сказал, — сказал судья. — Поражен, да. Хм. А вы бы не были?

— Нет, — сказал Монетр. — Вы лжете, сэр.

— Я? Лгу? — Блуэтт выпятил грудь и уставился на хозяина карнавала.

Монетр полуприкрыл свои глаза и начал считать пункты на пальцах.

— Похоже, что несколько минут назад вас испугал вид левой руки этой девушки. Вы сказали лилипуту, что пальцы снова выросли. Очевидно, что вы в первый раз видели регенерацию руки. И однако вы рассказываете мне, что вы консультировались с остеологом по этому поводу.

— Здесь нет никакой лжи, — сказал Блуэтт напыщенно. — Действительно, я видел восстановленную руку, когда она стояла здесь в двери, и это было в первый раз. Но я так же видел, как она отрубила эти пальцы!

— Тогда зачем, — спросил Монетр, — приходить ко мне и задавать вопросы о регенерации? — Глядя как судья с трудом подыскивает ответ, он добавил: — Давайте, Судья Блуэтт. Либо вы не

назвали изначальную цель своего прихода сюда, либо — вы видели случай такой регенерации раньше. Ага. Значит в этом дело. — У него загорелись глаза. — Я думаю, вы лучше расскажите мне всю историю.

— Дело не в этом! — запротестовал судья. — Послушайте, сэр, мне не нравится этот перекрестный допрос. Я не вижу…

Будучи человеком проницательным, Монетр протянул руку и коснулся страха, который так близко навис над этим человеком с влажными глазами.

— Вы в большей опасности, чем вы подозреваете, — прервал он. — Я знаю в чем состоит эта опасность, и я пожалуй единственный человек в мире, который может помочь вам. Вы будете сотрудничать со мной, сэр, или вы уйдете отсюда немедленно — и будете расхлебывать последствия. — Когда он говорил это, его гибкий голос был настроен на мягкий, резонирующий диапазон, который явно напугал судью до полусмерти. Цепочка воображаемых ужасов, которые отразились на бледнеющем лице Блуэтта, вероятно была цветистой, мягко говоря. Слегка улыбаясь Монетр откинулся на спинку стула и ждал.

— В-вы позволите… — Судья налил себе еще

вина. — Э… Значит так, сэр. Я должен сразу же сказать вам, что все это просто… э… предположение с моей стороны. То есть, вплоть до того момента, когда я сейчас увидел девушку. Кстати — я не хочу, чтобы она меня видела. Не могли бы вы…

— Когда Гавана приведет ее обратно, я вас спрячу. Продолжайте.

— Хорошо. Спасибо, сэр. Так вот, несколько лет назад я привел в дом ребенка. Уродливое маленькое чудовище. Когда ему было не то семь, не то восемь лет, он убежал из дома. С тех пор я о нем ничего не слышал… Я думаю, ему сейчас должно быть около девятнадцати — если он жив. И похоже есть какая-то связь между ним и этой девушкой.

— Какая связь? — подсказал Монетр.

— Ну, она похоже знает о нем кое-что. — Поскольку Монетр беспокойно заерзал ногами, он выпалил: — Суть в том, что с ним были кое-какие неприятности. Мальчишка был однозначно буйным. Я его выпорол и запихнул в кладовку. Его рука — совершенно случайно, как вы понимаете — его рука была раздавлена дверью. Хм. Да — очень неприятно.

— Продолжайте.

— С тех пор я… э… ищу, ну вы знаете, то есть,

если этот мальчик вырос, вы понимаете, он может быть обижен… кроме того, он был крайне неуравновешенным ребенком, и неизвестно как такие вещи могли повлиять на слабый ум…

— Вы имеете ввиду, что вы чувствуете себя чертовски виноватым и душа у вас в пятках, и вы искали молодого человека, у которого не хватает нескольких пальцев. Пальцев — переходите к сути! Какое отношение это имеет к девушке? — Голос Монетра был как удар кнута.

— Я не могу сказать точно, — пробормотал судья. — Она похоже что-то знает о мальчике. Я имею ввиду, что она намекнула на кое-что о нем сказала, что она собирается напомнить мне как я причинил когда-то боль другому человеку. А затем она взяла нож и отрубила свои пальцы. Она исчезла. Я нанял человека, чтобы он нашел ее. Он узнал, что она должна приехать сюда — и послал за мной. Это все.

Монетр закрыл глаза и задумался.

— Когда она была здесь с ее пальцами все было в порядке.

— Черт побери, я знаю! Но я говорю вам, я видел, собственными глазами…

— Хорошо, хорошо. Она их отрубила. А теперь скажите конкретно, зачем вы сюда приехали?

— Я — это все. Когда случается что-нибудь подобное, то забываешь все, что знал, и начинаешь с самого начала. То, что видел, было невозможно, и я начал думать способом, который допустил возможность… всег…

— Переходите к сути! — заревел Монетр.

— Ее нет! — заревел в ответ Блуэтт. Они уставились друг на дуга и между ними пробегали искры.

— Именно это я вам и пытаюсь сказать; я не знаю. Я вспомнил этого ребенка и его покалеченные пальцы, и была эта девушка, и то, что она сделала. Я начал думать, а может быть она и мальчик были одним и тем же… Я сказал вам, что слово «невозможно» больше не имело значения. Знаете, у девушки была абсолютно здоровая рука перед тем, как она ее отрубила. Если, каким то образом, она была этим мальчиком, то он должен был заново отрастить эти пальцы. Если он мог сделать это один раз, он мог сделать это и снова. Если он знал, что сможет сделать это снова, он бы не боялся отрубить их. — Судья пожал плечами, его руки поднялись и упали. — Итак я начал интересоваться какой вид существ может отращивать свои пальцы по желанию. Это все.

Монетр сделал широкие навесы из своих век,

его горящие темные глаза изучали судью.

— Этот мальчик, который мог быть девочкой, — пробормотал он. — как его звали?

— Гортон. Мы его называли Горти. Злобный маленький звереныш.

— Подумайте, сейчас. Было ли в нем что-то странное, когда он был ребенком?

— Еще бы! Я не думаю, что он был нормальным. Он цеплялся за свои детские игрушки, такие вещи. И у него были мерзкие привычки.

— Какие мерзкие привычки?

— Его выгнали из школы за то, что он ел насекомых.

— Ах! Муравьев?

— Откуда вы узнали?

Монетр встал, прошел до двери и обратно. У него в груди начало биться возбуждение.

— За какие детские игрушки он цеплялся?

— О, я не помню. Это не важно.

— Это мне решать, — огрызнулся Монетр. — Подумайте! Если вам дорога ваша жизнь…

— Я не могу думать! Я не могу! — Блуэтт посмотрел на Монетра и сник перед этими горящими глазами. — Это был какой-то попрыгунчик, отвратительная штука.

— Как она выглядела? Говорите же, черт по-

бери!

— Как она — о, хорошо. Он был такого размера, и у него была голова как у Панча — ну вы знаете, Панч и Джуди. Большой нос и подбородок. Мальчишка едва ли вообще смотрел на него. Но он должен был держать его при себе. Однажды я его выбросил и врач заставил меня найти его и принести обратно. Гортон чуть не умер.

— Правда, а? — проворчал Монетр возбужденно, с триумфом. — А теперь расскажите мне — эта игрушка была с ним с самого рождения, — не правда ли? И в ней было что-то какая-нибудь драгоценная пуговица, или что-нибудь блестящее?

— Откуда вы знаете? — снова начал Блуэтт и снова сник под излучением бешеного, возбужденного нетерпения, исходившего от хозяина карнавала. Да. Глаза.

Монетр бросился на судью, он схватил его за плечи и начал трясти.

— Вы сказали «глаз», правда? Там был только один камень? — он задыхался.

— Н-не надо… — прохрипел Блуэтт, слабо отталкивая цепкие руки Монетра. — Я сказал «глаза». Два глаза. Они оба были одинаковые. Отвратительные глаза. Казалось, что они светятся сами по себе.

Монетр медленно выпрямился и отошел.

— Два, — выдохнул он. — Два…

Он закрыл глаза, в голове у него гудело. Исчезнувший мальчик, пальцы… покалеченные пальцы. Девочка… тоже подходящего возраста… Гортон. Гортон… Горти. Его память петляла и катилась по прошедшим годам. Маленькое коричневое лицо, заострившееся от боли, говорящее: «Мои родственники назвали меня Гортензия, но все называют меня Малышка». Малышка, которая появилась с покалеченной рукой и покинула карнавал два года назад. Что же случилось, когда она ушла? Он что-то хотел, хотел посмотреть ее руку, и ночью она ушла.

Эта рука. Когда она только появилась он вычистил рану, удалил поврежденные ткани, зашил ее. Он обрабатывал ее каждый день неделями, пока полностью не сформировался шрам и больше не было опасности инфекции; а затем как-то так получилось, что он больше никогда на нее не смотрел. Почему? О — Зина. Зина всегда рассказывала ему, как дела с рукой Малышки.

Он открыл свои глаза — сейчас это были щелочки.

— Я найду его, — прорычал он.

Раздался стук в дверь и голос.

— Людоед…

— Это карлик, — залепетал Блуэтт вскакивая. — С девушкой. Что я куда?

Монетр бросил на него взгляд, который заставил его поникнуть и снова упасть на стул. Хозяин карнавала встал и шагнул к двери, чуть приоткрыв ее.

— Привел ее?

— Господи, Людоед, я…

— Я не хочу этого слушать, — сказал Монетр ужасным шепотом. — Ты не привел ее обратно. Я послал тебя привести девушку, а ты этого не сделал. Он очень осторожно закрыл дверь и повернулся к судье. — Убирайтесь.

— А? Хм. А как насчет…

— Убирайтесь! — Это был вопль. Если его взгляд сделал Блуэтта безвольным, то от его голоса он оцепенел. Судья был на ногах и двигался к двери еще до того, как этот вопль перестал звучать. Он попытался заговорить и смог только пошевелить своими мокрыми губами.

— Я единственный человек в мире, который может помочь вам, — сказал Монетр; и по лицу судьи стало видно, что этот непринужденный тихий разговорный тон был для него самым страшным. Он подошел к двери и замер. Монетр

сказал: — Я сделаю, что смогу, Судья. Вы скоро получите от меня весточку, можете в этом не сомневаться.

— Э… — сказал судья. — М-м. Все, что я смогу, мистер Монетр. Располагайте мной. Абсолютно все.

— Спасибо. Мне точно понадобится ваша помощь. — Черты костлявого лица Монетра застыли в тот момент, когда он перестал говорить. Блуэтт бежал.

Пьер Монетр стоял, глядя на то место, где только что было размытое лицо судьи. Внезапно он сжал кулак и ударил им по ладони.

— Зина! — произнес он одними губами. Он побледнел от бешенства, почувствовал слабость и подошел к своему столу. Он сел, положил локти на журнал для записей и подбородок на руки, и начал посылать волны ненависти и требований.

ЗИНА!

ЗИНА!

КО МНЕ! ИДИ КО МНЕ!

Горти рассмеялся. Он смотрел на свою левую руку, на три обрубка пальцев, которые поднимались как грибы от костяшек, потрогал шрам вокруг них другой рукой и рассмеялся.

Он встал с дивана у себя в студии и прошел

через просторную комнату к большому зеркалу, чтобы посмотреть на свое лицо, отойти назад и критически осмотреть свои плечи, свой профиль. Он удовлетворенно заворчал и пошел в спальню к телефону.

— Три четыре четыре, — сказал он. Его голос был звучным, подходящим очертаниям его сильного подбородка и широкого рта. — Ник? Это Сэм Гортон. О, хорошо. Конечно, я смогу снова играть. Врач говорит, что мне повезло. Перелом кисти обычно плохо заживает, но с моим все будет в порядке. Нет не волнуйся. Хм? Около шести недель. Точно… Золото? Спасибо, Ник, но я обойдусь. Нет, не волнуйся — я докричусь, если мне нужно будет. Тем не менее, спасибо. Да, я буду заходить время от времени. Я был там пару дней назад. Где ты нашел этого болвана, который умеет брать на гитаре только три аккорда? Он случайно делает то, что Спайк Джонс делает специально. Нет, мне не хотелось его ударить. Мне хотелось ободрать его. — Он рассмеялся. — Я шучу. Он нормальный. Ну спасибо, Ник. Пока.

Подойдя к дивану в студии он растянулся на нем с уверенным расслаблением сытой кошки. Он с наслаждением прижал плечи к поролоновому матрасу, перекатился и подтянулся за одной

из четырех книг на тумбочке.

Это были единственные книги в квартире. Давным-давно он узнал о физическом нагромождении книг и о книжных шкафах, из которых они вываливаются. Его решением было избавиться от них всех, и договориться со своим продавцом, чтобы он присылал ему четыре книги в день — новые книги, на обмен. Он прочитывал их все и всегда возвращал на следующий день. Это было удовлетворительное решение, для него. Он помнил все. Так для чего тогда нужны были книжные шкафы?

У него было две картины — Маркел, тщательно несоответствующие неправильные формы, так что цвет каждой влиял на остальные, и так, что одна на другую, так что цвет фона влиял на все. Второй картиной был Мондриан, точный и уравновешенный, и передающий почти впечатление чего-то, что никогда не сможет до конца быть чем-то.

Ему принадлежали, однако, мили магнитофонной ленты, на которую была записана великолепная коллекция музыки. Удивительный мозг Горти мог сохранить полное ощущение от книги и воспроизвести любую ее часть. Он мог сделать то же самое с музыкой; но восстановить

музыку это значит воспроизвести ее в какой-то степени, а существует однозначное различие в окраске сознания, которое слышит музыку, и сознания, которое создает ее. Горти умел делать и то, и другое, и его музыкальная библиотека позволяла ему выбирать, что делать.

У него была классическая и романтическая музыка, которую предпочитала Зина, симфонии, концерты, баллады и виртуозные пьесы, которые были его введением в музыку. Но его вкусы расширились и углубились, и сейчас включали Хоннегера и Копленда, Шостаковича и Уолтона. В мире популярной музыки он открыл мрачные аккорды Татума и невероятного Телония Монка. У него была периодически полная вдохновения труба Диззи Гиллеспи, удивительные модуляции Эллы Фицджеральд, безупречное исполнение голоса Перла Бейли. Его критерием во всех этом была человечность и проявления человечности. Он жил с книгами, которые вели его к новым книгам, искусством, которое вело его к новым предположениям, музыкой, которая вела его к мирам, находящимся за пределами познаваемых миров.

Однако при всех этих богатствах комнаты Горти были очень просто меблированы. Единственным

необычным предметом мебели был магнитофон и колонки — массивное воплощение высокоточных компонентов, которое Горти пришлось собрать, потому что его слух требовал каждого нюанса, каждого обертона, каждого музыкально инструмента. Во всем остальном его комнаты были такими же как у любого другого, удобно обставленными и со вкусом украшенными. Ему приходило в голову, мельком и с очень большими перерывами, что с его доходами он мог бы окружить себя роскошными автоматическими машинами, такими как массирующие спину кресла, кондиционированные комнаты, где можно сохнуть после душа. Но он никогда не двигался в этом направлении. Его мозг просто и постоянно познавал. Его аналитические способности были феноменальны, но у него редко возникала потребность активно их использовать. Поэтому приобретение знаний было достаточным; их применение могло подождать своего времени, потребность применять их плохо сосуществовала с его полной и явной уверенностью в своей силе.

На середине книги он остановился, с удивительным выражением во взгляде. Как будто бы его слуха достиг специфический звук, но его не было.

Он закрыл книгу и поставил ее на место, встал и стоя прислушиваясь, слегка поворачивая голову, как будто он пытался определить источник этого ощущения.

Позвонили в дверь.

Горти перестал двигаться. Это не была застывшая, удивленная неподвижность испуганного животного. Скорее это была управляемая, расслабленная доля секунды для размышлений. Затем он стал двигаться снова, гармонично и легко.

У двери он остановился, глядя на нижнюю панель. Его лицо напряглось, быстрые морщины пробежали по его лбу. Он распахнул дверь.

Она согнувшись стояла в прихожей, глядя на него снизу вверх. Ее голова была повернута набок, и немного вниз. Ей приходилось болезненно напрягать зрение, чтобы встретиться с ним взглядом; она была высотой только четыре фута.

Она сказала, слабым голосом:

— Горти?

Он издал хриплый звук и стал на колени, беря ее на руки и обнимая с силой и нежностью.

— Зи… Зи, что случилось? Твое лицо, твое…

Он поднял ее и ногой захлопнул дверь и отнес ее на диван в студию и сел там, усадив ее на колени,

обняв руками так, что ее голова опиралась на его теплую сильную правую руку. Она улыбнулась ему. Только одна сторона ее рта двигалась. Затем она начала плакать и собственные слезы Горти скрыли от него вид ее искалеченного лица.

Ее рыдания скоро прекратились, как если бы она была слишком уставшей, чтобы продолжать. Она смотрела на его лицо, все лицо, каждую часть. Она подняла руку и коснулась его волос.

— Горти… — прошептала она. — Я так любила тебя таким, как ты был…

— Я не изменился, — сказал он. — Я сейчас большой, взрослый мужчина. У меня есть квартира и работа. У меня такой голос и такие плечи и я вешу на сто фунтов больше, чем три года назад. — Он наклонился и быстро поцеловал ее. — Но я не изменился, Зи. Я не изменился. — Он коснулся ее лица, осторожное воздушное прикосновение. — Тебе больно?

— Немного. — Она закрыла глаза и облизала губы. Похоже ее язык не мог дотянуться до одного уголка рта. — Я изменилась.

— Тебя изменили, — сказал он, его голос дрожал. — Людоед?

— Конечно. Ты знал, не правда ли?

— Не совсем. Я подумал однажды, что ты меня

зовешь. Или он… Это было далеко. Но в любом случае никто другой не стал бы — не стал… что случилось? Ты хочешь рассказать мне?

— О, да. Он узнал о тебе. Я не понимаю как. Твой — этот Арманд Блуэтт — он сейчас судья или что-то в этом роде. Он пришел повидаться с Людоедом. Он думал, что ты девушка. Я имею ввиду взрослая девушка.

— Я был ею, какое-то время.

Он натянуто улыбнулся.

— О, я понимаю. Ты действительно был на карнавале в тот день?

— На карнавале? Нет. В какой день, Зи? Ты имеешь ввиду, в тот, когда он узнал?

— Да. Четыре — нет, пять дней назад. Ты не был там. Я не понимаю… Она пожала плечами. — Так или иначе, девушка пришла поговорить с Людоедом, а судья следил за ней и думал, что это ты. Людоед тоже так думал. Он послал Гавану найти ее. Гавана не смог ее найти.

— А затем Людоед взялся за тебя.

— Мм. Я не собиралась говорить ему, Горти. Я не собиралась. Во всяком случае долго. Я — не помню.

Она снова закрыла глаза. Горти внезапно задрожал, а потом смог дышать.

— Я не… помню, — сказала она с трудом.

— Не пытайся. Не говори больше, — пробормотал он.

— Я хочу. Я должна. Он не должен найти тебя! — сказала она. — Он охотится за тобой прямо в эту минуту!

Глаза Горти сузились и он сказал:

— Ладно.

Ее глаза были все еще закрыты. Она сказала:

— Это длилось долго. Он говорил очень тихо. Он дал мне подушки и немного вина, у которого был вкус осени. Он говорил о карнавале и Солуме и Гоголе. Он упомянул «Малышку», а затем говорил о новых вагонах-платформах и о продовольственном складе и проблемах с профсоюзом подсобных рабочих. Он сказал что-то о профсоюзе музыкантов и что-то о музыке и что-то о гитаре и затем о выступлении, которое у нас когда-то было. А затем он снова говорил о зверинце и конферансье, и снова вернулся к тебе. Ты понимаешь? Просто упоминал тебя и уходил в сторону и возвращался обратно снова и снова. Всю ночь, Горти, всю, всю ночь!

— Ш-ш-ш.

— Он не спрашивал меня! Он разговаривал отвернувшись и наблюдая за мной уголком глаз.

Я сидела и пыталась пить вино и пыталась есть, когда Кухарка принесла обед и полуночный завтрак и завтрак утром, и пыталась улыбаться, когда он замолкал на минуту. Он не дотронулся до меня, он не ударил меня, он не спросил меня!

— Он сделал это позже, — выдохнул Горти.

— Гораздо позже. Я не помню… его лицо надо мной, как луна, однажды. У меня все болело. Он кричал. Кто такой Горти, где Горти, кто такая малышка, почему я прятала Малышку… Я просыпалась и просыпалась. Я не помню времени, когда я засыпала или теряла сознание, или что это было. Я проснулась с глазами залитыми моей кровью, подсыхающей, а он говорил о механиках каруселей и электроснабженцах для прожекторов. Я проснулась у него на руках, он шептал мне на ухо о Банни и Гаване, они должны были знать, кто такой Горти. Я проснулась на полу. У меня болело колено. Был чудовищный свет. Я подпрыгнула от боли, которую он причинял. Я выбежала из двери и упала, мое колено не сгибалось, это было во второй половине дня и он поймал меня и приволок обратно и бросил меня на пол и снова включил этот свет. У него было зажигательное стекло и он заставил меня выпить уксус. У меня распух язык, я…

— Ш-ш-ш. Зина, дорогая, тише. Не говори больше ничего.

Ровный, лишенный эмоций голос продолжал:

— Я лежала неподвижно, когда заглянула Банни и Людоед не знал, что она видела, что он делает и Банни убежала и пришел Гавана и ударил Людоеда куском трубы, а Людоед сломал ему шею он теперь умрет, а я…

Горти почувствовал, что у него сухие веки. Он поднял осторожно руку и ударил ее расчетливо по неповрежденной щеке.

— Зина. Прекрати!

После этого удара она издала громкий крик и закричала:

— Я больше ничего не знаю, правда я не знаю! — и разразилась болезненными рыданиями. Горти попытался говорить с ней, но его нельзя было услышать сквозь ее плач. Он встал, повернулся, осторожно опустил ее на диван, побежал и намочил полотенце холодной водой и вытер ее лицо и руки. Она резко прекратила плакать и уснула.

Горти смотрел на нее пока ее дыхание не убедило его, что она успокоилась. Он положил свою голову медленно возле ее став на колени возле дивана. Ее волосы были у него на лбу. Скрестив руки он взял себя за локти и начал тянуть. Он

сохранял это напряжение пока его плечи и грудь не стали пульсировать от боли. Ему нужно было оставаться возле нее, не двигаться, но в то же время снять черное напряжение ярости, которое нарастало в нем, и работа, которую выполнял ли его мускулы спасла его рассудок без малейшего движения, которое могло бы разбудить спящую девушку. Он долго стоял так на коленях.

За завтраком на следующее утро она снова могла смеяться. Горти не сдвинул ее и не дотронулся, только снял с нее обувь и накрыл пуховым одеялом. В предутренние часы он принес подушку из спальни и положил ее на пол между диваном в студии и дверью, и растянулся там, чтобы слышать как она дышит и с кошачьей внимательностью прислушиваться к малейшему шороху с лестницы и лестничной площадки.

Он стоял склонившись над ней, когда она открыла глаза. Он сразу же сказал:

— Я Горти и ты в безопасности, Зи.

Нарастающая паника в ее глазах умерла, не родившись, и она улыбнулась.

Пока она купалась он отнес ее одежду в ближайшую автоматическую прачечную и через полчаса вернулся с выстиранной и высушенной одеждой. Еда, которую он купил по дороге была

не нужна; она уже вовсю была занята приготовлением завтрака, когда он вернулся — яичница «как на автозаправке» (жареные яйца в центре кусочков хлеба, из которых серединки выдавлены стаканом для молока) и хрустящий бекон. Она забрала у него продукты и проворчала на него.

— Копченая рыба — сок папайи — датская колбаса. Горти, здесь еды на роту!

Он улыбался, больше ее смелости и ее способности быстро восстанавливать силы, чем над ее протестами. Он прислонился к стене скрестив руки, наблюдая как она прихрамывая ходит по кухне, завернутая с головы до пят в то, что для него было плотно облегающим банным халатом, и пытался не думать о том факте, что она вообще им воспользовалась. Однако он понимал, видя ее хромоту, видя, что случилось с ее лицом…

Это было веселый завтрак, во время которого они счастливо играли в игру под названием «А помнишь…», которая, если разобраться, является самой захватывающей игрой в мире. Затем был молчаливый период, когда для каждого из них вида собеседника было достаточно для общения. Наконец Горти спросил:

— Как тебе удалось вырваться?

Ее лицо потемнело. Усилие справиться с собой

было очевидным — и успешным. Горти сказал:

— Тебе придется рассказать мне все, Зи. Тебе придется рассказать мне и обо мне тоже.

— Ты много узнал о себе.

Это был не вопрос.

Горти отмахнулся.

— Как ты выбралась?

Подвижная часть ее лица сморщилась. Она посмотрела на свои руки, медленно подняла одну, положила ее на и вокруг другой, и когда говорила, сжимала ее.

— Я была в состоянии комы несколько дней, я думаю. Вчера я проснулась на своей койке, в трейлере. Я знала, что я сказала ему все — кроме того, что я знаю, где ты находишься. Он все еще думает, что ты та девушка. Я слышала его голос. Он был с другого конца трейлера, в комнате Банни. Банни была там. Она плакала. Я слышала, как Людоед увел ее. Я подождала, а потом, вытащила себя наружу и к двери Банни. Я зашла вовнутрь. Гавана лежал там на кровати с жесткой шиной вокруг шеи. Ему было больно говорить. Он сказал, что Людоед лечит его, лечит его шею. Он сказал, что Людоед собирается заставить Банни сделать работу для него.

Она быстро посмотрела на Горти.

— Он может, ты знаешь. Он гипнотизер. Он может заставить Банни сделать все, что угодно.

— Я знаю.

Он посмотрел на нее.

— А почему, черт побери, он не воспользовался этим с тобой? — выпалил он.

Она потрогала пальцами свое лицо.

— Он не может. Он — на меня это так не действует. Он может воздействовать на меня, но он не может заставить меня ничего делать. Я слишком…

— Слишком что?

— Человеческая, — сказала она.

Он погладил ее по руке и улыбнулся ей.

— Это точно… Продолжай.

— Я вернулась в свою часть трейлера и взяла немного денег и кое-какие вещи и ушла. Я не знаю, что сделает Людоед, когда узнает, что меня нет. Я была очень осторожна, Горти. Я проехала автостопом пятьдесят миль, а затем села на автобус до Элтонвилля — это в трестах милях отсюда, а затем ехала оттуда поездом. Но я знаю, что он найдет меня как-нибудь, рано или поздно. Он не сдается.

— Здесь ты в безопасности, — сказал он, и в его мягком голосе послышался металл.

— Дело не во мне! О, Горти, неужели ты не понимаешь? Ему нужен ты!

— Зачем я ему нужен? Я оставил карнавал три года назад и не похоже, чтобы это очень его беспокоило. — Он поймал ее взгляд; она смотрела на него с изумлением. — В чем дело?

— Тебе что, совершенно не любопытно узнать о себе, Горти?

— О себе? Ну да, конечно. Всем интересно, я полагаю. Но о чем, конкретно?

Она молчала минуту, задумавшись. Вдруг она спросила:

— Чем ты занимался с тех пор, как оставил карнавал?

— Я рассказывал тебе в своих письмах.

— Внешнюю сторону, да. Ты снял меблированную комнату и жил там какое-то время, много читая и нащупывая свой путь. Потом ты решил вырасти. Сколько у тебя ушло на это времени?

— Около восьми месяцев. Я снял эту квартиру по почте и переехал сюда ночью, так что никто меня не видел, и изменился. Ну, я должен был. Как взрослый мужчина я мог найти работу. Какое-то время я выступал на сцене ну ты знаешь, играл в разных клубах, за те подачки, которые перепадут мне от посетителей — и купил действительно

хорошую гитару и стал работать в «Счастливых часах». Когда они закрылись я перешел в Клуб Немо. И я тех пор был там, ожидая счастливого случая. Ты сказала мне, что я буду знать, когда будет пора… Это всегда было верно.

— Это так и должно было быть, — кивнула она. — Пора перестать быть лилипутом, пора начать работать, пора браться за Арманда Блуэтта — ты должен был знать.

— Да, конечно, — сказал он, как если бы этот факт не нуждался больше ни в каких комментариях. — А когда мне нужны были деньги, я писал кое-какие вещи… несколько песен и аранжировок, статьи и даже пару рассказов. Рассказы не были такими уж хорошими. Вещи легко собрать вместе, но очень трудно их придумать. Эй — ты не знаешь, что я сделал с Армандом, не правда ли?

— Нет. — Она посмотрела на его руку. — Это как-то связано с этим, да?

— Да. — Он посмотрел на свою руку и улыбнулся. — В прошлый раз ты видела мою руку в подобном состоянии примерно через год после того, как я пришел в карнавал. Хочешь узнать кое-что? Я потерял эти пальцы ровно три недели назад.

— И они уже так выросли?

— Это не занимает так много времени, как раньше, — сказал он.

— Это действительно начиналось медленно, — сказала она.

Он посмотрел на нее, по-видимому, собирался задать вопрос, а затем продолжал. — Однажды вечером в Клубе Немо он зашел вместе с ней. Я никогда не мог представить себе, что увижу их вместе — я знаю о чем ты думаешь! Я всегда думал о них одновременно! Да, но это была проверка и равновесие. Добро и зло. Итак… — Он выпил кофе. — Они сели прямо там, где я мог слышать о чем они говорили. Он был скользким волком, а она была девушкой в беде. Все это было весьма отвратительно. И поэтому, когда он вышел, чтобы попудрить нос, я поступил как Лохинвар. Я вмешался. Я вкратце побеседовал с ней и дал ей немного денег на дорогу, и она ушла, пообещав ему прийти на свидание на следующий вечер.

— Ты имеешь ввиду, что она ушла от него на минутку?

— О, нет. Она ушла насовсем, уехала поездом. Я не знаю куда она отправилась. Я сидел там играл на гитаре и размышлял. Ты говорила, что я всегда буду знать, когда наступит пора. Я понял в тот вечер, что пора браться за Арманда Блуэтта. То

есть, пора начинать. Он однажды обошелся со мной так, что это продолжалось шесть лет. По меньшей мере я мог тоже обеспечить ему долгий воспоминания. Итак я составил свой план. У меня были трудные ночь и день. — Он остановился, улыбаясь без юмора.

— Горти…

— Я расскажу, Зи. Это очень просто. Он получил свое свидание. Отвел девушку в нежное маленькое гнездышко, которое он спрятал среди трущоб. Его было очень легко вести по пути, устланному примулами. В критический момент покоренное им сердце произнесло несколько тщательно подобранных слов о жестокости по отношению к детям и оставило его переваривать их, глядя на три пальца, которые она отрубила ему на память.

Зина снова посмотрела на его левую руку.

— Ох! Ну и урок! Но Горти — ты подготовился за одну ночь и день?

— Ты не знаешь, что я могу делать, — сказал он. Он завернул рукав. Смотри.

Она смотрела на коричневое, слегка волосатое правое предплечье. На лице Горти была глубокая сосредоточенность; его глаза были спокойными, а лоб гладким.

Какое-то мгновение рука оставалась без изменений. Внезапно волосы на ней шевельнулись — скорчились. Выпал один волос, еще один, маленький дождь волос, падавших на маленькие клеточки скатерти. Рука оставалась неподвижной и, также, как и на его лбу, на ней не было видно никаких следов напряжения, кроме полной неподвижности. Она была теперь голой и сливочно-коричневого цвета, который был типичным как для него, так и для Зины. Но — что это? Был ли это результат того, что она смотрела так сосредоточено? Нет, она была действительно бледнее, более бледной и также более тонкой. Ткани на тыльной стороне руки и между пальцами сжались пока рука не стала худой и узкой, а не квадратной и толстой, какой она была.

— Достаточно, — сказал Горти буднично и улыбнулся. — Я могу восстановить ее за такой же промежуток времени. Конечно, кроме волос. На это потребуется два или три дня.

— Я знала об этом, — выдохнула она. — Я знала, но я не думаю, что я когда-нибудь действительно верила… твой контроль над собой действительно такой полный?

— Вполне. О, есть вещи, которые я не могу делать. Нельзя создать или уничтожить материю.

Я могу уменьшиться до твоих размеров, я думаю. Но я буду весить столько же, сколько и вешу, довольно много. И я не могу за ночь стать двенадцатифутовым гигантом; не существует способа, позволяющего набрать необходимую массу достаточно быстро. Но та работа с Армандом Блуэттом была проста. Тяжелая работа, но простая. Я уменьшил свои плечи и руки и нижнюю часть лица. Ты знаешь, что у меня все это время было двадцать восемь зубов? Я отбелил свою кожу. Конечно, на голове был парик, а что касается божественных женственных форм, об этом позаботились те, кого Эллиот Спринг называет «ремеслом большого бюста и искривленного торса».

— Как ты можешь шутить?

Его голос стал ровным, когда он сказал:

— А что я должен делать; скрежетать зубами каждую минуту? В такое вино нужно периодически добавлять пузырьков, дорогая, иначе много не проглотишь. Нет, то что я сделал с Армандом Блуэттом было только начало. Я собираюсь заставить его самого это сделать. Я не сказал ему кто я. Кей вне игры; он не знает, кто она и кто я или, кстати, кто он сам. — Он рассмеялся; это был неприятный звук. — Все, что я дал ему, это была мощная ассоциация с тремя давным-давно пока-

леченными пальцами. Она будет работать у него во сне. Следующее, что я с ним сделаю будет таким же хорошим и совершенно непохоже на это.

— Тебе придется несколько изменить свои планы.

— Почему?

— Кей не вне игры. Я теперь начинаю понимать. Она приехала в карнавал, чтобы повидаться с Людоедом.

— Кей? Но почему?

— Я не знаю. В любом случае судья последовал за нею туда. Она ушла, а Блуэтт и Людоед встретились. Однако, одну вещь я знаю. Гавана сказал мне судья панически боится Кей Хэллоувелл.

Горти хлопнул по столу.

— С ее неповрежденной рукой! Ох как чудесно! Ты можешь представить, что это должно было быть?

— Горти, дорогой — это совсем не смешно. Неужели ты не понимаешь, что с этого все и началось — что именно это заставило Людоеда заподозрить, что «Малышка» была не просто девочкой-лилипуткой? Ты что, не понимаешь, что Людоед думает, что ты и Кей это один человек, что бы ни думал судья?

— О, Боже.

— Ты запоминаешь все, что слышишь, — сказала Зина. — Но ты не слишком быстро соображаешь, дорогой.

— Но — но — то, что тебя так избили… Зина, это моя вина! Это как если бы я сам это сделал!

Она обошла вокруг стола и обняла его, притянув его голову к своей груди.

— Нет, дорогой. Это ожидало меня, уже много лет. Если ты хочешь обвинять кого-то — кроме Людоеда — обвиняй меня. Это я виновата в том, что взяла тебя к себе двенадцать лет назад.

— Зачем ты это сделала? Я ведь никогда толком не знал.

— Чтобы уберечь тебя от Людоеда.

— Уберечь ме… но ты держала меня прямо возле него!

— Это было последнее место в мире, где он стал бы искать.

— Ты говоришь, что он искал меня уже тогда.

— Он ищет тебя с тех пор, как тебе исполнился один год. И он найдет тебя. Он найдет тебя, Горти.

— Надеюсь, что найдет, — проскрипел Горти.

Позвонили в дверь.

Последовала ледяная тишина. Снова прозвенел звонок.

— Я пойду, — сказала Зина, поднимаясь.

— Черта с два, — сказал Горти грубо. — Сядь.

— Это Людоед, — вскрикнула она. Она села.

Горти стоял там, где он мог смотреть через гостиную на входную дверь. Изучая ее он сказал:

— Нет. Это — это — ну, кто бы мог подумать! Встреча старых друзей!

Он подошел к двери и распахнул ее.

— Банни!

— Пр… Извините ме… я могу здесь в… — Банни не слишком изменилась. Она была немного круглее и может быть чуть-чуть застенчивее.

— О, Банни… — Спотыкаясь выбежала Зина, споткнувшись о подол купального халата. Горти подхватил ее до того, как она упала. Они с Банни стали обниматься, как обезумевшие, раздавались их радостные восклицания на фоне голоса Горти, который с облегчением смеялся.

— Но дорогая, как ты нашла… Как хорошо, что… Я думала, что ты… Куколка моя! Я никогда не думала, что я…

— Хватит! — проревел Горти. — Банни, заходи и будем завтракать.

Испугавшись, она посмотрела на него своими круглыми глазами альбиноса. Ласково он спросил:

— Как Гавана?

Не отводя глаз от его лица, Банни нашла рукой Зину и ухватилась за нее.

— Он знает Гавану?

— Дорогая, — сказала Зина. — Это Горти.

Банни бросила на Зину взгляд, как у кролика, вытянула шею, что бы заглянуть за Горти, и вдруг похоже поняла, что именно сказала Зина.

— Это? — спросила она, показывая. — Он? — Она смотрела. — Он и «Малышка», тоже?

Горти заулыбался.

— Правильно.

— Он вырос, — сказала Банни глупо. Зина и Горти зашлись от смеха, и, как это делал Горти когда-то очень давно, так Банни переводила взгляд с одного на другого, почувствовала, что они смеются с ней, а не над ней, и присоединила свое звонкое хихиканье к общему шуму. Все еще смеясь Горти пошел на кухню и крикнул оттуда:

— Ты все еще пьешь сгущенное молоко и пол чайной ложки сахара, Банни? — и Банни начала плакать.

У Зины на плече, и слезы эти были счастливыми.

— Это Малышка, правда, правда…

Горти поставил горячую чашку на тумбочку и

сел возле девушек.

— Банни, каким образом тебе удалось найти меня?

— Я не тебя нашла. Я нашла Зину, Зи, может быть Гавана умрет.

— Я помню, — прошептала Зина. — Ты уверена.

— Людоед сделал, что смог. Он даже позвал другого врача.

— Он? С каких пор он стал доверять врачам?

Банни сделала глоток кофе.

— Ты просто не можешь знать, как он изменился, Зи. Я сама не могла в это поверить, пока он это не сделал, я имею ввиду, не позвал доктора. Ты же знаешь обо мне и Гаване. Ты знаешь, что я чувствовала, когда Людоед сделал это с ним. Но — это выглядит так, как будто бы он вышел из-под тучи, под которой жил многие годы. Он действительно изменился. Зи, он хочет, чтобы ты вернулась. Он очень сожалеет о том, что случилось. Он совсем разбит.

— Не достаточно, — пробормотал Горти.

— А он хочет, чтобы Горти тоже вернулся?

— Горти — о, Малышка. — Банни посмотрела на него; — Он сейчас не сможет выступать. Я не знаю, Зи. Он не говорил.

Горти заметил быструю удивительную морщинку на лбу Зины. Она взяла Банни за предплечье и похоже нетерпеливо его сжала.

— Дорогая — начни с начала. Это Людоед послал тебя?

— О нет. Ну, не совсем. Он так изменился, Зи. Ты не веришь мне… Ну ты сама увидишь. Ты нужна ему и я пришла, чтобы вернуть тебя, сама по себе.

— Почему?

— Из-за Гаваны! — воскликнула Банни. — Может быть Людоеду удастся спасти его, разве ты не понимаешь? Но не тогда, когда он весь расстроен из-за того, что он сделал с тобой.

Зина повернула озабоченное лицо к Горти. Он встал:

— Я приготовлю тебе поесть, Банни, — сказал он. Легкое движение головы в сторону было предназначено Зине; она опустила веки, показав, что поняла его и повернулась обратно к Банни.

— Но как ты узнала где я, дорогая?

Альбиноска наклонилась вперед и коснулась щеки Зины.

— Бедняжка. Сильно болит?

Горти, из кухни, крикнул:

— Зи! Куда ты дела табаско?

— Сейчас вернусь, Бан, — сказала Зи. Она поковыляла в кухню. — Он должен быть прямо на… да. О — ты еще не начал делать тост! Я сама сделаю, Горти.

Они стояли рядом возле плиты, занятые делом. Чуть слышно Горти сказал:

— Мне это не нравится, Зи.

Она кивнула.

— Есть что-то… мы спросили ее два, три раза, как она нашла это место, а она не сказала. — Она добавила громко: — Понятно? Вот как надо делать тост. Надо только смотреть.

И мгновение спустя:

— Горти. Как ты узнал, кто стоит за дверью?

— Я не узнал. Не совсем. Я знал, кто там не стоит. Я знаю сотни людей, и я знал, что это не один из них. — Он пожал плечами. — Оставалась Банни. Понятно?

— Я этого не умею. Никто, кого я знаю, не умеет. Может быть за исключением Людоеда. — Она подошла к раковине и загремела посудой.

— А ты не можешь сказать, о чем думают люди? — прошептала она, когда снова подошла близко к нему.

— Иногда, немного. Я никогда не пробовал, особенно.

— Попробуй сейчас, — сказала она, кивая в сторону гостиной.

На его лице появилось то спокойное, глубоко сосредоточенное выражение. И в тот же момент какое-то движение промелькнуло мимо двери в кухню. Горти, который был спиной к двери, повернулся и прыгнул через нее в гостиную.

— Банни!

Розовые губы Банни искривились и обнажили ее зубы, как у животного, она бросилась к входной двери, распахнула ее и скрылась. Зина закричала:

— Моя сумочка! Она забрала мою сумочку!

В два огромных прыжка Горти был в холле. Он бросился на Банни на верхней площадке лестницы. Она завизжала и зубами впилась ему в руку. Горти зажал ее голову у себя под мышкой, прижав ее подбородок к своей груди. Сделав укус она была вынуждена сохранять его, а тем временем это был эффективный кляп.

Внутри он ногой захлопнул дверь и бросил Банни на диван, как мешок опилок. Ее челюсти не разжались; ему пришлось наклониться над ней и раздвинуть их. Она лежала с красными сверкающими глазами, у нее на губах была кровь.

— Ну вот, как ты думаешь, что заставило ее

убежать так? — спросил он, почти небрежно.

Зина стала на колени возле Банни и прикоснулась к ее лбу.

— Банни. Банни, с тобой все в порядке?

Ответа не было. Она казалось была в сознании. Ее безумные рубиновые глаза остановились на Горти. Ее дыхание выходило ритмичными мощными толчками, как у медленно идущего товарного поезда. Ее рот был открыт и неподвижен.

— Я ничего ей не делал, — сказал Горти. — Просто поднял ее.

Зина подняла с пола свою сумочку и порылась в ней. Похоже удовлетворенная, она поставила ее на кофейный столик.

— Горти, что ты только что делал в кухне?

— Я как бы… — Он нахмурился. — Я думал о ее лице, и я заставил его открыться как дверь, или ну, улететь, как туман, чтобы я мог заглянуть внутрь. Я ничего не увидел.

— Совсем ничего?

— Она побежала, — сказал он просто.

Зина начала растирать свои руки.

— Попробуй еще раз.

Горти подошел к дивану. Глаза Банни следовали за ним. Горти скрестил руки. Его лицо рассла-

билось. Глаза Банни немедленно закрылись. Ее челюсти расслабились. Зина предостерегла:

— Горти будь осторожен!

Не делая никаких других движений, Горти кивнул.

Какое-то мгновение ничего не происходило. Затем Банни задрожала. Она выбросила руку, крепко сжала кулак. Между ее веками появились слезы, и она обмякла. Через несколько секунд она начала двигаться слабо, бесцельно, как если бы незнакомая рука проверяла ее моторные центры. Дважды она открывала глаза; один раз наполовину села, а затем легла обратно. Наконец она издала долгий, сотрясающий тело вздох, почти такой же низкий, как голос Зины, и лежала неподвижно, глубоко дыша.

— Она спит, — сказал Горти. — Она боролась со мной, но сейчас она спит.

Он упал в кресло и закрыл лицо руками на мгновение. Зина смотрела, как он восстанавливается, также как он восстановил свою отбеленную руку раньше. Он бодро сел и сказал, его голос был снова сильным:

— Это была не только ее сила, Зи. Она была до краев полна чем-то, что не было ее.

— А сейчас оно все ушло?

— Конечно. Разбуди ее и увидишь.

— Ты никогда ничего такого раньше не делал, Горти? Ты кажешься таким же уверенным в себе, как старый Айвазян.

Айвазян был фотографом в карнавале. Ему нужно было только сделать снимок, чтобы знать удался ли он; он никогда не смотрел на фотографию.

— Ты продолжаешь говорить такие вещи, — сказал Горти с оттенком нетерпения. — Есть вещи, которые человек может делать и вещи, которые он делать не может. Когда он что-то делает, какой смысл интересоваться делал или нет он это раньше? Неужели ты думаешь, что он не знает?

— Извини, Горти. Я продолжаю недооценивать тебя. — Она села возле лилипутки альбиноса. — Банни, — позвала она. — Банни…

Банни повернула голову, повернула ее в другую сторону, открыла глаза. Ее взгляд казался рассеянным, несфокусированным. Она посмотрела на Зину, и в них появилось узнавание. Она огляделa комнату вскрикнула от страха. Зина крепко обняла ее.

— Все в порядке, дорогая, — сказала она. — Это Малышка, и я здесь, и с тобой теперь все в порядке.

— Но как — где…

— Ш-ш-ш. Расскажи нам, что случилось. Ты помнишь карнавал? Гавану?

— Гавана умрет.

— Мы попробуем помочь, Банни. Ты помнишь, как ты пришла сюда?

— Сюда. — Она огляделась вокруг, как если бы одна часть ее мозга пыталась угнаться за остальными. — Людоед велел мне. У него были одни глаза. Спустя какое-то время я даже не могла видеть его глаза. Его голос был внутри моей головы. Я не помню, — сказала она с сожалением. — Гавана умрет. — Она сказала это, как будто в первый раз.

— Мы лучше не будем задавать ей сейчас вопросов, — сказала Зина.

— Нет, — сказал Горти. — Мы лучше спросим и побыстрее. — Он наклонился над Банни. — Как ты нашла это место?

— Я не помню.

— После того, как Людоед говорил у тебя в голове, что ты делала?

— Я была в поезде. — Ее ответы были почти неслышными; казалось, что она не скрывает информацию — скорее казалось, что она не может извлечь ее. Ее нужно было добывать.

— Куда ты пошла, когда сошла с поезда?

— В бар. Ой, Клуб… Немо. Я спросила человека, где я могу найти парня, который поранил руку.

Зина и Горти переглянулись.

— Людоед сказал, что Зина будет с этим парнем.

— Он сказал, что этот человек Малышка? Или Горти?

— Нет. Он не говорил. Я есть хочу.

— Хорошо, Банни. Через минуту мы принесем тебе большой завтрак. Что ты должна была сделать, когда найдешь Зину? Привести ее обратно?

— Нет. Камни. У нее камни. Их должно быть два. Я получу в два раза больше, чем Зина, если я вернусь без них. Но он убьет меня, если я вернусь только с одним.

— Как он изменился, — сказала Зина, с презрительным ужасом в голосе.

— Как он узнал, где я был? — спросил Горти.

— Я не знаю. О, эта девушка.

— Какая девушка?

— Она блондинка. Она написала письмо кому-то. Своему брату. А этот человек раздобыл письмо.

— Какой человек?

— Блу. Судья Блу.

— Блуэтт?

— Да, Судья Блуэтт. Он получил письмо, а в нем говорилось, что девушка работает в магазине грампластинок в городе. Там был только один магазин грампластинок. Они ее легко нашли.

— Они нашли ее? Кто?

— Людоед. И этот Блу. Блуэтт.

Горти стукнул кулаком о кулак.

— Где она?

— Людоед привез ее в карнавал. Я теперь могу позавтракать?

Горти ушел.

Он надел легкое пальто и нашел свой бумажник и ключи, и он ушел. Зина кричала на него. Так сильно, что в ее бархатном голосе появилась хрипота. Она схватила его за руку; он не стряхнул ее, а просто продолжал двигаться, как будто она была дымом, вившимся за его движениями. Она повернулась к столу, схватила свою сумочку, нашла два блестящих камня.

— Горти, подожди, подожди! — Она протянула два камня. — Разве ты не помнишь, Горти? Глаза Джанки, кристаллы — они ты, Горти!

Он сказал:

— Если вам что-нибудь понадобится, все равно что, позвоните Нику в Клуб Немо. Он в поряд-

ке, — и открыл дверь.

Она ковыляла за ним, схватила его за пальто, потеряла равновесие, шла держась за стенку.

— Подожди, подожди. Я должна сказать тебе, ты не готов, ты просто не знаешь! — Она рыдала. — Горти, Людоед…

На середине лестницы он обернулся.

— Позаботься о Банни, Зи. Не выходите, никуда. Я скоро вернусь.

И он ушел.

Держась за стенку Зина вползла обратно в холл и в квартиру. Банни сидела на диване, рыдая от страха. Но она прекратила, когда увидела искаженное лицо Зины, и подбежала к ней. Она помогла ей сесть в кресло и уселась у ее ног, обняв ее за ноги, положив свой круглый подбородок на колени Зины. Живые краски оставили Зину; она смотрела вниз сухими глазами, черные глаза на сером лице.

Камни упали из ее рук и мерцали на ковре. Банни подняла их. Они были теплыми, может быть от руки Зины. Но маленькая рука была такой холодной… Они были твердыми, но Банни чувствовала, что если она сожмет их, они будут мягкими. Она положила их на колени Зине. Она ничего не сказала. Она знала, почему-то, что это

было неподходящее время для того, чтобы что-то говорить.

Зина что-то сказала. Это было нечленораздельно; ее голос только хрипел, и все. Банни издала вопросительный звук, и Зина прочистила горло и сказала:

— Пятнадцать лет.

После этого Банни молча ждала, минутами, удивляясь, что Зина не моргает глазами. Должно быть ей было больно… потом она протянула руку и коснулась ее век. Зина моргнула и зашевелилась.

— Пятнадцать лет я пыталась сделать так, чтобы это не случилось. Я знала, кто он, в тот момент, когда увидела эти камни. А может быть даже раньше… но когда я увидела камни, я была уверена. — Она закрыла глаза; это похоже придало ей сил, как если бы ее сосредоточенный взгляд обессиливал ее.

— Я была единственным человеком, который знал. Людоед только надеялся. Даже Горти не знал. Только я. Только я. Пятнадцать лет…

Банни погладила ее колено. Прошло много времени. Она уже думала, что Зина спит, и начала думать свои мысли, когда глубокий, уставший голос зазвучал снова.

— Они живые. — Банни подняла глаза; рука Зины была на кристаллах. Они думают и они разговаривают. Они спариваются. Они живые. Эти двое это Горти.

Она села ровно и откинула волосы.

— Вот как я узнала. Мы были в том ресторане, в ночь, когда мы нашли Горти. Какой-то мужчина грабил наш грузовик, помнишь? Он поставил колено на кристаллы и Горти стало плохо. Он был в помещении и на большом расстоянии от грузовика, но он знал. Банни, ты помнишь?

— Угу. Гавана, он часто говорил об этом. Просто не с тобой. Мы всегда знали, когда ты не хотела разговаривать, Зи.

— Сейчас я хочу, — сказала Зина устало. Он облизала губы. — Ты давно выступаешь с нами, Банни?

— По-моему восемнадцать лет.

— Я двадцать. Во всяком случае почти двадцать. Я работала с Братьями Квелль, когда Людоед купил у них дело. У него был зверинец. У него был Гоголь и дурачок и двуглавая змея и лысая белка. Он часто выступал с чтением мыслей. Квелль продал свое дело за бесценок. Две поздние весны и торнадо научили Квелля всему карнавалу, который он когда-либо хотел знать. Неурожайные

года. Я осталась в шоу в основном потому, что я там была, в основном. Как если бы никакого другого места не было. — Она вздохнула, вспоминая эти двадцать лет. — Людоед был поглощен тем, что он называл своим хобби. Карнавал это не его хобби. — Она подняла кристаллы и встряхнула их в руке, как игральные кости. — Вот они — его хобби. Эти вещи иногда производят странных людей. Когда у нас появлялся новый урод… (Это слово заставило их обеих вздрогнуть, когда она произнесла его) — он держал его при себе. Он и занялся этим бизнесом, потому что он мог держать их и делать на этом деньги тоже. Это все. Он держал их и изучал их и производил все больше их.

— Странные люди действительно берутся отсюда?

— Нет! Не все. Ты же знаешь с железах и мутациях и всем таком прочем. Эти кристаллы тоже их делают, вот и все. Они делают это — я думаю, что они делают это — нарочно.

— Я не понимаю тебя, Зи!

— Господи, благослови тебя! Я тоже не понимаю. И Людоед тоже не понимает, хотя он знает о них уйму всего. Он может разговаривать с ними, в некотором роде.

— Как?

— Это похоже на чтение мыслей. Он воздействует на них своим сознанием. Он — причиняет им боль своим сознанием, пока они не делают то, что он хочет.

— А что он хочет?

— Много всего. Однако, все сводится к одному. Он хочет — посредника. Он хочет, чтобы они сделали что-нибудь, с чем он может быть сможет разговаривать, отдавать приказы. А затем посредник повернется к ним и заставит кристаллы делать то, что он хочет.

— Мне кажется, что я немного глупа, Зи.

— Нет, ты не глупенькая, дорогая… О, Банни, Банни, я так счастлива, что ты здесь! — Она подняла альбиноску в кресло и страстно обняла ее. Позволь мне говорить, Бан. Я должна высказаться! Годы и годы и я не сказала ни слова…

— Я могу поспорить, что я не пойму и одного слова из десяти.

— Ты поймешь, лапушка. Тебе удобно? Так вот… ты понимаешь, эти кристаллы они похожи на животных, в какой-то мере. Они не такие как все остальные животные, которые когда-либо жили на земле. Я не думаю, что они появились где-то на земле. Людоед рассказал мне, что иногда он видит картину белых и желтых звезд в черном

небе, похоже на то, как выглядит космос вдали от земли. Он думает, что их принесло сюда.

— Он рассказал тебе? Ты хочешь сказать, что он разговаривал с тобой о них?

— Часами. Я думаю, что всем нужно с кем-то разговаривать. Он разговаривал со мной. Он угрожал убить меня, снова и снова, если я произнесу хоть слово. Но я хранила это в секрете не потому. Понимаешь, он всегда хорошо относился ко мне, Банни. Он злобный и сумасшедший, но ко мне он всегда относился хорошо.

— Я знаю. Мы всегда этому удивлялись.

— Я не думала, что это имеет для кого-нибудь какое-нибудь значение. Сначала не думала, первые годы. Когда я узнала, что он на самом деле пытается сделать, я не могла никому сказать; мне бы никто не поверил. Все, что я могла сделать, это узнать как можно больше и надеяться, что я смогу остановить его, когда придет время.

— Остановить его от чего, Зи?

— Понимаешь, послушай; давай я расскажу тебе немного больше о кристаллах. Тогда ты поймешь. Эти кристаллы раньше копировали вещи. Я хочу сказать, что если кристалл оказывался возле цветка, он делал еще один цветок, почти такой же. Или собаку, или птицу. Но чаще они

получались неправильными. Как Гоголь. Как двуглавая змея.

— Гоголь один из них?

Зина кивнула.

— Мальчик-рыба. Я думаю, что из него должен был получиться человек. У него нет рук, нет ног, нет зубов и он не может потеть, поэтому его все время приходится держать в банке с водой иначе он умрет.

— Но зачем кристаллы это делают?

Она покачала головой.

— Это одна из вещей, которую пытается узнать Людоед. В вещах, которые делают кристаллы нет ничего постоянного, Банни. Я хочу сказать, одна вещь будет выглядеть как настоящая, а другая получится вся странная, а третья вообще не выживет, настолько она неудачная. Вот почему ему нужен был посредник — кто-то, кто умеет общаться с кристаллами. Он сам не мог, только моментами. Он мог понять их не больше, чем ты или я можем понять современную химию и радиолокацию или еще что-нибудь. Но одно было не ясно. Существуют разные виды кристаллов; некоторые более сложные, чем другие и больше умеют делать. Может быть они одного вида, но некоторые старше. Они никогда не помогали

друг другу; казалось, что они не имеют никакого отношения друг к другу.

Но они размножались. Людоед не знал этого. Он знал, что иногда пара кристаллов переставала реагировать, когда он причинял им боль. Сначала он думал, что они мертвые. Он разделил одну пару. А однажды он отдал пару старому Уорблу.

— Я помню его! Он когда-то был сильным, но он был слишком стар. Он когда-то помогал повару, и вообще. Он умер.

— Умер — это один из способов назвать это. Ты помнишь вещи, которые он строгал?

— О, да — кукол и игрушки и все такое.

— Правильно. Он сделал попрыгунчика и использовал эти кристаллы вместо глаз. — Она подбросила кристаллы и поймала их. — Он всегда отдавал игрушки детям. Он был славным стариком. Я знаю, что случилось с тем попрыгунчиком. Людоед так и не узнал, но Горти рассказал мне. Так или иначе он переходил из рук в руки и попал в приют. Туда, где находился Горти, когда он был крохотным ребенком. Через шесть месяцев они были частью Горти — или он был их частью.

— А как же Уорбл?

— О, может быть год спустя Людоед начал интересоваться размножаются ли кристаллы, и что

происходит, когда они это делают. Он испугался, что он отдал два больших, хорошо развитых кристалла, которые в конечном счете не были мертвы. Когда Уорбл сказал, что он вставил их в игрушки, которые он делал и что они сейчас у какого-то ребенка, он не знает где, тогда Людоед ударил его. Он потерял сознание. Старый Уорбл так больше и не проснулся, хотя умер он только через две недели. Никто не знал об этом, кроме меня. Я была там, за столовой. Я видела.

— Я никогда не знала, — выдохнула Банни, широко открыв свои рубиновые глаза.

— Никто не знал, — повторила Зина. — Давай выпьем кофе — послушай, дорогая! Ты так и не дождалась своего завтрака, бедняжка!

— Это ерунда, — сказала Банни, — это не страшно. Говори.

— Пошли на кухню, — сказала она с трудом поднимаясь. — Нет, не удивляйся, когда Людоед кажется бесчеловечным. Он — не человек.

— А что же тогда?

— Я дойду до этого. О кристаллах; Людоед говорит, что максимально точное определение того, как они делают вещи, растения и животных и тому подобное, это сказать, что они видят их во сне. Ты же видишь сны иногда. Знаешь, как предметы

во сне иногда бывают ясными и отчетливыми, а иногда неясными или непропорциональными?

— Да. А где яйца?

— Здесь, дорогая. Ну так вот, кристаллы иногда видят сны. Когда их сны ясные и отчетливые, они делают довольно хорошие растения и настоящих крыс и пауков и птиц. Однако обычно это не так. Людоед говорит, что это эротические сны.

— Что ты имеешь ввиду?

— Они видят сны, когда они готовы спариваться. Но некоторые из них слишком — молодые, или неразвитые, или может быть просто не могут найти подходящую пару в это время. Но когда они видят при этом сны, они изменяют молекулы в растении и делают его похожим на другое растение, или превращают кучку земли в птицу… никто не знает, что они решат сделать и почему?

— Но почему они должны делать предметы для того, чтобы совокупляться?

— Людоед не думает, что они делают это, чтобы они могли совокупляться, не совсем так, — сказала Зина, терпеливым голосом. Она ловко перевернула яйцо на сковородке. — Он называет это побочным продуктом. Это как если бы ты была влюблена и не могла бы думать ни о ком, кроме того, кого ты любишь, и ты написала пес-

ню. Может быть песня была бы совсем не о твоем любимом. Может быть она была бы о ручейке или цветке, или еще о чем-нибудь. О ветре. Может быть была бы даже не целая песня. Эта песня была бы побочным продуктом. Понятно?

— О. А кристаллы создают предметы — даже сложные предметы — так же, как Тин Пен Элли сочиняет песни.

— Что-то вроде этого. — Зина улыбнулась. Это была первая улыбка за долгое время. — Садись, дорогая; я сейчас принесу тост. Так вот — это моя догадка — когда спариваются два кристалла, происходит кое-что другое. Они создают цельную вещь. Но они не делают ее из чего угодно, как это делают одиночные кристаллы. Вначале кажется, что они вместе умирают. Они лежат так неделями. После этого они начинают видеть совместные сны. Они находят возле себя что-то живое, и переделывают его. Они производят в нем замену, клетки за клеткой. Нельзя увидеть изменения, происходящие в предмете, который они заменяют. Это может быть собака; она будет продолжать есть и бегать вокруг; она будет выть на луну и гоняться за кошками. Но в какой-то день — я не знаю, сколько на это требуется времени — она будет полностью заменена, каждая ее часть.

— И что потом?

— Потом она сможет изменять себя — если она когда-нибудь до этого додумается. Она сможет превратиться практически во что угодно, если захочет.

Банни перестала жевать, подумала, проглотила и спросила:

— Как измениться?

— О, она могла бы стать больше или меньше. Отрастить новые конечности. Перейти в странную форму — тонкую и плоскую или круглую, как шар. Если ее ранят, она сможет отрастить новые конечности. И она может проделывать с мыслью вещи, которые мы не можем даже представить. Банни, ты когда-нибудь читала о вервольфах?

— Эти отвратительные создания, которые превращаются из волков в людей и обратно?

Зина отпила кофе.

— Угу. Так вот, в основном это легенды, но они могли начаться после того, как кто-то увидел подобное превращения.

— Ты хочешь сказать, что эти кристаллы не новички на земле?

— О, нет, конечно! Людоед говорит, что они прибывают и живут и размножаются и умирают здесь все время.

— Просто для того, чтобы создавать странных людей и вервольфов? выдохнула Банни с удивлением.

— Нет, дорогая! Изготовление этих вещей не имеет для них никакого значения! Они живут своей собственной жизнью. Даже Людоед не знает, что они делают, о чем они думают. Предметы, которые они делают, они делают несознательно, как машинально сделанные рисунки на листке бумаги, который потом выбрасывают. Но Людоед думает, что он сможет понять их, если сможет получить того посредника.

— А для чего ему нужно понять такую дурацкую вещь?

Маленькое личико Зины потемнело.

— Когда я узнала об этом, я стала слушать внимательно — и надеялась, что когда-нибудь я остановлю его. Банни, Людоед ненавидит людей. Он ненавидит и презирает всех людей.

— О, да, — сказала Банни.

— Даже сейчас, при том, что он слабо может управлять кристаллами, ему удается заставить некоторые из них делать то, что он хочет. Банни, он поместил кристаллы на болоте, там где вокруг них полно яичек малярийного комара. Он поймал ядовитых коралловых змей во Флориде и

выпустил их в Южной Калифорнии. Такие вещи. Это одна из причин, почему он держит карнавал. Он движется по всей стране, одним и тем же маршрутом каждый год. Он возвращается снова и снова, находя кристаллы, которые он оставил, изучая, сколько вреда они принесли людям. Он находит все новые кристаллы. Он находит из везде. Он ходит по лесам и прериям и время от времени он посылает что-то типа мысли, он знает как это делать. Она причиняет боль кристаллам. Когда они испытывают боль, он знает об этом. И он ходит вокруг пока боль кристаллов не приводит его к ним. Но в любом случае их вокруг много. Они похожи на гальку или комочек земли, пока их не очистишь.

— О, как ужасно! — Слезы сделали глаза Банни ярче. — Его следовало бы убить!

— Я не знаю можно ли его убить.

— Ты хочешь сказать, что он на самом деле один из тех предметов, которые создают кристаллы?

— А ты думаешь человек может делать то, что он делает?

— А, что он будет делать, если у него будет этот посредник?

— Он вымуштрует его. Те существа, которые созданы двумя кристаллами, являются тем, чем

они думают быть. Людоед скажет посреднику, что он слуга; он должен подчиняться приказам. Посредник поверит ему и сам так будет думать о себе. При его помощи Людоед получит реальную власть над кристаллами. Он возможно даже сможет заставлять их совокупляться, и смотреть вместе сон о любой ужасной вещи, которую ему захочется. Он сможет распространить болезни и губить растения и отравлять все, пока на земле не останется ни одного человеческого существа! И самое ужасное в том, что кристаллы похоже даже не хотят этого! Они довольны и согласны жить как живут, создавая цветок или кошку время от времени, и думая свои собственные мысли, и живя той странной жизнью, которой они живут, какой бы она ни была, Они ничего не имеют против людей! Им просто все равно!

— О, Зи! И ты все это носила в себе годами! — Банни обежала вокруг стола и поцеловала ее. — Ой, маленькая, почему ты не рассказала кому-нибудь.

— Я не могла рисковать, милая. Подумали бы, что я выжила из ума. И кроме того — существует Горти.

— А что Горти?

— Горти был младенцем в приюте, когда туда

каким-то образом попала игрушка с глазами-кристаллами. Кристаллы выбрали его. Все совпадает. Он рассказывал мне, что когда попрыгунчика — он назвал его Джанки — забрали у него, он чуть не умер. Врачи думали, что это какая-то разновидность психоза. Конечно, это был не психоз; ребенок был каким-то странным образом связан с женатыми кристаллами и не мог существовать вдали от них. Похоже, что было гораздо проще оставить игрушку с ребенком — это была уродливая игрушка, Горти рассказывал мне — чем попытаться вылечить психоз. В любом случае Джанки отправился с Горти, когда он был усыновлен — кстати этим Армандом Блуэттом, судьей.

— Он отвратительный. Он выглядит весь мягкий и — влажным.

— Людоед искал одного из таких существ, порожденных двумя кристаллами двадцать лет или больше, только он не знал этого. Самый первый кристалл, который он нашел был вероятно одним из пары, просто он не осознал этого. Никогда — пока он не узнал о Горти. Он догадывался об этом, но он никогда не знал до сих пор. Я узнала в ту ночь, когда мы подобрали Горти. Людоед отдал бы все, что у него есть на свете за Горти — человека. Не человека; Горти не человек и не

был им с тех пор, как ему исполнился год. Но ты понимаешь, что я имею ввиду.

— И это был бы его посредник?

— Правильно. Вот почему, когда я увидела, что такое Горти, я воспользовалась шансом спрятать его в последнем месте на земле, где Пьер Монетр стал бы его искать — прямо у него под носом.

— О, Зи! Но ты ужасно рисковала! Он должен был узнать!

— Шансы были невелики, Людоед не может читать мои мысли. Он может уколоть мое сознание; он может позвать меня необычным образом; но он не может узнать, что в нем. Не так, как Горти сделал с тобой. Людоед загипнотизировал тебя, чтобы ты украла кристаллы и принесла их назад. Горти вошел прямо тебе в сознание и очистил его от всего этого.

— Я понимаю. Это было безумие.

— Я держала Горти при себе и постоянно работала над ним. Я читала все, что могла достать, и скармливала это ему. Все, Банни — сравнительную анатомию и историю и музыку и математику и химию — все, что по моему мнению могло помочь ему лучше узнать человеческую сущность. Существует старая латинская поговорка, Банни: «Cogito eugo sum» — «Я мыслю, следовательно я

существую». Горти это сущность этой пословицы. Когда он был лилипутом, он верил, что он лилипут. Он не рос. Ему не приходило в голову изменить свой голос. Ему не приходило в голову применять то, что он знал о себе; он позволял мне принимать за него все решения. Он переваривал все, что узнавал в резервуаре, из которого нет выхода, и это никогда не касалось его, пока он сам не решил, что пришло время использовать это. У него абсолютная память, ты знаешь.

— А это что?

— Фотографическая память. Он прекрасно помнит все, что он видел или читал или слышал. Когда его пальцы начали отрастать — они были безнадежно искалечены, как ты знаешь — я держала это в тайне. Это было то, что рассказало бы Людоеду, чем был Горти. Люди не могут регенерировать пальцы. Однокристальные существа тоже не могут. Людоед бывало проводил часы в темноте, в зверинце, пытаясь заставить лысую белку отрастить шерсть, или пытаться приделать жабры Гоголю, мальчику-рыбе, воздействуя на них своим сознанием. Если бы хоть один из них был двукристальным существом, они бы самовосстановились.

— Мне кажется, я поняла. А то, что ты делала,

было для того, чтобы убедить Горти, что он человек?

— Правильно. Он должен был идентифицировать себя всегда и во всем с человечеством. Я научила его играть на гитаре по этой причине, после того, как у него отросли пальцы, для того, чтобы он мог научиться музыке быстро и хорошо. Можно узнать больше музыкальной теории за год игры на гитаре, чем за три года игры на пианино, а музыка это одна из самых человеческих вещей… Он полностью доверял мне, потому что я никогда не позволяла ему думать самому.

— Я никогда раньше не слышала, чтобы ты так говорила, Зи. Как в книгах.

— Я тоже играла роль, дорогая, — сказала Зина ласково. — Во-первых я должна была прятать Горти, пока он не узнает всего, чему я могу научить его. Затем я должна была разработать план, чтобы он смог остановить Людоеда и избежать опасности превращения его в слугу Людоеда.

— Как он может это сделать?

— Я думаю, что Людоед это творение одного кристалла. Я думаю, что если бы только Горти научился пользоваться тем умственным кнутом, который есть у Людоеда, он смог бы уничтожить его с его помощью. Если бы я и смогла убить Лю-

доеда пулей, это не убило бы его кристалл. Может быть этот кристалл найдет себе пару, позднее, и создаст его заново — со всеми могуществом, которым обладают двукристаллические существа.

— Зи, а откуда ты знаешь, что Людоед это не двукристаллическое существо?

— Я не знаю, — сказала Зина просто. — Если это так, то мне остается только молиться, чтобы восприятие Горти себя, как человека было настолько сильным, чтобы сражаться против того, что захочет сделать из него Людоед. Ненависть к Арманду Блуэтту это человеческая вещь. Любовь к Кей Хэллоувелл это еще одна. Это те две вещи, которые я внедряла в него, которым дразнила его, пока они стали частью его плоти и крови.

Банни молчала, слушая этот поток горьких слез. Она знала, что Зина любила Горти; что она была достаточно женщиной, чтобы ощущать появление Кей Хэллоувелл, как глубокую угрозу себе; что она боролась и победила искушение забрать Горти у Кей; и что, больше всего остального, она была перед лицом ужаса и раскаяния теперь, когда ее долгая кампания подошла к завершению.

Она смотрела на гордое избитое лицо Зины, губы, которые слегка опустились вниз с одной стороны, болезненно наклоненную голову, пле-

чи, расправленные под просторным халатом, и она знала, что перед ней картина, которую она никогда не забудет. Человечество — это понятие близкое не таким как все людям, которые тоскуют по нему, которые утверждают свою принадлежность к нему со сбившимся дыханием, которые никогда не устают протягивать к нему свои коротенькие ручки. В сознании Банни отпечаталась эта искалеченная и мужественная фигура — символ и жертва.

Их глаза встретились и Зина медленно улыбнулась.

— Привет, Банни…

Банни открыла рот и закашлялась, или зарыдала. Она обняла Зину и уткнулась подбородком в прохладную смуглую шею. Она крепко зажмурила глаза, чтобы остановить слезы. Когда она открыла их, она снова могла видеть. А затем она потеряла дар речи.

Она увидела, через плечо Зины сквозь открытую кухонную дверь, там в гостиной огромную худую фигуру. Его нижняя губу отвисла, когда он наклонился над кофейным столиком. Его ловкие руки вытащили один, два кристалла. Он выпрямился, его серо-зеленое лицо послало ей взгляд вялого сожаления и молча вышел.

— Банни, дорогая, мне больно.

— ЭТИ КРИСТАЛЛЫ ЭТО ГОРТИ, — подумала Банни. — А СЕЙЧАС Я СКАЖУ ЕЙ, ЧТО СОЛУМ ЗАБРАЛ ИХ ОБРАТНО К ЛЮДОЕДУ. — Ее лицо и ее голос были одинаково сухими и белыми как мел, когда она сказала: — Тебе еще не было больно…

Горти вбежал по лестнице и ворвался в свою квартиру.

— Я хожу под водой, — запыхался он. — Все к чему я тянусь, у меня выхватывают. Что бы я ни делал, куда бы я ни пошел, либо слишком рано либо слишком поздно либо… — Он увидел Зину в кресле, с открытыми и невидящими глазами, и Банни сидящую у ее ног. — Что здесь происходит?

Банни сказала:

— Пришел Солум, когда мы были в кухне, и забрал кристаллы, а мы ничего не могли сделать и с тех пор Зина не сказала ни слова, а я очень боюсь и я не знаю, что делать — у-у-у… — И она начала плакать.

— О Боже! — В два шага он пересек комнату. Он поднял Банни, быстро обнял ее и усадил. Он стал на колени возле Зины. — Зи…

Она не шевельнулась. Ее глаза были сплошными зрачками, окнами в слишком темную ночь.

Он поднял ее подбородок и посмотрел ей в глаза. Она задрожала, а затем закричала, как если бы он обжег ее, начала извиваться в его руках.

— Не надо, не надо…

— О, извини Зи. Я не знал, что тебе будет больно.

Она откинулась назад и посмотрела на него, наконец-то его увидев.

— Горти, у тебя все в порядке…

— Да, конечно. Что тут с Солумом?

— Он забрал кристаллы. Глаза Джанки.

Банни прошептала:

— Двенадцать лет она прятала их от Людоеда, а теперь…

— Ты думаешь, что Людоед послал его за ними?

— Должно быть. Наверное он выследил меня и ждал, пока ты не уйдешь. Он зашел сюда и снова вышел так быстро, что мы смогли только повернуть голову и посмотреть.

— Глаза Джанки…

Было время, когда он чуть не умер, в детстве, когда Арманд выбросил игрушку. И другой раз, когда бродяга раздавил их коленом, а Горти, в столовой в двухстах метрах, почувствовал это. А теперь Людоед мог бы… О, нет. Это было слиш-

ком.

Банни вдруг прижала ладонь ко рту.

— Горти — я только что подумала — Людоед не послал бы Солума самого. Он хотел эти кристаллы… ты знаешь, какой он становится, когда что-то хочет. Он не может ждать. Он должен быть сейчас в городе.

— Нет. — Зина неловко поднялась. — Нет, Бан. Если только я не ошибаюсь, он был здесь, а сейчас отправляется обратно в карнавал. Если он считает, что Кей Хэллоувелл это Горти, он захочет, чтобы кристаллы были там, где он сможет воздействовать на них и наблюдать за нею в то же время. Я готова поспорить, что в эту минуту он мчится по дороге обратно к карнавалу.

Горти застонал.

— Если бы я только не ушел! Может быть мне удалось бы остановить Солума, может быть даже добраться до Людоеда и… Черт побери! Машина Ника в гараже; сначала мне нужно было найти Ника, чтобы одолжить ее, а потом нужно было убрать грузовик запаркованный напротив въезда в гараж, а затем оказалось, что в радиаторе нет воды, а — о, ну вы знаете. В любом случае, сейчас у меня есть машина. Она внизу. Я собираюсь ехать прямо сейчас. За триста миль я должен догнать…

как давно здесь был Солум?

— Час или около того. Ты просто не успеешь, Горти. А о том, что будет с тобой, когда он начнет работать с этими кристаллами, мне страшно думать.

Горти вытащил ключи, подбросил их и поймал.

— Может быть, — сказал он вдруг, — я не уверен, но может быть мы сможем… — Он бросился к телефону.

Слушая, как он быстро говорит в трубку, Зина повернулась к Банни.

— Самолет. Ну конечно!

Горти повесил трубку, глядя на часы.

— Если мне удастся добраться до аэропорта за двенадцать минут, я смогу успеть на дополнительный рейс.

— Ты хочешь сказать «мы».

— Ты не едешь. С этой минуты это моя вечеринка. Вы ребята уже достаточно пережили.

Банни натягивала свое легкое пальто.

— Я возвращаюсь обратно к Гаване, — сказала она непреклонно, и несмотря на детские черты ее лица, оно выражало железную волю.

— Одна я здесь не останусь, — сказала Зина спокойно. Она пошла за своим пальто. — Не спорь

со мной, Горти. Мне нужно о многом рассказать тебе, и может быть много сделать.

— Но…

— Я думаю, что она права, — сказала Банни. — Ей надо о многом рассказать тебе.

Самолет выбирался на взлетную полосу, когда они прибыли. Горти выехал прямо на летное поле, отчаянно сигналя, и он подождал. И после того, как они уселись на свои места, Зина постоянно говорила. До цели их полета оставалось десять мину, когда она остановилась.

После долгой задумчивой паузы Горти сказал:

— Так вот кто я такой.

— Таким быть совсем непросто, — сказала Зина.

— Почему ты не рассказала мне об этом давным-давно?

— Потому что было множество вещей, которых я не знала. И сейчас есть… Я не знаю как много Людоеду удастся вытащить из твоего сознания, если он попробует; я не знала, как глубоко должны были укорениться твои представления о себе. Все, что я пытался сделать, это заставить тебя принять, без вопросов, мысль о том, что ты человеческое существо, часть человечества и чтобы ты вырос в соответствии с этой мыслью.

Он вдруг повернулся к ней.

— Почему я ел муравьев?

Она пожала плечами.

— Я не знаю. Может быть даже два кристалла не могут выполнить работу безупречно. Во всяком случае у тебя не было уравновешено количество муравьиной кислоты в организме. (Ты знал, что по-французски муравей называется «fourmi»? В них полно этой кислоты). Некоторые дети едят штукатурку, потому что им не хватает кальция. Некоторые любят подгоревший пирог, потому что им нужен углерод. Если в организме существует дисбаланс какого-то элемента, можно поспорить, что это будет серьезно.

Закрылки были опущены, они почувствовали торможение.

— Мы прибываем. Как далеко отсюда карнавал?

— Около четырех миль. Мы сможем взять такси.

— Зи, я собираюсь оставить тебя где-нибудь вне его территории. Ты слишком много пережила.

— Я иду с тобой вовнутрь, — твердо сказала Банни. — А Зи — я думаю, что он прав. Пожалуйста останься в стороне пока — пока все не закончится.

— Что ты собираешься делать?

Он развел руками.

— То, что смогу. Вытащу оттуда Кей. Помешать Арманду Блуэтту сделать те мерзости, которые он собирался делать с ней и ее наследством. И Людоед… Я не знаю, Зи. Мне просто придется играть в зависимости от обстоятельств. Но я должен сделать это. Ты сделала все, что могла. Давай говорить откровенно; ты сейчас не можешь быстро ходить. Мне придется все время присматривать за тобой.

— Он прав, Зи. Пожалуйста, — сказала Банни.

— О, будь осторожен, Горти — пожалуйста будь осторожен.

«Никакой дурной сон не мог быть страшнее этого», — подумала Кей. Запертая в трейлере с перепуганным волком и умирающим карликом, с сумасшедшим и уродом, который должен был вернуться в любую минуту. Дикие разговоры об отсутствующих пальцах, о живых кристаллах, и — совсем уже дикость — о том, что Кей это не Кей, а кто-то другой.

Гавана застонал. Она намочила тряпку и снова вытерла ему лицо. Снова она увидела, как его губы задрожали и зашевелились, но слова застряли в горле, забулькали и остались там.

— Он что-то хочет, — сказала она. — О, если бы я знала, что он хочет, если бы я знала, и могла бы побыстрее достать это…

Арманд Блуэтт прислонился к стене возле окна, высунув туда один свой локоть в пальто. Кей знала, что ему там неудобно и что, вероятно у него болят ноги. Но он ни за что не хотел сесть. Он не хотел отходить от окна. А вдруг ему понадобится позвать на помощь. Старый мерзавец вдруг начал бояться ее. Он все еще смотрел на нее маслянистыми глазами и пускал слюни, но он был в ужасе. Ладно, ну его. Никому не нравится, когда ему говорят, что он это другой человек, но в данном случае ее это устраивало. Все что угодно, чтобы сохранять расстояние равное ширине комнаты между нею и Армандом Блуэттом.

— Ты не могла бы оставить это маленькое чудовище в покое, огрызнулся он. — Он все равно умрет.

Она бросила на него недобрый взгляд и ничего не сказала. Молчание продолжалось, прерываемое только болезненным шарканьем ног судьи. Наконец, он сказал:

— Когда мистер Монетр вернется с этими кристаллами, мы быстро узнаем, кто ты такая. И не говори мне снова, что ты не понимаешь о чем

идет речь, — рявкнул он.

Она вздохнула.

— Я не знаю. Я бы хотела, чтобы вы перестали так кричать. Вы не можете вытащить из меня информацию, которой у меня нет. А кроме того, этому маленькому человеку плохо.

Судья фыркнул и еще ближе подошел к окну. У нее возник порыв подойти к нему и зарычать. Наверное он пройдет прямо сквозь стену. Но Гавана снова застонал.

— Что ты хочешь, милый? Что ты хочешь?

И тут она замерла. Глубоко внутри своего сознания она почувствовала чье-то присутствие, концепцию связанную каким-то образом с нежной скользящей музыкой, с широким приятным лицом и с хорошей улыбкой. Как если бы ей задан вопрос, на который она молча ответила:

— Я здесь. Со мной все в порядке — пока.

Она повернулась и посмотрела на судью, чтобы узнать было ли у него такое же ощущение. Он казался напряженным. Он стоял положив локоть на подоконник и нервно полируя свои ногти об отворот пальто.

И тут через окно появилась рука.

Это была изуродованная рука. Она поднималась в трейлер, как ищущая голова и шея водяной

птицы, миновала плечо Арманда и остановилась перед его лицом. Большой и указательный палец были нетронутыми. Средний палец был отрезан наполовину; остальные два были просто бугорками шрамов.

Брови Арманда были двумя вытянутыми полукружьями, торчащими над выпученными глазами. Глаза были такими же круглыми, как и раскрытый рот. Его верхняя губа загнулась вверх и назад, чуть ли не закрывая ноздри. Он издал слабый звук, задохнулся, визгливо вскрикнул и упал.

Рука в окне исчезла. Снаружи раздались быстрые шаги возле двери. Стук. Голос.

— Кей. Кей Хэллоувелл. Открой.

Не понимая, она заколебалась.

— К-кто это?

— Горти. — Дверная ручка завертелась. — Поторопись. Людоед сейчас вернется, быстрее.

— Горти. Я — дверь заперта.

— Ключ должно быть у судьи в кармане. Быстрее.

Она неохотно подошла к распростертой фигуре. Он лежал на спине, голова опиралась о стену, глаза были плотно закрыты и отчаянном психическом усилии отгородиться от мира. В левом

кармане пиджака были ключи на кольце — и один отдельный. Этот она взяла. Он подошел.

Кей стояла моргая от света.

— Горти.

— Правильно. — Он зашел, дотронулся до ее руки, улыбнулся. — Тебе не надо было писать писем. Заходи, Банни.

Кей сказала:

— Они думали, что я знаю где ты.

— Ты знаешь. — Он отвернулся от нее и излучал распростертое тело Арманда Блуэтта. — Ну и зрелище. У него что, непорядок с желудком?

Банни стрелой бросилась к кровати, стала возле нее на колени.

— Гавана… О, Гавана…

Гавана неподвижно лежал на спине. Его глаза были бессмысленными, а его губы пересохшими и надутыми. Кей сказала:

— Он — он… Я сделала, что могла. Он что-то хочет. Я боюсь, что он… — Она подошла к кровати.

Горти последовал за ней. Бледные полные губы Гаваны медленно расслабились, затем напряглись. Послышался слабый звук. Кей сказала:

— Если бы я знала, что он хочет!

Банни ничего не сказала. Она положила руки на горячие щеки, нежно, но так, как будто бы она

хотела вытащить из него что-то грубой силой.

Горти нахмурился.

— Может быть я могу узнать, — сказал он.

Кей увидела, как его лицо расслабилось, разгладилось глубоким спокойствием. Он низко наклонился над Гаваной. Внезапно наступила такая полная тишина, что звуки карнавала снаружи казались обрушились на них, ревя.

Лицо, которое Горти повернул к Кей минутой позже, было искажено горем.

— Я знаю, что он хочет. Может быть не хватит времени пока Людоед придет сюда… но… Должно хватить времени, — сказал он решительно. Он повернулся к Кей. — Я должен пойти на другую сторону трейлера. Если он шевельнется, — имея ввиду судью — ударь его своей туфлей. Желательно с ногой в ней. — Он вышел, его рука как-то странно поглаживала его горло.

— Что он собирается делать?

Банни, не отрывая глаз от коматозного лица Гаваны, ответила:

— Я не знаю. Что-то для Гаваны. Ты видела его лицо, когда он выходил? Я не думаю, что Гавана успеет…

Из-за перегородки послышался звук гитары, легонько пробежались по всем шести струнам.

Прозвучало ля, его чуть подняли. «Ре» было чуть опущено. Прозвучал аккорд…

Где-то под гитару начала петь девочка. «Лунная пыль». Голос был звучным и чистым, лирическое сопрано, ясное, как голос мальчика. Может быть это и был голос мальчика. На конце фраз был след вибрато. Голос пел подчиняясь стихам, только едва следуя за ритмом, не совсем импровизация, не вполне стилизация, просто пение свободное как дыхание. На гитаре играли не сложными аккордами, а в основном быстро и легко обыгрывали мелодию.

Глаза Гаваны были все еще открыты, и он все еще не двигался. Но его глаза теперь были влажными, а не остекленевшими, и постепенно он улыбнулся. Кей стала на колени возле Банни. Может быть она стала на колени только, чтобы быть ближе… Гавана прошептал, сквозь улыбку:

— Малышка.

Когда песня закончилась, его лицо расслабилось. Совершенно отчетливо он сказал:

— Эй.

В этом единственном слове был целый мир благодарности. После этого и до того, как вернулся Горти, он умер.

Входя, Горти даже не смотрел на койку. У него

похоже были проблемы с горлом.

— Пошли, — хрипло сказал он. — Нам пора выбираться отсюда.

Они позвали Банни и направились к двери. Но Банни осталась возле кровати, ее руки на щеках Гаваны, ее мягкое круглое лицо оцепенело.

— Банни, пошли. Если Людоед вернется…

Снаружи раздались шаги, удар кулаком по стенке трейлера. Кей развернулась и посмотрела на внезапно потемневшее окно. Огромное грустное лицо Солума закрыло его. И тут Горти пронзительно закричал и извиваясь рухнул на пол. Кей повернулась и увидела открывающуюся дверь.

— Спасибо, что подождали, — сказал Пьер Монетр, оглядываясь.

Зина свернулась калачиком на краю неровной кровати в мотеле и тихо плакала. Горти и Банни не было уже больше двух часов; за последний час депрессия нарастала в ней, пока не стала как горький дым в воздухе, как одежда из свинцового полотна на ее избитом теле. Дважды она вскакивала и начинала ходить, но ее колено болело и ей пришлось вернуться на кровать, бессильно уткнуться в подушку, пассивно лежать и рассматривать сомнения, которые бесконечно вились вокруг нее. Должна ли была она рассказывать

Горти о нем? Может быть ей нужно было дать ему больше жестокости, больше жестокости по отношению к другим вещам, кроме мести Арманду Блуэтту? Как глубоко то, чему она учила, проникло в податливую сущность, которая была Горти? Не сможет ли Монетр с его жестокой, направляющей силой разрушить двенадцать лет ее работы в один момент? Она знала так мало; она чувствовала, что она так мала, чтобы предпринять изготовление человеческого существа.

Она желала, страстно, чтобы она могла проникнуть своим сознанием в странные живые кристаллы, как пытался делать Людоед, но полностью, так чтобы она смогла узнать правила игры, факты о форме жизни настолько чуждой, что логика похоже не срабатывала здесь вообще. Кристаллы были очень жизнеспособными; они творили, они размножались, они чувствовали боль; но с какой целью они жили? Раздави один, а остальные казалось не обращали внимание. И зачем, они творили эти свои «сны», старательно, клеточку за клеточкой — иногда для того, чтобы создать только чудовище, урода, незавершенную, неработающую безобразность, иногда, чтобы скопировать природный объект так тщательно, что не существовало практически никакого отличия

между копией и ее оригиналом; а иногда, как в случае с Горти, чтобы сотворить нечто новое, нечто, что не было копией, но может быть нечто среднее, нормальное существо на поверхности и совершенно жидкое, полиморфное существо внутри? Как они были связаны с этими существами? Как долго кристалл сохранял контроль над своим творением — и как, построив его, мог он внезапно оставить его и позволить идти своим путем? И когда происходит такое редкое совпадение, при котором два кристалла создают нечто вроде Горти — когда они отпустят его и позволят жить самому по себе… и что тогда с ним станет?

Возможно Людоед был прав, когда он описывал творения кристаллов, как их сны — цельные фрагменты их чуждого воображения, построенные любым случайным способом, основанные на частичных предположениях, нарисованных ошибочными воспоминаниями о реальных предметах. Она знала — Людоед с готовностью демонстрировал — что существовали тысячи, может быть миллионы кристаллов на земле, живущих своей странной жизнью, не обращающих никакого внимания на них, потому что жизненные циклы, цели и намерения этих двух видов были совершенно различны. Однако — сколько

по земле ходит людей, которые совсем не люди; сколько деревьев, сколько кроликов, цветов, амеб, морских червей, красного дерева, ужей и орлов, росло и цвело, плавало и охотилось и стояло среди своих прототипов и никто не знал, что они чей-то сон, не имеющий кроме этого сна никакой истории?

— Книги, — презрительно фыркнула Зина. Книги, которые она прочитала! Она читала все, что попадалось ей под руки, что могло бы привести ее к пониманию природы живых кристаллов. И на каждую каплю информации, которую она добывала (и передавала Горти) о физиологии, биологии, сравнительной анатомии, философии, истории, теософии и психологии, приходились галлоны самодовольной уверенности, абсолютной уверенности, что человечество было венцом творения. Ответы… в книгах были на все вопросы. Появляется новая разновидность и какой-нибудь ученый муж притрагивается пальцем к носу и провозглашает: «Мутация!» Иногда конечно. Но — всегда? А как насчет спрятавшегося в канаве кристалла, смотрящего сон и рассеянно творящего, при помощи какого-то странного телекинеза, чудо творения?

Она любила, она поклонялась Чарльзу Форту,

который отказывался признавать, что любой ответ был единственным ответом.

Она снова посмотрела на свои часы и заплакала. Если бы она только знала; если бы только она могла направлять его… если бы ее саму кто-то направлял, куда-то, куда-то…

Ручка двери повернулась. Зина оцепенела, глядя на нее. Что-то тяжелое надавило на дверь. Стука не было. Щель между дверью и рамой, вверху, стала шире. Затем задвижка подалась и Солум ввалился в комнату.

Его лицо, с отвисшей зелено-серой кожей и болтающейся нижней губой, казалась больше чем обычно нависло над маленькими воспаленными глазками. Он сделал полшага назад, чтобы захлопнуть за собой дверь, и через комнату подошел к ней, его огромные руки были отведены от тела, как бы для того, чтобы предупредить любое движение, которое она могла бы сделать.

Его появление сообщило ей ужасные новости. Никто не знал, где она была, кроме Горти и Банни, которые оставили ее в этом туристическом домике прежде чем перейти через дорогу к карнавалу. А когда последний раз слышали о Солуме, он был в пути вместе с Людоедом.

Итак — Людоед вернулся и он столкнулся с

Банни или с Горти, или с обоими и, хуже всего, ему удалось получить информацию, которую покорности и нарастающего ужаса.

— Солум…

Его губы зашевелились. Его язык прошелся по блестящим острым зубам. Он протянул к ней руки и она отпрянула.

А затем он упал на колени. Медленно двигаясь он взял ее крошечную ногу в одну из своих рук, склонился над ней с выражением, которое без сомнения было почтением.

Он поцеловал ее подъем, удивительно нежно, и он заплакал. Он отпустил ее ногу и сидел там, погрузившись в сильные, беззвучные, сотрясающие все тело рыдания.

— Но, Солум… — сказала она, ничего не понимая. Она протянула руку и коснулась его мокрой щеки. Он крепче прижал ее. Она смотрела на него в полном недоумении. Давным-давно она бывало интересовалась, что происходит в сознании, спрятанном за этим уродливым лицом, сознании запертом в молчаливом, лишенном речи пространстве, когда весь мир проникал внутрь через наблюдательные глаза и оттуда никогда не выходило ни выражения, ни вывода, ни эмоции.

— Что случилось, Солум, — прошептала она. —

Горти…

Он посмотрел на нее и быстро кивнул. Она уставилась на него.

— Солум, ты слышишь?

Он казалось колебался; затем он показал на свое ухо и покачал головой. И тут же он показал на свою голову и кивнул.

— О-о-о… — выдохнула Зина. Годами в карнавале шли ленивые споры о том, был ли Человек с кожей аллигатора действительно глухим. Были случаи, которые подтверждали и, что он был и что не был, Людоед знал, но никогда не говорил ей. Он был — телепатом! Она покраснела, когда подумала об этом, о тех случаях, когда карнавальщики наполовину шутя оскорбляли его; и что еще хуже, о реакции посетителей, охваченных ужасом.

— Но, что случилось? Ты видел Горти? Банни?

Его голова дважды кивнула.

— Где они? Они в безопасности?

Он показал большим пальцем в сторону карнавала и грустно покачал головой.

— Людоед схватил их?

Да.

— А девушку?

Да.

Она соскочила с кровати и стала ходить взад вперед, игнорируя боль.

— Он послал тебя сюда, чтобы привести меня?

Да.

— Тогда почему ты не схватишь меня и не потащишь обратно?

Нет ответа. Он слабо задвигался. Она сказала:

— Давай разберемся. Ты забрал кристаллы, когда он послал тебя…

Солум постучал себя по лбу и раздвинул руки. Вдруг она поняла.

— Он загипнотизировал тебя в тот раз.

Солум медленно покачал головой.

Она поняла, что это было ему безразлично тогда. Но в этот раз было по-другому. Что-то произошло, что изменило его решение, и радикально.

— О, как было бы хорошо, если бы ты мог говорить!

Он сделал быстрые, горизонтальные и круговые движения своей правой рукой.

— Ну да, конечно! — воскликнула она. Она бросилась к потертому бюро и своей сумочке. Она нашла свою ручку; у нее не было никакой бумаги, кроме чековой книжки. — Вот, Солум. Скорее. Расскажи мне!

Его огромные руки охватили ручку, полностью

скрыли узкую бумагу. Он быстро писал пока Зина нетерпеливо сжимала руки. Наконец он передал написанное ей. Его почерк был аккуратным, почти микроскопическим, и аккуратным как гравировка.

Он написал, кратко:

— М. ненавидит людей. Я тоже. Не так сильно. М. нужна помощь, я помог ему. М. нужен был Горти, чтобы он мог причинить больше зла людям. Мне было все равно. Еще помог. Люди никогда не любили меня.

Я человек, немного. Горти совершенно не человек. Но когда Гавана умирал, он хотел, чтобы спела Малышка. Горти прочел его мысли. Он знал. Времени не было. Была опасность. Горти знал. Горти не спасал себя. Он сделал голос Малышки. Он пел для Гаваны. Потом было слишком поздно. М. пришел. Схватил его. Горти сделал это, чтобы Гавана мог умереть счастливым. Это не помогло Горти. Горти знал; все равно это сделал. Горти это любовь. М. это ненависть. Горти больше человек, чем я. Мне стыдно. Ты сделала Горти. Теперь я помогу тебе.

Зина прочитала это, ее глаза сделались очень яркими.

— Значит Гавана мертв.

Солум сделал выразительный жест, повернув свою голову руками, показав на свою шею, громко щелкнув пальцами. Он погрозил кулаком в сторону карнавала.

— Да. Людоед убил его… Откуда ты знаешь о песне?

Солум постучал себя по лбу.

— О. Ты узнал это у Банни и этой девушки Кей; из их мыслей.

Зина сидела на кровати, сильно сжав голову костяшками пальцев. Думай, думай… о, подскажи; дай совет обо всех этих враждебных вещах! Людоед, обезумевший, бесчеловечный; безусловно извращенный кристаллический продукт; должен быть какой-то способ остановить его. Если бы только она могла установить контакт с одним из кристаллов и спросить его, что делать… конечно он должен знать. Если бы только у нее был этот «посредник», переводчик, которого все эти годы ищет Людоед…

ПОСРЕДНИК!

— Я слепая, я абсолютно слепая и глупая! — выдохнула она. Все эти годы ее единственной целью было удержать Горти вдали от кристаллов; он не должен был иметь к ним никакого отношения, что бы Людоед не смог использовать его против

человечества. Но Горти был тем, чем он был; он был той самой вещью, которую искал Людоед; он был тем человеком, который мог связаться с кристаллами. Должен быть способ, при помощи которого кристаллы могли уничтожить то, что они создали!

Но расскажут ли ему кристаллы об этом?

Им не нужно будет это делать, решила она тут же. Все что Горти нужно будет сделать — это понять странный умственный механизм кристаллов, и метод ему будет ясен.

Если бы только она могла сказать ему это! Горти быстро учился, но медленно соображал; потому что фотографическая память это враг методического мышления. В конечном счете он сам до этого додумается, но к тому времени он может оказаться искалеченным слугой Людоеда. Что она могла сделать? Написать ему записку? Может быть он даже не будет в сознании, чтобы прочитать ее! Если бы только она была телепатом… Телепат!

— Солум, — сказала она настойчиво. — А ты можешь — «разговаривать», здесь (она дотронулась до своего лба) или только слышать?

Он покачал головой. Но в то же время он взял чек, на котором он писал и показал на слово.

— Горти. Ты можешь разговаривать с Горти?

Он покачал головой, а затем сделал исходящее движение от своего лба.

— О, — сказала она. — Ты не можешь передавать мысли, но он может прочесть ее, если попробует.

Он радостно закивал.

— Хорошо! — сказала она. Она глубоко вздохнула; она знала, наконец, что она должна была делать. Но цена… это не имело значения. Это не могло иметь значения.

— Отведи меня туда, Солум. Ты поймал меня. Я испугана, я рассержена. Доберись до Горти. Ты можешь придумать как. Доберись до него и думай ИЗО ВСЕХ СИЛ. Думай: СПРОСИ КРИСТАЛЛЫ, КАК УБИТЬ ОДИН ИЗ ИХ СНОВ. УЗНАЙ У КРИСТАЛЛОВ. Понял, Солум?

Эта стена выросла много лет назад, когда Горти пришел к очень простым выводам, что повелительные вызовы, которые будили его по ночам в его койке, относились к Зине, а не к нему.

Стена, однажды воздвигнутая, стояла нетронутой все эти годы, пока Зина не попросила его проникнуть в загипнотизированное сознание Банни. Для этого стена опустилась; она все еще была внизу, когда он использовал свое новое

чувство, чтобы найти трейлер, в котором была закрыта Кей, и когда он узнал смысл предсмертного желания Гаваны. Его чувствительное сознание следовательно было не защищено и открыто, когда появился Людоед и запустил в него свою отшлифованную и злобную пику ненависти. Горти упал в пламени агонии.

В общепринятом смысле слова он был полностью без сознания. Он не видел как Солум схватил теряющую сознание Кей Хэллоувелл и засунул ее под свою длинную руку, в то время, как его другая рука протянулась, чтобы схватить мягкую и добродушную Банни, которая брыкалась и плевалась, болтаясь у него в руке. Он не помнил как его отнесли в большой трейлер Монетра, как шатаясь прибыл, несколько минут спустя, потрясенный и кровожадный Арманд Блуэтт. Он не знал о быстром гипнотическом контроле Монетра над истеричной Банни, ни о ее спокойном ровном голосе, рассказывающем о местонахождении Зины, ни о резком приказе Солуму пойти в мотель и привести Зину. Он не слышал грубого приказа Монетра Арманду Блуэтту:

— Я думаю, что вы и девушка мне больше ни для чего не нужны. Отойдите и не путайтесь под ногами.

Он не видел внезапного рывка Кей к двери и жестокого удара кулака Блуэтта, который отправил ее обратно в угол пока он прорычал:

— Мне ты нужна кое для чего, дорогая, и больше тебе не улизнуть от меня.

Но затемнение обычного мира открыло для него другой. Он не был незнаком; он всегда сосуществовал с первым. Сейчас Горти увидел его только потому, что у него отобрали первый.

В нем не было ничего, чтобы освободиться от полного мрака забытья. В нем Горти был совершенно безразличен к удивлению и полностью лишен любопытства. Это было место мерцающих впечатлений и ощущений; удовольствия от интеграции абстрактной мысли, возбуждения при приближении одной совокупности к другой, захватывающей концентрации в отдаленных и общедоступных построениях. Он почувствовал присутствие личностей, и очень сильно; связь между ними не существовала, если не считать редкого приближения одной к другой и, где-то очень далеко, слившейся пары, которая как он знал была исключением. Если не считать этого, это был мир саморазвивающихся существ, каждое из которых богато эволюционировало по собственному вкусу. Было чувство постоянства,

жизни такой долгой, что смерть была несущественна, разве что как эстетическое ограничение. Здесь не было ни голода, ни охоты, ни сотрудничества, ни страха; эти понятия не имели никакого отношения к основам жизни, подобной этой. Изначально обученный принимать как должное и верить в то, что его окружало, Горти не пытался ни в чем разобраться, не делал сравнений, и не был ни заинтригован, ни удивлен.

Вскоре он почувствовал осторожное приближение силы, которая сбила его, использованной на этот раз скорее как стрекало, а не как копье. Он легко отбил ее, но начал приходить в сознании для того, чтобы можно было справиться с раздражением.

Он открыл глаза и обнаружил, что прямо в них смотрят глаза Пьера Монетра, который сидел за своим столом лицом к нему. Горти растянулся в кресле, его голова упиралась в угол между спинкой и маленьким закругленным подлокотником. Людоед не излучал ничего. Он просто смотрел, и ждал.

Горти закрыл глаза, зевнул, подвигал челюстями, как делает человек при пробуждении.

— Горти, — голос Людоеда был медовым, дружелюбным. — Мой дорогой мальчик. Я так долго

ждал этого момента. Это начало великих дел для нас двоих.

Горти снова открыл глаза и огляделся. Блуэтт стоял, уставившись на него, трясущаяся смесь страха и бешенства. Кей Хэллоувелл забилась в угол противоположный входу, на полу. Банни сидела возле нее на корточках, безвольно держась за руку Кей, глядя в комнату отсутствующим взглядом.

— Горти, — сказал Людоед настойчиво. Горти снова встретился с ним взглядом. Он без усилий блокировал гипнотическую силу, которую излучал Людоед. Медовый голос продолжал, успокаивая: — Ты наконец дома, Горти по-настоящему дома. Я здесь, чтобы помочь тебе. Это твое место. Я понимаю тебя. Я знаю, что ты хочешь. Я сделаю тебя счастливым. Я научу тебя величию, Горти. Я буду защищать тебя, Горти. А ты поможешь мне. — Он улыбнулся. — Не правда ли, Горти?

— Ты можешь подохнуть, — сказал Горти кратко.

Реакция была мгновенной — стержень грубой ненависти, отточенной до остроты лезвия, кончика иглы. Горти легко отбил его, и ждал.

Глаза Людоеда сузились, а его брови поползли вверх.

— Сильнее, чем я думал. Хорошо. Я предпочитаю иметь сильного. Тебе *придется* работать со мной, знаешь ли.

Горти молча покачал головой. Снова, и в два раза сильнее, Людоед нанес удары по нему, с разными временными промежутками. Если бы оборона Горти была противодействием, как рапира или боксерская перчатка, Людоед пробил бы ее. Но это была стена.

Людоед откинулся назад, сознательно расслабившись. Его оружие явно требовало множества энергии.

— Очень хорошо, — промурлыкал он. — Мы слегка притупим тебя. — Он лениво постукивал пальцами.

Проходили долгие мгновения. Только теперь Горти осознал, что он был парализован. Он мог дышать довольно легко, и, с трудом, двигать головой. Но его руки и ноги были свинцовыми, ватными. Слабая боль в задней части шеи — и его глубокое знание анатомии — информировали его об умело сделанной спинно-мозговой инъекции.

Кей пошевелилась и затихла. Банни посмотрела на нее и отвела взгляд, все с тем же отсутствующим выражением ее доброго круглого лица. Блуэтт переступал с ноги на ногу.

Дверь открыли локтем. Вошел Солум с Зиной на руках. Она была ослабевшей. Горти отчаянно и бесполезно попытался двинуться. Людоед улыбнулся поощряя и сделал движение головой.

— В угол с остальным мусором, — сказал он. — Может быть нам удастся использовать ее. Думаю наш друг будет более сговорчивым, если мы сократим ее немного?

Солум улыбнулся волчьей улыбкой.

— Конечно, — сказал Людоед задумчиво. — Она и так не очень большая. Нам надо будет быть осторожнее. По чуть-чуть. — Изобличая его непринужденный тон, его глаза следили за каждым движением на лице Горти. Солум, старина, наш мальчик Горти слишком напряжен. Может ты ударишь его слегка. Ребром ладони сбоку по шее, прямо у основания черепа. Как я тебе показывал. Ты знаешь.

Солум подошел к Горти. Он положил одну руку Горти на плечо и тщательно прицелился другой. Рука, которая лежала на его плече, легонько сжимала его, снова и снова. Глаза Солума пылали, глядя на Горти. Горти смотрел на Людоеда. Он знал, что основной удар последует оттуда.

Вторая рука Солума опустилась. Через долю секунды после того, как она ударила его шею, пси-

хический удар Монетра натолкнулся на барьер Горти. Горти был слегка удивлен: Солум имитировал удар. Он быстро поднял глаза. Солум, стоящий спиной к Людоеду, прикоснулся к своему лбу и отчаянно задвигал губами. Горти отбросил все это. У него не было времени на пустые раздумья… он услышал как Зина всхлипнула.

— Ты у меня на пути, Солум! — Солум неохотно сдвинулся. — Дай ка ему еще разок, — сказал Людоед. Он выдвинул ящик перед собой и вытащил два предмета. — Горти, ты знаешь, что это?

Горти заворчал и кивнул. Это были глаза Джанки. Людоед захихикал. Если я разобью их, ты умрешь. Ты знаешь это, да?

— Не много от меня тогда будет помощи, да?

— Это верно. Но я просто хотел, чтобы ты знал, что они у меня под рукой. — Он церемонно зажег маленькую спиртовку. — Мне не надо будет уничтожить их. Однокристаллические существа прекрасно реагируют на огонь. Ты должен реагировать вдвое лучше. — Его голос резко изменился. — О, Горти, мой мальчик, мой дорогой мальчик — не вынуждай меня так играть с тобой.

— Давай играй, — сквозь зубы пробормотал Горти.

— Ударь его снова, Солум. — На этот раз голос был надтреснутый.

Солум протянул к нему свою руку. Горти мельком увидел оживившееся лицо Арманда, язык мелькнувший по его влажным губам. Удар был сильнее на этот раз, хотя по-прежнему на удивление менее сильным, чем он ожидал — и кстати менее сильным, чем он выглядел. Голова Горти откинулась от удара и упала на грудь с закрытыми глазами. На этот раз Людоед не выпустил никаких стрел, видимо пытаясь заставить Горти использовать свои средства защиты, экономя собственные силы.

— Слишком сильно, ты идиот!

В углу застонал голос Кей:

— О, прекратите это, прекратите это…

— А-га. — Стул Людоеда заскрипел, когда он поворачивался. — Мисс Хэллоувелл! Что молодой человек сделает ради вас? Тащите ее сюда, Блуэтт.

Судья послушался. Он сказал, плотоядно улыбаясь:

— Оставьте что-нибудь для меня, Пьер.

— Я сделаю, как пожелаю! — рявкнул Людоед.

— Хорошо, хорошо, — сказал судья, присмирев. Он пошел обратно в свой угол.

Кей стояла перед столом, прямая, но дрожащая.

— Вам придется отвечать перед полицией, — выпалила она.

— Судья позаботится о полиции. Садись, моя дорогая. — Когда она не двинулась он заорал на нее. — Сесть! — Она задохнулась и села на стул возле края длинного стола. Он протянул руку и, схватив ее за запястье, подтянул к себе. — Судья говорил мне, что тебе нравится, когда у тебя отрубают пальцы.

— Я не знаю о чем вы говорите. Отпустите м…

В это время Солум стоял на коленях возле Горти и бил его по щекам. Горти подчинялся спокойно, в полном сознании. Кей вскрикнула.

— У нас здесь веселый шумный карнавал, — улыбнулся Людоед. — Это совершенно бесполезно, мисс Хэллоувелл. — Он вытащил из ящика тяжелые ножницы. Она снова закричала. Он положил их и взял спиртовку, легко коснувшись пламенем кристаллов, которые лежали подмигивая перед ним. По какому-то удивительному везению — или может быть более сложной вещи, чем везение, Горти бросил быстрый взгляд сквозь ресницы именно в эту секунду. Когда бледное пламя коснулось кристаллов, он откинул голову,

исказил черты лица…

Но он сделал это нарочно. Он ничего не чувствовал.

Он посмотрел на Зину. Ее лицо было напряжено, вся ее душа стремилась сказать ему что-то…

Он открыл этому свое сознание. Людоед увидел его открытые глаза и выстрелил еще один из своих ужасных психических импульсов. Горти едва успел закрыть свое сознание; часть импульса проникла внутрь и встряхнула его до самой сути.

Впервые он в полной мере осознал свою неспособность, свои неоднократные безуспешные попытки ясно самому понимать вещи. Он сделал страшное усилие. Зина пыталась сказать ему что-то. Если бы у него была хоть одна секунда, чтобы получить ее… но он пропал, если подвергнется еще одному такому удару, как первый. Было что-то еще, что-то связанное с *Солумом!* Подающая сигналы рука на плече, говорящие глаза, полные чего-то невысказанного…

— Ударь его снова, Солум. — Людоед взял ножницы. Кей снова закричала.

Снова Солум склонился над ним, снова рука прижалась к его плечу тайно, настойчиво. Горти посмотрел зеленоватому человеку прямо в глаза

и открылся посланию, которое было там.

СПРОСИ У КРИСТАЛЛОВ. СПРОСИ У КРИСТАЛЛОВ КАК УБИТЬ ОДИН ИЗ ИХ СНОВ. УЗНАЙ У КРИСТАЛЛОВ.

— Чего ты ждешь, Солум?

Кей кричала и кричала. Горти закрыл свои глаза и свое сознание. Кристаллы… не те, которые на столе. *Все* кристаллы, которые жили — в - в…

Тяжелая рука Солума опустилась на его шею. Он позволил ей опустить себя все ниже и ниже в лишенное света место, полное структурных мерцающих ощущений. Оставаясь в нем, он яростно шарил вокруг своим сознанием, пытаясь узнать. Его игнорировали полностью, величественно. Но и защиты от него тоже не было. То, что ему было нужно было там; он должен был только понять это. Ему и не помогали, и не препятствовали.

Он осознал теперь, что мир кристаллов не был выше обычного. Он был просто — другой. Эти самодостаточные отвлеченные личности были кристаллами, следовавшие своим пристрастиям, жившим своей совершенно чуждой жизнью, думающими при помощи логики и шкалы ценностей, совершенно невозможной для человеческого существа.

Он мог понять часть всего этого, не будучи

скованным жесткими идеями, хотя его и втиснули в человеческую форму так плотно, что он не мог полностью смешаться с этими немыслимыми существами. Он понял почти сразу, что теория Монетра о снах кристаллов была верной и неверной, как удобная теория о том, что вокруг атомного ядра вращаются частицы. Эта теория работала в простой практике. Изготовление живых существ было функцией имеющей цель, но эту цель нельзя было объяснить в человеческих понятиях. Единственно, что стало ясно Горти, была почти полная неважность, для кристаллов, этой функции. Они делали это, но она служила им почти так, как человеку служат его аппендикс. И судьба существ, которые они создавали, волновали их так же мало, как судьба отдельной молекулы углекислого газа, выдохнутой человеком.

Тем не менее, механизм, при помощи которого осуществлялось творение был здесь, перед Горти. Его цель была вне его понимания, но он мог понять как он действует. Изучая его своим моментально все схватывающим умом он узнал… вещи. Две вещи. Одна имела отношение к глазам Джанки, а вторая…

Это то, что надо было сделать. Это было похоже

на попытку остановить катящийся валун, блокируя его другим валуном, катящимся на его пути. Попытку снять щеткодержатель с двигателя постоянного тока, попытку разрезать сухожилия на задних ногах бегущей лошади. Это делалось при помощи сознания, чудовищным усилием, которое определенным образом говорило *стоп!* определенному виду жизни.

Понимая это, он ушел оттуда, незамеченный — или проигнорированный странными существами вокруг него. Он пустил в себя свет. Он появился и почувствовал свое первое настоящее удивление. Его шея болела от удара руки Солума, которая все еще отодвигалась от него. Тот же крик, который начался, когда он погружался, пришел к своему задыхающемуся завершению, когда он всплыл. Банни все еще смотрела медленно моргая своими тяжелыми как у наркомана веками; Зина все еще скрючилась с тем же измученным выражением сосредоточенности на своем заострившемся лице.

Людоед нанес удар. Горти отвел его, и теперь он смеялся.

Пьер Монетр встал, его лицо почернело от ярости. Кисть Кей выпала из его руки. Кей бросилась к двери; Арманд Блуэтт помешал ей. Она

вернулась обратно, в угол к Зине, и рухнула там, рыдая.

Теперь Горти знал, что делать; он узнал эту вещь. Он попробовал ее своим сознанием, и сразу же понял, что это нелегко будет сделать. Для этого нужно было бы собрать умственную энергию, оформить ее, прицелиться и выстрелить. Он сосредоточился на себе и начал работать.

— Тебе не следовало надо мной смеяться, — сказал Людоед хрипло. Он схватил два кристалла и уронил их в металлическую пепельницу. Он взял спиртовку, тщательно отрегулировал пламя.

Горти работал. И при этом часть его мозга не была занята этим.

— Ты можешь убивать кристаллические вещества, — говорила она. Людоеда, да, но — ты собираешься сделать большое дело. Могут быть убиты другие… какие другие? Моппет? Двуглавая змея? Гоголь? Солум?

Солум, уродливый, немой, заключенный Солум, который в последний момент обратился против Людоеда и помог ему. Он передал ему послание Зины, и это был его собственный смертный приговор.

Он поднял глаза на зеленого человека, который отодвигался от него, его горящие глаза были все

еще полны посланием, не зная, что Горти прочел его и действовал в соответствии с ним несколько секунд назад. Бедное, попавшее в ловушку, искалеченное существо…

Но это было послание Зины. Зина всегда была его судьбой и наставником. Тот факт, что это послание исходило от нее, означал, что она взвесила последствия и приняла соответствующее решение. Возможно так было лучше. Возможно Солум мог каким-нибудь непознаваемым образом достичь мира, которого никогда не давала ему жизнь.

Странная сила нарастала внутри него, его полиморфный метаболизм превращался в арсенал его сознания. Он чувствовал как сила вытекает из его рук, из икр его ног.

— Ну как, щекочет? — прорычал Людоед. Он провел пламенем по мерцающим кристаллам. Горти сидел неподвижно, ожидая, зная, что теперь это нарастающее давление не поддавалось его контролю, и что оно выплеснется, когда достигнет критической точки. Он не отводил взгляда от багрового взбешенного лица.

— Интересно, — сказал Людоед, — который кристалл какую часть строит, когда они приступают к этому. — Он опустил пламя как скальпель,

проводя им туда сюда вдоль одного из кристаллов. — Ну как…

И тут это случилось. Даже Горти был не готов к этому. Она вырвалась из него, вещь, которую он узнал у кристаллов. Звука не было. Была чудовищная вспышка синего света, но она была внутри его головы; когда она прекратилась, он совершенно ничего не видел. Он услышал придушенный крик, звук падения тела. Затем медленно, колени, бедро, голова, еще одно тело. Затем он отдался боли, потому что его сознание, внутри, было как поле после гонимого ветром пожара, кровоточащее и обгоревшее и дымящееся, на котором вспыхивали и умирали отдельные язычки пламени.

Темнота медленно накрывала его, хотя тут и там оставалось упрямое светлое пятно боли. Его зрение начало проясняться. Он откинулся назад, лишенный сил.

Солум свалился на пол возле него. Кей Хэллоувелл сидела возле стены закрыв лицо руками. Зина прислонилась к ней с закрытыми глазами. Банни по-прежнему сидела на полу, глядя перед собой и тихонько раскачиваясь. Возле двери вытянулся Арманд Блуэтт. Горти подумал, этот дурак падает в обморок, как дама викториан-

ских времен, затянутая в корсет. Он посмотрел на стол.

Людоед стоял потрясенный и бледный, но прямой. Он сказал:

— Похоже ты сделал ошибку.

Горти просто смотрел на него без выражения. Людоед продолжал:

— Я был уверен, что с твоими талантами ты должен был бы знать разницу между кристаллом и человеческим существом.

«Мне не пришло в голову посмотреть, — молча вскричал он. — Научусь ли я когда-нибудь сомневаться? Зина всегда сомневалась за меня»

— Ты разочаровываешь меня. У меня всегда была та же проблема. Однако, в среднем я угадываю довольно часто. Примерно в восьми случаях из десяти. Однако признаюсь, что *это* было для меня неожиданностью. — Он безразлично показал большим пальцем на Арманда Блуэтта. — Ну ладно. Еще один сердечный приступ на территории Ярмарки. Мертвый кристалл выглядит так же, как и мертвый человек. Если ты не знаешь, что искать. — С одним из пугающих изменений своего голоса он добавил: — ТЫ ПЫТАЛСЯ УБИТЬ МЕНЯ… Он подошел к стулу Горти и посмотрел на Солума. — Я должен буду научиться обходиться

без старого Солума. Обидно. Он был очень полезен. — Он лениво пнул ногой длинное тело и вдруг развернулся и больно ударил Горти по губам. — Ты будешь делать в два раза больше, чем он, и с удовольствием! заорал он. — Ты будешь подпрыгивать от одного моего шепота! — Он потер руки.

— О-о-о…

Это была Кей. Она легонько двинулась. Голова Зины свалилась ей на колени. Она растирала маленькие запястья.

— Не трать попусту время, — сказал Людоед буднично. — Она мертва.

Кончики пальцев Горти, особенно отрастающие обрубки на его левой руке, начали покалывать. «Она мертва. Она мертва.»

У себя за столом Людоед поднял один из кристаллов и подбросил его, глядя на Зину. — Прелестная маленькая вещь. Подлая змея, конечно, но прелестная. Хотелось бы знать, где кристалл, который сделал ее, нашел оригинал. Удивительно качественная работа. — Он потер руки. — Эй, Горти, не догадываешься чем мы теперь займемся? — Он сел, поглаживая кристалл. Расслабься, мальчик, расслабься. Это был чертовски хороший удар. Я бы хотел научиться такому фокусу. Как

ты думаешь, я смогу?.. А может быть я все-таки оставлю это тебе. Похоже, что он тебя хорошо вымотал.

Горти не двигаясь напряг мускулы. Сила понемногу возвращалась в его измученную оболочку. Хотя это и не принесет ему никакой пользы. Лекарство держало бы его даже если бы он был вдвое сильнее, чем обычно.

«Она мертва. Она мертва.» Когда он сказал это, он имел в виду Зину. Зина хотела быть настоящим живым нормальным человеческим существом… понятно, все странные люди хотят, но Зина особенно, потому что она не была человеком, совсем. Вот почему она никогда не позволяла ему читать свои мысли. Она не хотела, чтобы кто-нибудь знал. Она так *сильно* хотела быть человеком. Но она знала. Она должна была знать, когда отправляла ему послание через Солума. Она знала, что это убьет и ее тоже. Она была человеком в большой степени, чем любая живая женщина.

«Я сейчас начну двигаться» — подумал он.

— Ты будешь сидеть здесь без пищи и воды пока не сгинешь, — сказал Людоед приятно, — или по крайней мере пока ты ослабеешь настолько, чтобы пустить меня в свою упрямую голову, где

я смогу разорвать все глупые представления, которые возможно есть у тебя, о том что ты сам себе хозяин. Ты принадлежишь *мне* — трижды принадлежишь. — Он любя трогал два кристалла. — Оставайся на месте! — прорычал он Кей Хэллоувелл, которая начала подниматься. Удивленная и разбитая, она снова рухнула. Монетр встал, подошел и стал над ней. — Так, а с тобой что делать. Хм.

Горти закрыл глаза, и всей своей нарастающей энергией он думал. Какое лекарство использовал Монетр? Наверняка что-то типа бензокаина или монокаина… Он чувствовал приближающееся головокружение — первый признак тошноты. Какой препарат даст именно такой результат, а затем продемонстрирует именно такую степень токсичности? В глубине своего сознания он видел перелистывающиеся страницы словаря лекарств.

Думай!

Десяток препаратов мог оказать такое действие. Но Монетр наверняка выбрал такое, которое сделает все, что он хочет — а он хотел не просто неподвижности. Ему нужна была еще и психическая стимуляция.

Нашел! Старый проверенный — кокаин гидро-

хлорид. Антидот… эпинефрин.

«А теперь я должен стать аптекой», подумал он мрачно. Эпинефрин.

Адреналин! Достаточно близко — и очень легко получить в данных обстоятельствах. Надо только открыть глаза и посмотреть на Людоеда. Его губы сложились в улыбку. Головокружение прошло. Сердце начало колотиться. Он контролировал его. Он мог чувствовать как его тело переходит в приближенное к нормальному состоянию. Его ноги стали покалывать почти непереносимо.

— Ты тоже могла бы стать жертвой сердечного приступа, — задумчиво говорил Монетр Кей. — Немного *кураре*… нет. Судьи для одного дня достаточно.

Глядя на спину Монетра Горти расслабил свои руки, прижал локти к бокам, пока его грудные мышцы не затрещали. Он попробовал встать, снова попробовал. Он чуть не упал, а затем свобода и ненависть объединились, чтобы ускорить возвращение силы в его тело. Он встал, сжимая кулаки, стараясь не дышать шумно.

— Ладно, мы как-нибудь от тебя избавимся, — сказал Людоед, возвращаясь к своему столу, разговаривая через плечо с перепуганной девушкой. — И скоро — ах! — Он оказался лицом к

лицу с Горти.

Рука Людоеда протянулась и сжала кристаллы. — Не приближайся ни на пол-дюйма, — проскрежетал он, — или я раздавлю их. Ты свалишься как мешок гнилой картошки. Не двигайся, ну.

— Зина действительно мертва?

— Как дверной гвоздь, сынок. Извини. Мне жаль, что все было так быстро, я хотел сказать. Она заслужила более артистического обращения. Н е д в и г а й с я! — Он держал кристаллы в одной руке, как орехи, которые собирался расколоть. — Лучше отойди и сядь там, где тебе будет удобнее. — Их глаза встретились, задержались. Один раз, другой, Людоед послал Горти свою отточенную ненависть. Горти не шелохнулся. — Чудесная защита, — сказал Людоед одобрительно. — А теперь пойди и с я д ь! — Его рука сильнее сжала кристаллы.

Горти сказал:

— Я знаю способ убивать человеческие существа, тоже. — Он подошел ближе.

Людоед отпрянул. Горти обошел стол и приблизился.

— Ты сам напросился! — выдохнул Людоед. Он сжал свою костлявую руку. Раздался слабый звонкий щелчок.

— Я назову этот способ по имени Гаваны, — сказал Горти глухо, — в честь моего друга.

Спина Людоеда прижалась к стене, его глаза округлились, лицо стало бледным. Он уставился на один нетронутый кристалл в своей руке — как и грецкие орехи, раскололся только один, когда их оба сжали — взвизгнул как птица, уронил кристалл и раздавил его ногой. А затем обе руки Горти были на его голове. Он повернул ее. Они вместе упали. Горти обхватил ногами грудь Людоеда, еще раз схватил его за голову, и снова повернул изо всех сил. Раздался звук, как если бы пачку сухих спагетти разломали пополам, и Людоед обмяк.

Темнота опускалась на Горти ниспадающими потоками. Он отполз от неподвижной фигуры, его лицо почти столкнулось с лицом Банни. Лицо Банни было обращено вниз и она смотрела мимо него и больше не была безучастной. Ее губы раздвинулись и стали видны зубы. Ее шея вытянулась и стали видны напрягшиеся жилы. Нежная Банни… она смотрела на мертвого Людоеда, и она смеялась.

Горти лежал неподвижно. Как он устал, устал… усилие было слишком тяжелым чтобы дышать. Он приподнял подбородок, чтобы воздуху бы-

ло легче проходить через горло. Подушка была такой мягкой, такой теплой… Волосы слегка коснулись его поднятого лица, легко погладили его закрытые веки. Это не подушка, это круглая рука, согнувшаяся под его головой. Душистое дыхание на его губах. Она была большая, теперь; обыкновенная человеческая девушка, какой она всегда хотела быть. Он поцеловал ее губы.

— Зи. Большая Зи, — пробормотал он.

— Кей. Это Кей, дорогой, мой бедный храбрый дорогой…

Он открыл глаза и посмотрел на нее, его глаза были глазами ребенка в этот момент, полными усталости и удивления.

— Зи?

— Все в порядке. Теперь уже все в порядке, — сказала она успокаивая. — Я Кей Хэллоувелл. Все в порядке.

— Кей. — Он сел. Там был Арманд Блуэтт, мертвый. Там был Людоед, мертвый. Там была… была… Он издал хриплый звук и неуверенно поднялся на ноги. Он подбежал к стене и поднял Зину и осторожно положил ее на стол. Места для нее было много… Горти поцеловал ее волосы. Он соединил ее руки и позвал ее тихонько, дважды, как если бы она пряталась где-нибудь поблизости

и дразнила его.

— Горти…

Он не шелохнулся. Стоя к ней спиной он сказал глухо:

— Кей, куда ушла Банни?

— Она пошла сидеть с Гаваной. Горти…

— Пойди побудь с ней немного. Иди. Иди.

Она поколебалась, а когда вышла, побежала.

Горти услышал стонущий звук, но услышал его не ушами. Он был у него в голове. Он поднял глаза. Солум стоял там, молча. Стонущий звук снова появился в голове Горти.

— Я думал, что ты мертв, — охнул Горти.

— Я думал, что ты мертв, — последовал молчаливый удивленный ответ. Людоед раздавил твои кристаллы.

«Они закончили со мной. Они закончили все много лет назад, я взрослый… завершенный… законченный, и это с тех пор, как мне исполнилось одиннадцать лет. Я только сейчас узнал. Зина не знала. Все эти годы она… о. Зи, Зи!» — Спустя какое-то время Горти снова поднял глаза и посмотрел на зеленого человека. — «А как ты?»

«Я не кристалл, Горти. Я человек. Я оказался принимающим телепатом. Ты нанес мне страшный удар в самое чувствительное место. Я не

виню тебя и Людоеда за то, что вы подумали, что я мертв. Я сам так думал какое-то время. Но Зина…»

Они стояли рядом над крошечным искалеченным телом и каждый думал свои мысли.

Потом они разговаривали.

— Что будем делать с судьей?

«Сейчас темно. Я оставлю его возле центральной аллеи. Это будет выглядеть как остановка сердца.»

— А с Людоедом?

«Болото. Я позабочусь об этом после полуночи.»

— Что бы я делал без тебя, Солум. Я чувствую себя таким — потерянным. Я и был бы потерянным, если бы не ты.

«Не благодари меня. Я бы до этого не додумался. Она сделала это, Зина. Она точно сказала мне, что делать. Она знала, что произойдет. Она также знала, что я человек. Она знала все. Она сделала все.»

— Да. Да, Солум… А что делать с девушкой? Кей?

«О. Я не знаю.»

— Я думаю, что ей лучше вернуться туда, где она работала. Элтонвилль. Я бы хотел, чтобы она

забыла обо всем.

«Она может.»

— Она — о, конечно. Я могу сделать это. Солум, она…

«Я знаю. Она любит тебя, как если бы ты был человеком. Она думает, что ты человек. Она ничего этого не понимает.»

— Да. Я бы — хотел… Неважно. Нет, не надо. Она не — такая, как я. Солум — Зина… любила меня.

«Да. О, да… и что ты собираешься делать?»

— Я? Я не знаю. Покончить со всем этим, наверное. Играть где-нибудь на гитаре.

«Кем бы она хотела тебя видеть?»

— Я…

«Людоед сделал много зла. Она хотела остановить его. И вот он остановлен. Но я думаю, что может быть она бы хотела, чтобы исправил часть зла, которое он сделал. Вдоль всего пути нашего карнавала, Горти сибирская язва в Кентукки, белладонна на пастбищах по всему Висконсину, африканские гадюки а Аризоне, полиомиелит и цереброспинальный менингит Скалистых Гор в Аллеганских горах; он даже поместил муху це-це во Флориде со своими адскими кристаллами! Я знаю, где расположены некоторые из них, но ты сможешь найти остальные даже лучше, чем он

это делал.

— О, Боже… и они мутируют, болезни, змеи…

«Ну?»

— Он был на три дюйма выше… длинные руки… узкое лицо… Я думаю, почему бы и нет, Солум. Я могу сыграть эту роль какое-то время — по крайней мере пока Пьер Монетр не завершит организационные дела по передаче управления карнавалом «Сему Гортону», чтобы он мог отойти от дел. Солум, у тебя светлая голова.

«Нет. Она велела мне предложить это тебе, если ты сам до этого не додумаешься.»

— Она… О, Зи, Зи… Солум, если ты не против, я хотел бы побыть один какое-то время.

«Да. Я уберу отсюда эту падаль. Сначала Блуэтта. Я просто положу его возле палатки первой помощи. Никто никогда не задает старому Солуму никаких вопросов.»

Горти погладил волосы Зины, один раз. Его взгляд прошелся по трейлеру и остановился на теле Людоеда. Он внезапно подошел к нему и перевернул лицом вниз.

— Я не хочу, чтобы на меня смотрели… — пробормотал он.

Он сел за стол, на котором лежало тело Зины. Он пододвинул стул ближе, сложил перед собой

руки и положил на них подбородок. Он не прикоснулся к Зине, его лицо было отвернуто от нее. Но он был с н е й, близко, близко. Тихонько он заговорил с ней, используя их старые идиомы, как если бы она была жива.

— Зи?..

— Тебе больно, Зи? У тебя такой вид, как будто тебе больно. Помнишь котенка на ковре, Зи? Мы когда-то говорили об этом друг другу. Это мягкий ковер, да, и котенок вонзает в него свои коготки и потягивается. Он тянется вперед и назад, и он зевает! А затем он подворачивает одно плечо и просто *распластывается.* И если поднять его лапу пальцем, она повиснет, как кисточка и падает обратно — *бах!* на пушистый мягкий ковер. И если ты будишь думать об этом пока не увидишь это, все это, место, где мех немного примялся, и тонкую розовую полоску, которая просвечивается сбоку потому что котенок слишком расслабился, чтобы до конца закрыть свой рот — тогда ты больше просто *не сможешь* чувствовать боль.

— Ну так вот…

— Тебе больно, потому что ты не такая, как все люди, да, Зи? Интересно знаешь ли ты сколько этого в каждом из них. Странные люди, маленькие люди — в них этого больше, чем у большин-

ства. А у тебя больше, чем у любого из них. Теперь я знаю, *теперь* я знаю почему ты хотела и хотела быть большой. Ты притворялась, что ты человек; и у тебя было человеческое желание быть большой; и таким образом ты прятала от себя то, что ты совсем не человек. И именно поэтому ты так сильно старалась сделать из меня самого лучшего человека, которого ты только могла придумать; потому что ты должна была быть сама человеком, чтобы сделать все это для человечества. Я думаю, что ты верила, действительно верила, что ты человек — до сегодняшнего дня, когда тебе пришлось посмотреть правде в глаза.

— Итак ты посмотрела правде в лицо, и ты умерла.

— Ты полна музыки и смеха и слез и страсти, как настоящая женщина. Ты умеешь делиться и ты знаешь как это, быть с к е м — т о.

— Зина, Зина, кристалл видел действительно прекрасный сон, когда он создавал тебя!

«Почему он не закончил свой сон?»

— Почему они не заканчивают то, что начинают? Почему эти наброски без картин, эти аккорды без мелодии, эти пьесы оборванные на кульминации второго акта?

«Подожди! Шшш!.. Зи! Не говори ничего…»

— А должна ли быть картина для каждого наброска? Надо ли сочинять симфонию на каждую тему? Подожди, Зи… У меня в голове одна умная мысль…

— Она идет прямо от тебя. Помнишь все, чему ты меня учила — книги, музыка, картины? Когда я покинул карнавал, у меня был Чайковский и Джанго Рейнхарт; у меня был «Том Джонс, найденыш» и «1984». И когда я ушел, я основывался на этих вещах. Я нашел новые красоты. Сейчас у меня есть Барток и Жан-Карло Менотти, «Наука и психика» и «Сад Плинка». Ты понимаешь, что я имею в виду, дорогая? Новые красоты… вещи, о которых я и не мечтал раньше.

— Зина, я не знаю большая это или малая часть жизни кристаллов, но у них есть искусство. Когда они молодые — по мере взросления — они пробуют свои навыки в копировании. А когда они спариваются (если это спаривание) они создают что-то новое. Вместо копирования они берутся за живую вещь и строят из нее, клетка за клеткой, красоту своего собственного изобретения.

— Я собираюсь показать им новую красоту. Я собираюсь указать им новое направление — нечто, о чем они никогда раньше не мечтали.

Горти встал и подошел к двери. Он опустил

жалюзи и запер их, и закрыл засов. Вернувшись к столу он сел и просмотрел все ящики. Из глубокого ящика слева он вынул тяжелую шкатулку красного дерева открыл ее ключами Людоеда, и достал планшеты с кристаллами. Он с любопытством рассматривал их при свете настольной лампы. Не глядя на этикетки он собрал все кристаллы в груду возле тела Зины и опустил свою голову на руки среди них. Было довольно темно, горела только настольная лампа; совсем слабый свет пробивался сквозь завешенные овальные окна трейлера.

Горти наклонился вперед и поцеловал гладкий, прохладный локоть.

— Оставайся пока здесь, — прошептал он. — Я сейчас вернусь, дорогая.

Он наклонил голову и закрыл глаза, и позволил своему сознанию окунуться в темноту. Ощущение его присутствия в трейлере ускользнуло, и он стал отрешенным, бродягой в темноте.

Снова другое чувство заменило его зрение, и снова он почувствовал присутствие других существ. На этот раз он полностью осознал отсутствие групповой атмосферы, кроме одной — нет трех пар на достаточно большом расстоянии. А все остальные были отдельными, изолирован-

ными, не имеющими ничего общего, каждый преследовал эзотерические, сложные линии мысли… не мысли, но чего-то на нее похожего. Горти остро чувствовал разницу между этими существами. Одно было сконцентрированным величием, достоинством и покоем. Аура другого была подвижной и высокомерной, а еще одно глубоко прятало странные, пульсирующие, тайные серии идей, которые захватили его, хотя он и знал, что никогда их не поймет.

Самой странной вещью было то, что он, посторонний, не был чужаком среди них. Везде на земле, входя в клуб, или в аудиторию, или в бассейн, посторонние в какой-то степени понимали, что они здесь чужие. Но Горти ничего подобного не чувствовал. Он также не чувствовал себя и частью сообщества. И не чувствовал, что его игнорируют… Он знал, что они заметили его. Они знали, что он наблюдает за ними. Он мог чувствовать это. Никто здесь, как бы долго он с ними не оставался, не попытался общаться он был уверен в этом. И никто не будет избегать этого.

И внезапно он понял. Вся земная жизнь происходит и существует из одной команды: Выживай! Человеческий мозг не может действовать ни на какой другой основе.

У кристаллов была своя основа — и совершенно другая.

Горти почти понял ее, но не совсем. Такая же простая, как «выживай!», это была концепция настолько отдаленная от всего, что он когда-либо слышал или читал, что она ускользнула от него. По этому признаку он был уверен, что они сочтут его послание сложным и интригующим.

Поэтому — он обратился к ним. Нет слов, чтобы передать то, что он говорил. Он и не пользовался словами; вещь, которую он хотел сказать, вышла одним мощным толчком глубокого описания. Содержащее каждую мысль, которая спала в его сознании в течение двадцати лет, его книги и музыку, его страхи и радости и удивления, и все его мотивы, это единое послание распространилось среди кристаллов.

Оно рассказало о ее прекрасных белых зубах и ее музыкальном голосе. Оно рассказало о том случае, когда она отослала Хадди, и о контуре ее щеки, и о глубине чувства, которое скрывалось в ее глазах. Оно рассказало о ее теле, и привело тысячу и один человеческий стандарт, по которому она была красива. Оно рассказало о говорящих шуршащих аккордах на ее маленькой гитаре, и ее щедром голосе, и об опасности, перед которой

она стояла, защищая вид жизни, от которого получил ее один из кристаллов. Оно нарисовало ее безыскусную наготу оно оживило сдавленный, наполовину спрятанный плач; уравновесило ее слезы звуками арпеджио ее смеха; и рассказало о ее боли и ее смерти.

Подспудно во всем этом было человечество. При этом возникла великолепная этика Выживания: «Высочайшая команда это выживание вида, за ней следует выживание группы. И низшее из трех это самосохранение». Все добро и все зло, вся мораль, весь прогресс зависят от этой последовательности основных команд. Сохранить себя ценой группы — это поставить под угрозу весь вид. Сохранить группу ценой вида — это совершить самоубийство. В этом суть добра и жадности, и источник справедливости для всего человечества.

И возвращаясь к девушке, отвергнутой. Она отдала свою жизнь за чужую касту, и сделала это подчиняясь ее самой благородной этике. Не исключено, что «справедливость» и «милосердие» родственные понятия; но ничто не может изменить того факта, что ее смерть, после завоевания ею права на жизнь, это плохое искусство.

И это вкратце, все отягощенное неуклюжими

половинчатыми словами, описывает единую фразу его послания.

Горти ждал.

Ничего. Никакого ответа, никакого приветствия… ничего.

Он вернулся обратно. Он почувствовал стол под своими руками, свою ладонь на щеке. Он поднял голову и моргнул, глядя на свет лампы. Он пошевелил ногами. Они не затекли. Когда-нибудь ему надо будет исследовать аномалии восприятия времени в той атмосфере чужеродной мысли.

Он испытал удар — от своего провала.

Он закричал, хрипло, и протянул руки к Зине. Она лежала совершенно неподвижная, совершенно мертвая. Он прикоснулся к ней. Она была окоченевшей. Окоченение подчеркнуло кривую улыбку в результате травм, которые нанес Людоед ее двигательным центрам. Она выглядела смелой, печальной и полной сожаления. Глаза Горти горели.

— Ты выкопаешь яму, понимаешь, — проворчал он, — и ты опустишь в нее это, и засыплешь его. А затем что ты, черт побери, делать с остальной своей жизнью?

Он почувствовал кого-то возле двери. Он вынул носовой платок и вытер глаза. Они все еще пекли.

Он выключил настольную лампу и подошел к двери. Солум.

Горти вышел, закрыл за собой дверь и сел на ступеньку.

«Что, так плохо?»

— Похоже, что да, — сказал Горти. — Я — пожалуй не думал, что она останется мертвой до этого момента. — Он подождал минутку, а потом сказал хрипло: — Поговори со мной, Солум.

«Мы потеряли примерно треть наших странных людей. Каждого в радиусе двухсот футов от этого твоего удара.»

— Пусть упокоятся с миром. — Он посмотрел на стоявшего над ним зеленого человека. — Я действительно имею в виду, Солум. Я не просто так сказал.

«Я знаю.»

Молчание.

— Я не чувствовал себя так с тех пор как меня выгнали из школы за то, что я ел муравьев.

«А зачем ты это делал?»

— Спроси у моих кристаллов. Когда они работают, они создают чертовскую нехватку муравьиной кислоты. Я не знаю почему. Я не мог не есть их. — Он принюхался: — Я чувствую их запах сейчас. — Он наклонился и снова принюхался. — У

тебя есть огонек?

Солум дал ему зажигалку, зажег ее.

— Я так и думал, — сказал Горти. — Наступил прямо на муравьиную кучу. — Он взял оттуда щепотку и просеял ее на свою ладонь. — Черные муравьи. Маленькие рыженькие намного лучше. — Медленно, почти неохотно, он перевернул руку и стряхнул мусор. Он отряхнул руки.

«Идем в столовую, Горти.»

— Да. — Он встал. На его лице была растерянность. — Нет, Солум. Ты иди вперед. Мне нужно кое-что сделать.

Солум грустно покачал головой и пошел. Горти вернулся в трейлер, нашел в темноте дорогу к задней стенке, где Людоед хранил свои лабораторные препараты.

— Она должна быть где-то здесь, — пробормотал он, включал свет. Соляная, серная, азотная, уксусная — ага, вот она. — Он взял бутылку муравьиной кислоты и открыл ее. Он нашел кусочек ваты, смочил его в кислоте и прикоснулся языком. — Вкусно, — пробормотал он. — А это что? Рецидив? — Он снова поднял кусочек ваты.

— Это *так* хорошо пахнет! Что это? А мне можно немного?

Горти сильно прикусил язык и повернулся.

Она вышла на свет, зевая.

— Надо же было мне уснуть в таком странном месте… Горти! Что случилось? Ты — ты плачешь? — спросила Зина.

— Я? Никогда, — сказал он. Он обнял ее и зарыдал. Она обнимала его голову и принюхивалась к кислоте.

Спустя некоторое время, когда он затих, и когда у нее был свой кусочек ваты, она спросила:

— В чем дело, Горти?

— Мне нужно много рассказать тебе, — сказал он мягко. — В основном о маленькой девочке, которая была чужаком, пока не спасла страну. А потом собралось что-то вроде международного гражданского комитета, который позаботился о том, чтобы она получила свои документы и мужа в придачу. Удивительная история. По-настоящему артистическая…

Часть письма:

«…в больнице, просто отдыхая, малыш Бобби. Я думаю, что у меня просто было переутомление. Я ничего не помню. Мне сказали, что я вышла из магазина однажды вечером и меня нашли блуждающей по улицам четыре дня спустя. Со мной ничего не случилось, совсем ничего, Бобби. Это странно оглядываться на дыру в твоей жизни.

Но от этого я стала ничуть не хуже.

Но есть и хорошие новости. Старый противный Блуэтт умер от сердечного приступа на карнавале.

Моя работа у Хартфорда ждет меня, когда бы я ни вернулась. И послушай, помнишь странный рассказ о гитаристе, который одолжил мне триста долларов в ту ужасную ночь? Он прислал мне записку через Хартфорда. Там пишется, что он только что унаследовал бизнес стоимостью в два миллиона и что я могу оставить деньги себе. Я просто не знаю, что делать. Никто не знает где он, и вообще ничего о нем. Он навсегда уехал из города. Один из соседей сказал мне, что у него две маленькие дочери. Во всяком случае с ним были две маленькие девочки, когда он уходил. Так что деньги в банке, и папино наследство в портфеле.

Так что не волнуйся. Особенно обо мне. Что касается этих четырех дней, они не оставили на мне никакого следа; ну, маленький синяк на щеке, но это пустяк. Вероятно это были хорошие дни. Иногда, когда я просыпаюсь, у меня возникает такое чувство — я почти могу его определить словами — это что-то вроде полу-памяти о том, что я любила очень хорошего. А может быть я все это придумала. Теперь ты смеешься надо

мной...»